

Троицкие листки

(духовно-нравственное чтение для народа,
публикуемое в конце 19 века)

№ 550-600

Содержание

550. Святитель – нищелюбец	2
551. Старая забота для Нового года	5
552. Праздник Крещения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в Церковных песнопениях.....	8
553. Как святитель Тихон обучал людей	11
554. Что такое «сон Богородицы»?.....	14
555. Слово о любви называющему себя старообрядцем о том, одно ли и тоже – догмат и обряд	17
556. Небесные заступники края Литовского	20
557. Кто отвалит камень греховный?	22
558. Как постились наши деды и как постимся мы	25
559. О двенадцати пятницах.....	28
560. На всякий день (из Церковных песнопений).....	30
Славословия Господу Богу	31
Молебные воздыхания о помощи в жизни.....	31
О ненавидящих и обидающих, и о умножении любви	32
К Богоматери	33
561. Кто Бога любит, того Бог не забудет	34
562. Пустынники - милостивцы.....	37
563. Непобежденный враг русской земли	40
564. Слово покаявшегося пьяницы «о многопотопном и прелестном пьянстве».....	43
565. Слово о пьяницах	46
566. Пчела, ужалив, умирает.....	48
567. От Бога не укроешься	51
568. Христиане ли мы?	54
569. Праздник входа Господня в Иерусалим в Церковных песнопениях	57
570. Слово о тайной вечере Христовой	60
571. Что претерпел за нас Господь наш?	63
572. Плач над гробом Христовым	66

573. Светлая радость Воскресения Христова.....	69
574. Христос Спаситель – наш Учитель	72
«Господь мой и Бог мой!».....	74
575. Долина Суда или Иосафатова.....	75
576. Небошественная икона Богоматери	78
577. Желаем ли мы на небо? («Господь же убо, по глаголании Его к ним, вознесся на небо» (Мк. 16; 19)).....	81
Готовы ли мы на небо?.....	81
578. Святительская исповедь	84
579. Тайна Пресвятой Троицы.....	87
580. Берегите малюток.....	90
581. Отголоски древнерусской проповеди против пьянства.....	93
582. Смирись, гордый человек.....	96
583. Богу нужно наше сердце.....	99
584. Юный постриженник	102
585. Каким перстосложением молились наши прадеды до патриарха Никона....	104
586. Без примирения нет и спасения	107
587. Небесная Воевода русской земли.....	111
588. Праздник Успения Богоматери в Церковных песнопениях	113
589. Наставления царя – отца своему сыну.....	116
590. Дом нерукотворенный	120
591. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы в Церковных песнопениях....	122
592. Многоскорбная княгиня - праведница.....	125
593. Небесные споручники брачного союза.....	127
594. Икона Знамения Богоматери.....	130
595. Сказание о чуде, как святой великомученик и Победоносец Георгий вразумил сарацина	133
596. Как святая Церковь молится за усопших?.....	134
597. Чем умиротворить смущенное сердце?	137
598. Положи, как Иов, завет очам твоим	140
599. Праздник Рождества Христова в Церковных песнопениях.....	143
600. Что есть печать Христова и что будет печать антихриста	146

550. Святитель – нищелюбец

Святитель Христов Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, всем требующим милостыни подаваше, всех в скорбях утешаше, не словом точию, но и делом: алчущия насыщая, нагая одевая, пленники на свободе искупая, от больных и странных попечение имеем. И бе щедрота его также

река непрестанно и изобильно текущая, и всех, от него помощи жаждущих, напающая.

В начале пастырства своего призва экономов церковных, и поручи им, глаголя: "Пройдите весь град, и препишите ми господей моих". Вспросили же его экономы: "Котории суть господие твои, владыко?" Отвеща патриарх: "Их же вы убогими и нищими нарицаете, тии суть господие мои: могут бо мя придти в вечныя кровы, и подати великую помощь ко спасению". Идоша убо экономы, и преписаша всех убогих, елико их на стогнах, и в больницах и гноищах обретоша; и се число их семь тысяч и пятьсот. И всем тем Иоанн святой установи оброк денный в препитание. А понеже не всяк можаше приходити и приступати к нему невозбранно, яко не от коемждо приходящем раби ему возвещаша, — того ради избра себе два дни в седмице, среду и пяток, в наже при церковных дверех сидяще, всякому хотящему невозбранный к себе приход даше и потребы его послушая, и мир творя в человецех, и глаголаше: "Аще мне ко Господу Богу моему всегда невозбранный есть приход, и беседую моляся к Нему, и прошу у Него, еще хочу, то почто не имам дати ближнему моему невозбранного прихода ко мне, да возвестит ми свою обиду и нужду и просит у меня, еже хочет, подобает бояться Рекшаго: в нюже меру мерите, возмерится вам".

Аще же случися когда блаженному, тако к нему тако селящему никтоже прииде, ниже кто проси чесо у него, — тогда прискорбен воставаше и со слезами отхождаше в дом свой. Иногда же его во-прошах нецыи, почто сетует и скорбит, отвещаваше им: "Ныне смиренный Иоанн ничтоже обрете, ние принесе что Богу от гресех своих". Блаженный же Софроний друг его, утешаючи его, глаголаше ему: "Поистине днесь веселитися тебе подобает, отче, тако овцы твоя живут мирно, без распри и свары, как Ангелы Божиий".

Идущу святому посетити больным (дважды бо или трижды в седмице посещати болящия хождаше), некто странен срете его и просяще милостыни: он же повел слуге, да даст ему шесть сребренников. Взем убо сребренники, странник оный, отыде. Восхотев же искусити щедроту его, измени ризы своя и тек иным путем, срете Иоанна блаженного и моляще его, глаголя: "Помилуй мя, господине, яко пленник есмь". Он же паки повелел дати ему шесть сребренников. Слуга же патриарху, ко уху рече: "Владыко, той есть сей нищий, иже взя первее шесть сребренников". Патриарх же сотворися аки неслыша и дати повелеваше. Станный же, взял вторицею таковуюжде милостыню, паки измени ризы своя и паки иным путем патриарха срете, и третицею просяще милостыни у него. Слуга же паки рече патриарху: "Сей есть, владыко, иже первее и второе по шести сребренников взял, ныне же третицею просит". Тогда блаженный отвеща слуге, глаголя: "Даждь ему дванадесать сребренников, не Христос ли мой есть искушаяй мя".

Во един от дней прииде к святому некий вельможа богат и случися ему узрети постелю святого, яже бе худым одеялом покровена. ИТед убо в дом свой и посла ему одеяло, ценою сущее тридесать и шесть златник, и моли его, да покрывается тем одеялом. Не хотя же патриарх оскорбите вельможу

того, прия моления его ради одеяло и покрояся им точию ночь един. Глаголаше же к себе: "Горе тебе, окаянный Иоанне, так ты покрываешия многоценным одеялом, а братия Христова, нищии, мразом тают, колицы суть без храмины и покрова на ветре и стужи кочующии, и едва малу рогозину или худое рубище имущии, колицы суть нази на гноищах лежащии и от стужи трясущиися, егде же и гладни, и без сна всю ночь пребывают, яко и алчны суть, и умирают от мраза. Увы мне, колицы суть убозии, желающии такоже Лазарь, насытитя от крупиц, падающих от трапезы моя, увы мне, колицы суть страннии и пришельцы в граде сем, не имущии где главы приклоните, на дворе, бедне ночь провождают, и, тако страждуще, благодарят от всем Великого Христа. Ты же, Иоанне, хотя вечный покой получитьи, zde в покои пребываеши, и всякое угодие имаши, в храмах красных живеши, мягкая одеяния носиши, вино пиеши, рыбы избранны ясти, — еще же ко всем сим и многоценным одеялом покрояся, — еси, и чесого надеешися в будущем веце? Воистинну глаголю тебе, окаянный Иоанне, не имаши получитьи вечного царствия, но услышиши всяко, как и богатый оный: "Восприял еси благая твоя в животе твоём, убозии же восприяша злая". Благословен Бог! Тако в другую ночь смиренный Иоанн не покрояся сим одеялом, но нищии и убозии ценою его покроятся. Бывшу же дню, посла абие одеяло на торжище продати, дабы ценою тою одежды купити убогим. Продаему же бывшу одеялу, прилучися мимо идти вельможи тому, иже блаженному Иоанну дарова одеяло то, и, видев продаемо, купи и паки посла ко Иоанну, моля его, да держит своя ради потребности. Святой же прием, паки продати посла. Вельможа же, паки видев, купи, и паки посла ко Иоанну, моля, да сам покрояется им. Иоанн же и третицею продати посла, но вельможа и третицею купив, ко Иоанну отосла. Посем Иоанн посла к вельможи тому, глаголющи: "Узрим, кто от нас стужит первее: аз ли продаю, или ты, купуй и подаяй ми паки". Таковым образом Иоанн святой много злата от вельможи того взя на потребу убогим.

Некогда грядущу ему в церковь святых мучеников Кира и Иоанна, притече к нему некая вдова нища, возвещая о великой от зятя своего обиде, и прося помощи от святого патриарха. Реша же последствующий святому: "Владыко, егда возвратишия в дом, тогда послушаеши моления тоя вдовицы". Отвеща святой: "А ныне како мя Бог послушает, аще аз не послушаю ея?" — и не сосупи с места, дондеже послуша вдовицу и от озлобления избави ю.

Юноша некий по смерти родителей своих в велицей нищете пребываше. Уведав же о нем Иоанн, вопроси приключившихся, како обнищал юноша, ибо слыша бо о родителях его, яко богати быша. Поведаша же ему неции боголюбивии мужи, яко родители отрока того милостиви быша вельми и вся имения своя убогим расточиша, сыну же своему точию десять литр злата оставиша. И умре первее мать, потом и отец к смерти приближающися, призвав сына, предложи ему злато оное и образ Пречистой Богородицы и рече: "Чадо любимое, се от всего имения нашего десять литр точию злата

остаяся, а вся вложихом в руке Христе. Ныне убо рцы ми, что хощещи оставлю тебе: злато ли сие или Владычицу нашу Богородицу, помощницу и питательницу твою?" Отрок же, минув злато, взя икону Пречистыя Богородицы, а злато убогим дати повелел, и отдано бысть и последнее имение нищим. Умершу же отцу, остаяся отрок убог, и во мнозей нищете стражда пребываше; по вся же дни и нощи хождаше на пение и молитву в церковь Пресвятыя Богородицы. Сия слышав, преподобный Иоанн, почудися добродетели и разуму того отрока и возлюбил его душою, и поскольку истинный сиротам отец, — попечение имеяше о том отроке, и мысляще, которую бы ему сотворити милость. Единою же призва эконома своего, тайно, глагола ему: "Хощу тебе рещи вещь некую, но блюди, да не повеси никомуже. Экономом же обещаюся хранити тайну, юже речет ему; и глагола патриарх: "Шед, возми хартию ветху, и напиши на ней завет последния воли умрети имушаго, аки бы некоего мужа именем Сеопеипт, и сотвори яки бы аз и убогий оный отрок сродницы есмы искреннии, и шед юноше оному тако: Аще ты, чадо, стыдишися явити себе патриарху, яко сродник его еси, то аз о тебе скажу ему". Шед же экономом, сотвори по повелению патриарха, написа писание на хартии ветхой, и, призвав отрока, показа ему, аки бы отца его было писание то, в немже является сродство с патриархом. Отрок же, прочет, рад бысть, обаче стыдящися, яко убог, и худыми рубы одеян. И моли эконома, да скажет о нем патриарх. Шед же экономом к святому, возвести ему. И глагола святой: "Рцы отроку, тако глаголет патриарх: помню, яко дядя мой имеяше сына, но в лице не знах его, добре убо сотвориши, аще приведеши его ко мне: принеси же и писание с собою". Шед же экономом, привеле отрока, и показа писание преподобному. Он же, обея юношу любезно, глагола: "Добр, яко пришел еси, дади моего сыне!" Даде же ему имения многа и купи храмы и всяку потребу, и сочета его девице благородней, и вскоре потщася сотворити его богата, и славна, и честна, да исполнится реченное в псалмах: Не видех праведника оставлена, ниже семене его просяща хлеба.

Бе же Иоанн святой и к больным весьма милостив, имже часто сам служаще, и умирающим приседаше, помогая им молитвами своими при исходе их; и за умершыя сам часто Божественную совершаше литургию, и глаголаше, яко Божественная литургия, за умершыя совершаемая, очень душам помогает.

(Рассказы из жития святителя Иоанна Милостивого, из Четии Минеи)

551. Старая забота для Нового года

«Блюдайте убо, како опасно ходите, не как немудры, но как премудри, искупающе время, яко дние лукави суть» (Еф.5;15)

Дорожите временем, потому что дни лукавы, — вот что говорит апостол Христов. И в самом деле, братие, вспомним прошедший год, — где он? И не видали мы, как он прошел, канул в вечность, как капля в море, и никогда уже

не воротится... Так бегут дни за днями, годы за годами, бегут и обманывают нас: пока не пришло время, пока не настал год... Нам кажется, что времени много впереди: "Легко сказать — целый год!" А настал год, и прошел, и — будто только вчера мы Новый год встречали... Так поистине дние лукави суть, и грешно, поистине грешно не дорожить временем! А кто дорожит временем, тот всегда дает себе отчет: куда и на что оно у него уходит? Заботливый купец обыкновенно в конце года подводит итоги за прошлый год: хорошо ли у него дело шло? Много ли было прибыли, много ли убытка? Когда же и нам, братие, всего лучше свести счета за прошлый год, да и не за один только год, а кстати уж и за всю жизнь, если не теперь, в начале Нового года?.. Оглянемся же, друга, назад: ведь годов-то много прошло, а прошло ли с ними, исчезло ли все то, что мы делали во все это время худого или доброго? Нет, возлюбленные, и добрые дела, и грехи наши все до единого живут и будут жить до самого суда Христова. Всякое наше доброе дело записывает Ангел; всякое наше худое дело записывает лукавый. За всякое доброе дело нам готовится награда на небе; за всякое худое дело нам готовится мучение во аде. Как же нам, братие, не задуматься, как не спросить себя: а чего у нас больше — добрых дел или грехов? У кого больше записано: у Ангела Божия или у лукавого? И чего нам ожидать на Страшном Суде Христовом за нашу жизнь: награды или муки вечной? Вот, други мои, вопросы, над которыми стоит каждому из нас задуматься сегодня для Нового года. Спроси каждый свою совесть, пусть она даст ответ на эти вопросы, прежде чем придется ей же ответить на них в день Страшного Суда Христова. Вопросай же себя без всякого лукавства: помни, что Бога ведь не обманешь, что Ему больше ведомы самые сокровенные тайны твоего сердца, чем тебе самому, что перед Ним тот и прав, кто ни в чем не оправдывается, а всю надежду оправдания полагает во Христе Спасителе. Богат ли ты? Благословил ли тебя Господь земными благами? Спроси себя: помнишь ли, что все, что есть у тебя, дано тебе от Господа Бога, что ты только приставник Божия достояния, что от тебя во всем потребует отчета Небесный Домовладыка: как и на что употребляешь ты богатство твое? Не на прихоти ли свои? Помогаешь ли бедняку-соседу в его нужде безысходной? Не за деньги, не за работу, а так, ради заповеди Господней. Ты слышал, например, что твой сосед заболел: навестил ли ты его, спросил ли, в чем он нуждается, какая забота тяготит сердце его? Утешил ли его чем-нибудь? Помог ли в чем? Ты видел прохожего, странника или богомольца: пригласил ли его к себе в дом, успокоил ли с дороги, обогрел ли зимой, угостил ли, чем Бог послал? Позаботился ли ты о сироте бесприютном? Помог ли вдовице беспомощной? Приходила она к тебе, просила у тебя дровец, чтобы согреть свою убогую хижину: дал ли ты? Был вот недавно великий праздник Христов: вспомнил ли ты об их нищете? Послал ли им что-нибудь во имя Господне? Ах, брат мой! Если совесть скажет тебе, что этого ты не сделал, то поспеши, поспеши, ради Господа, хотя бы сегодня, для Нового года, утешить их, да и не их только, но и свою собственную душу! Начни новое лето делом

милосердия и верь, друг мой, что Господь благословит тебя за это на все новое лето! Бывал ты в городах, знаешь, что там есть арестанты: проведал ли ты когда-нибудь сидящих в тюрьме? послал ли им хоть что-нибудь на утешение? Есть у тебя должник-бедняк: простил ли ты ему хоть половину долга, хоть выросшие на долг проценты? А если он не тебе, а другому должен: помог ли ты ему из долгов выпутаться? Или вот умер сосед-бедняк; родных у него нет, или если и есть, то такие же нищие, как и сам покойник: помог ли ты им похоронить его? Ах как много, брат мой, можно делать добра, владея этим тленным богатством, и как мало — ах, как мало этого добра делают!.. Видно, Господь Сердевец именно это и имел в виду, когда сказал: «удобнее есть вельбуду сквозе иглине уши проити, неже богату во Царствие Божие внити» (Мф. 19; 24). Не богатство, само по себе, тут виновато, а сердце человеческое, которое так прилипает к богатству, что само как бы оземляется и становится неспособным к восприятию Царствия Божия...

Но и бедность, сама по себе, еще не отверзает Царствия Небесного; будут и бедняки, которые пойдут во ад в день Страшного Суда Божия. Спроси же и ты себя, бедняк: как живешь? Не потому ли ты и беден, что ленив? А если не так, если бедность есть крест, от Бога на тебя возложенный, то как ты его несешь? Не ропщешь ли на свою долю горькую? Ты работаешь по найму у богатого: прилежно ли работаешь, так же ли, как сам для себя, или с лукавством, лишь бы провести день до вечера? Вот, богатый оказал тебе благодеяние: молишься ли ты за него Господу Богу? Или, может быть, тебя обижал богатый: терпеливо ли ты сносил обиду? Не отвечал ли на обиду бранью и словом горького ропота? Друг мой! Ведай, что как богатому для спасения души необходимо милосердие, так и тебе, бедному, необходимо терпение. Не спасется богатый без милости, не спасется и бедный без терпения.

Но оставим и бедных и богатых; спроси каждый сам себя: видел ты печального или несчастного, утешил ли его? Согрел ли его сердце словом любви и доброго участия? Или, чего Боже сохрани, ты думал: "Так ему и нужно"? Ты видел незнающего молитв, непонимающего, что худо, что добро: научил ли, наставил ли этого невежду? У тебя есть дети: учишь ли их страху Божию? Знают ли они у тебя, как надо Богу молиться? Ходят ли в церковь Божию? Почитают ли старших? Учатся ли Божиим заповедям? Не знают ли с порочными товарищами или подругами? Родители! Помните, что вы дадите Богу ответ за детей своих! А вы, дети, почитаете ли своих родителей? Не оскорбляете ли их грубостями и непослушанием? Помните, дети, что все ваше счастье, вся ваша судьба в благословении родительском: старайтесь же заслужить его... И вы, супруги, спросите себя: верно ли соблюли обеты, данные вами перед всей Церковью? Ты, муж, не жестоко ли обращаешься со своей женой? Ты, жена, не раздражаешь ли мужа своей сварливостью?..

Так, возлюбленные мои, всяк подумай сегодня и пересмотри всю свою жизнь; допроси себя: всегда ли ты искал случая сделать доброе дело? За

добро, какое окажется, прослави Господа: все доброе ведь от Бога, а не от нас. Без Бога мы только грешить можем; поэтому нам и нечем хвалиться. Не говори: "Я то и то сделал". Не ты, а Господь через тебя сделал. Ему Единому и буди от нас слава и честь. А ты молись только Богу, чтобы не отнял от тебя благодати Своей, если возгордишься своими добрыми делами.

Но может быть, ты ни единого доброго дела не найдешь в себе; может быть, ты вспомнишь только тысячи грехов?.. Может быть, совесть твоя скажет тебе, что ты только и делал, что прилагал грехи ко грехам, беззакония к беззакониям, и собрал такую тяжесть, которая тянет тебя на дно адово?.. О, если так, брат мой, то дорожи временем: оглянись еще раз назад, на всю протекшую во грехах жизнь твою; посмотри вперед — на грядущую смерть; возри к небу — на Страшного Судию; приинки долу — в бездну разверстого для нераскаянных грешников ада, и помысли, что тебе готовится там, что тебя ожидает здесь?.. Ты увидишь над собой висящий меч грозного суда Божия, а под собой огонь вечно не угасающий и червь неумирающий... Вспомни тогда, что Господь и Спаситель твой только и ждет твоего покаяния, чтобы тебя помиловать; что вот Он и еще дает тебе новое лето благости Своей на покаяние; что Он щадит тебя яко бесплодную смоковницу, ожидая от тебя благих плодов покаяния — дел добрых... Он сколько всемогущ, столько же и милосерд: спеши к Нему, брат мой, спеши со слезами сердечного раскаяния! Он поможет тебе переменить с Нового года весь порядок жизни, бросить грех и делать добро. И да будет нынешний день для тебя и для меня и для всех нас, грешных, началом новой жизни о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же честь и слава в бесконечные веки веков, аминь!

552. Праздник Крещения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в Церковных песнопениях

Листок третий

1. Ликования

Христос грядет ко крещению; Христос ко Иордану приходит; Христос ныне в воде погребает грехи наша, яко Благ: с веселием воспоим Ему, яко прославился.

Воспойте песни, Небесныя Силы; пойте, человецы, и радуйтесь согласно: се бо Владыка, Отчее Сияние, грядет к струям Иорданским, да крестится от раба; людие, воззовем: благословен явлейся, Боже наш, слава Тебе!

Земля и небо ныне да ликуют: всех Благодетель крещается, в водах погружая наше множество безмерных прегрешений.

Да радуется тварь, отечествия языков (народов) да поют: Иисус, Царь всея земли, предгрядет струями Иорданскими сотворити наше очищение.

Сладости поток — Христос к водам Иорданским раболепно приходит омыться: горы, възграйте; холми, радостию препояшьте; оскверненнии, ко очищению Божественному уготовитеся.

Днесь тварь просвещается, днесь всяческая веселятся, небесная вкупе и земная, Ангели и человецы смешаются; идеже бо Царево пришествие, тамо и чин приходит.

Днесь вод освящается естество, и разделяется Иордан, и своих вод возвращает струи, Владыку зря крещаемая.

Возвеселися ныне, Иордане, и ликуй; Иоанне, възграй; вся вселенная, радуйся: се явися Христос, и обнажается, и крещается, облачая человечество во одежду нетления.

Иордане реко, что удивился еси, зря невидимаго нага? Видех и вострепетах, рече, и како бо Сего не восхотех устрашиться и зайти? Ангели Его устрашишася зряще, ужасеся небо, и земля вострепета, и смятеся море, и вся видимая и невидимая: Христос явися на Иордан освятити воды.

Что возвращаеши твоя воды, о Иордане? Что воспящаеши струи, и не преходиши еже по естеству хождение? Не мощно ми терпети, рече, Огня, поядающаго мя; удивляюся и ужасаюся крайнему схождению: яко не обыкох Чистаго измывати, ни навыкох Безгрешнаго отирати. Но... терния попаляти ми согрешений учит иже во мне крещаемый Христос.

Облак и море древле прообразоваху чудо Божественнаго крещения, в нихже крестися исходяще древнии законнии людие: море же бе образ воды, и облак — Духа.

Назнаменоваше иногда пророк славный (Елисей) крещения благодать, воды первее бесплодныя солию соделав многоплодными, силою явившагося Бога нашего.

Услади горесть вод солию Елисей, Твой же, Богомати, Сын и Бог, крещя в воде, греха горесть и болезнь отъят.

2. Назидания

Глас вопиющаго слышан бысть в пустых сердцах: возвеселитесь, предста Христос, оставление всем даруя; освятитесь вся — море, источницы и реки, и удолия (долины), и вся подсолнечная.

Иже от Адама назии, приидите вси, облечемся в Него, да согреемся, покрывает бо нагия и просвещает темныя.

Скверну всяк носяй, да омыет ю слезными каплями и Христу с трепетом да приступит, идущему очистити огнем и Духом Божественным естество наше.

Изливше слезныя источники от очес, очистим, вернии, всяку скверну душевную и Свет во свете светом узрим, креститися Христу грядущу, Емуже присвидетельствует Отец с небесе и Духа Святаго пришествие блистает голубиным видом.

Скверно слово лукавых помышлений да не внесем; слову же Божественному поучившеся, песни да принесем Слову, нас ради плотию

явльшемуся и просвещающему суция во тьме, Егоже вся тварь благословит, славящи во веки.

Греховную мглу всю отложивше, чисти явимся Владыце, вся очищающему струями Божественными.

Во Иордане реце грядущему креститися Христу, приидите приблизимся, слезными очистившеся струями. Взирающе на Христа, смиряющагося волею даже и до рабиа образа, под крепкую Его руку смиримся, духом взявшеся, яко да крещаема Сего чистыми делы почтим.

Воспоим, людие, Рожденному от Девы и в реце Иордане крестившемуся и к Нему возопиим: Царю всякия твари! Даруй нам неосужденно чистою совестью верно достигнути Твое святое из мертвых тридневное востание.

3. Песнопения Христову Предтече

Великий Крестителю Господень, радуйся: прииде бо Христос от тебе креститися. Трепещеши яко служитель: Владыка бо главу преклоняет тебе. Прикоснися Божественному верху Бога, содержащаго рукою всяческая и благоволением спасающаго род человеческий.

Руку твою, прикоснувшуюся пречистому верху Владычню, с неюже и перстом Того нам показал еси, воздежи о нас к Нему, Крестителю, яко дерзновение имея много, ибо всех болий пророк от Него свидетельствован еси; очи же твои, Всесвятаго Духа видевшия, яко в виде голубине сошедша, паки воздвигни к Нему, Крестителю, и милостива нам соделай, и прииди, стани с нами, предначинаяй торжество.

4. Вспомним, братие, о нашем Святом Крещении

Крещение Господа нашего Иисуса Христа напоминает нам о нашем крещении. По благодати Господа и по вере наших родителей и восприемников, и мы сподобились великого Святого Таинства Крещения, и мы еще во младенчестве крещены во имя Пресвятой Троицы: Отца и Сына и Святаго Духа.

Для чего, братие, крестится человек? Для того, чтобы таинственно омыться от грехов и получить Царство Небесное. Спаситель говорит: «Аще кто не родится водою и Духом, то есть кто не крестится, тот не может внити во Царствие Божие» (Ин. 3; 5). Ах, если бы после крещения, братие, могли мы на целую жизнь оставаться, по крайней мере, яко дети, у которых хотя и бывают грехи, но грехи не смертные, грехи только неведения... Но увы! «Аще речем, яко греха не имама, себе прельщаем» (1 Ин. 1; 8). Уже сама мысль о том, что будто мы безгрешны, есть тяжкий фарисейский грех, есть признак крайней духовной слепоты или гордости. И в самом деле, спроси каждый своих восприемников: какие они за тебя давали страшные обеты перед Богом при твоём крещении? Тогда они ручались за тебя; а на Страшном Суде ты сам будешь отвечать за себя. Ты устами их отрекался сатаны и всех дел его: исполнил ли это? А дела сатаны — это все страсти наши, все наши грехи: избегал ли ты их? А если согрешал (да и конечно согрешал), то принес ли полное сердечное покаяние? Перестал ли впадать в те же грехи? Помни, что ты трижды отрекся от сатаны перед лицом

Пресвятой Троицы. Ты сочетавался Христу, соединился с Ним, и также трижды повторил свой обет — не разлучаться с Ним, и трижды погрузился в купель во имя Пресвятой Троицы в знамение того, что ты умер для греха и будешь жить для одного Христа; Ему одному всю жизнь станешь служить. Ты соделался причастником даров Духа Святаго: не потерял ли эту благодать? Скажи, какое оправдание на суде Божиим представишь? То ли, что ты был младенцем, когда тебя крестили? Но тебя Господь будет судить и за грехи, которые соделал ты в зрелом возрасте, когда ты уже понял, что значит грех и добродетель. А главное, тебе дано покаяние, тебе дано в руки Святое Евангелие, тебе даны все средства благодати Божией для твоего спасения. Крестился ты крещением Христовым: старайся же во всем подражать Христу, по мере сил твоих; будь таким же кротким, милостивым, смиренным, добрым, терпеливым, любвеобильным, каким был Христос; иди таким же прискорбным и узким путем, каким и Он шел. Для чего ты наживаешь богатство земное, а не думаешь о небесном? Что ты тщеславишься красотой телесной, а не заботишься о красоте душевной? Почему не повинешься уставам Церкви и живешь по обычаям мира? Во всем ты должен подражать Христу, а не миру. Ты на земле гость, помни, что тебе нужно жить с Богом и Ангелами; поэтому и на земле ты должен вести жизнь равноангельную. Все удовольствия мира ты оставишь; с тобой разлучатся все твои приятели, с которыми теперь проводишь время в удовольствиях; все забудешь, — одни грехи останутся при тебе. Смерть бежит на нас и нечаянно накроет нас. Горе тому, кого застанет она без покаяния! И блажен тот, кто очистит одежду Святого Крещения вторым крещением — слезной купелью покаяния!

Братие! Вот слышен голос Предтечи Христова: покайтесь! Вот и Сам Господь взывает к нам: покайтесь! Вот и Святая Церковь скоро отверзет нам двери святого поста — времени покаянного! Поспешим же принести плоды, достойные покаяния, которых ждет от нас ныне наш Спаситель. Аминь.

553. Как святитель Тихон обучал людей

Любил Христос Спаситель наш младенцев незлобивых; лаская и благословляя их, Он и апостолов поучал: «оставите детей и не возбраняйте им прийти ко Мне: таковых бо есть Царство Небесное» (Мф. 19; 14). «Аще (и вы сами), — говорил Он, — не будете яко дети, не внидете в Царствие Небесное» (Мф. 18; 3). Любили детей и все святые Божии, потому что в их невинных душах яснее видели они образ Божий, еще не помраченный произвольными грехами. И всячески заботились они о том, чтобы внушить детям страх Божий, предостеречь от греха и научить добродетели. Вот что читаем мы в житии нашего родного святителя Тихона Задонского: "Он приласкивал к себе детей, призывал к себе в келью, учил молитвам и объяснял эти молитвы со свойственной ему простотой, а самых малых

приучал, по крайней мере, произносить: "Господи, помилуй", "Пресвятая Богородице, спаси нас", и тому подобное, и старался приучить их ходить в церковь. Вот как рассказывает келейник святителя о его обращении с детьми: «Когда он идет из церкви в келью свою, как бедные и неимущие из мужичков, так и многое число детей идут за ним. Малые дети, невзирая на его архиерейский сан, толпой, со смелым лицом войдут за ним прямо в зал, где (по словам другого келейника), положив по три земных поклона, единогласно и громко скажут: "Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!" А он скажет им: "Дети, где Бог наш?" Они так же единогласно и громко скажут: "Бог наш на небеси и на земли!" — "Вот хорошо, дети", — скажет им святитель, и погладит рукой всех по головке, даст по копейке и белого хлеба по куску, а в летнее время и по яблоку оделит их. Потом начнет обучать их молиться; те, которые посмышленнее, читывали Иисусову молитву, а те, коим было года по три, по четыре, по пяти, те, бывало, что есть мочи кричат, творя молитву с земными поклонами: "Господи, помилуй, Господи, пощади", а иные: "Господи, услыши, Господи, помоги", а кто: "Пресвятая Богородице, спаси нас, вси святии, молитте Бога о нас!" И нередко таких молитвенников собиралось до пятидесяти, а иногда до ста человек. При раздаче денег или хлеба детям святитель обращал внимание на их склонности и расположения, и добрые склонности старался укреплять, а худые искоренять. Случалось, что одному он даст больше, другому меньше; получивший мало, случалось, начинал гневаться на святителя, завидовать товарищу, а иногда бывало и так, что недовольный начинал силой отнимать у другого этот излишек. Начинались ссоры, слезы, а иногда и драка. Тогда святитель старался пристыдить виновных, пробудить в них раскаяние и расположить к братолюбия, и вот, иные друг другу в ноги кланялись и лобызались, а иные оказывались к примирению не расположенными. В этих случаях святителю приходилось узнавать греховные расположения и наклонности в детях, что и изображал он потом в своих сочинениях. Так сильна была эта любовь святителя к детям, что и после, когда он бывал нездоров, и потому не ходил в церковь, он желал знать, следуют ли дети его наставлениям? Когда я приду, бывало, от обедни, — продолжает келейник, — то он спросит, были ли дети в церкви? Скажешь, что входили в церковь, посмотрели, что нет вашего преосвященства в церкви, и ушли. Он улыбнется и скажет: "Бедные, они ходят к обедне для хлеба и копеек. Что ты их не привел ко мне? Я весьма радуюсь, что они ходят к обедне"».

Какая отеческая любовь и нежная снисходительность к детскому возрасту слышится в этих словах?.. Угодник Божий не забыл детей и в своем духовном завещании: почти все теплое платье, какое осталось после него, он завещал раздать бедным детям. А вот что писал он о воспитании детей в своем "Сокровище Духовном", в статье под заглавием «Малое деревце»:

Видим, что малое деревце на всякую сторону удобно преклоняется и куда его наклонишь, туда и растет. Вот так же и малое, юное отроча: чему научится в детстве, к тому и привыкнет, с тем и останется на всю жизнь.

Научится доброму, добрым и будет навсегда; научится злему, злым и останется, так что из малого отрока может выйти и ангел, может выйти и диавол. Какое будет иметь воспитание, таков и будет: от воспитания, как от семени плод, зависит вся остальная жизнь человека. Поэтому слово Божие и увещавает родителей: «воспитовайте их (чад своих) в наказании (наставлении) и учении Господни» (Еф. 6; 4). Многие учат детей своих светским приличиям; иные учат говорить на иностранных языках, а иные стараются обучить детей торговле и другим ремеслам. А жить по-христиански редко кто учит детей. Но ведь без этого все науки — ничто, всякая мудрость — безумие. Что пользы христианину — говорить по-иностранному, а жить безбожно? Что пользы быть искусным торговцем или художником, а не иметь страха Божия? Такие умники бывают злее простецов. Юное сердце, склонное ко злу, и стремится на всякое зло, если не будет удержано страхом Божиим или страхом наказания; и особенно те, которые только один ум изощряют науками и искусствами, а воли своей не исправляют, они-то и бывают искусны на всякое зло. Поэтому первой заботой твоей, христианин, пусть будет то, чтобы научить детей своих по-христиански жить. Все твои науки без этого — ничто. Бог не взыщет с тебя, учил ли ты детей своих светской политике и чужим языкам; но непременно взыщет, учил ли их по-христиански жить. Горе юным детям, у которых худые отцы! Чему они научатся у них, кроме зла? Как злой отец научит сына добру? Правда, бывает, что худой отец наказывает детей за своеволие, но примером своим учит совсем другому. Молодые люди больше учатся примером, чем словами и наказаниями; оттого и бывает, что отцы худы, дети еще хуже, а внуки и того злее. Так несчастный человек, научившись злу в детстве, питается нечестием, как хлебом, и падает от зла во зло и от беззакония в беззаконие, и стремится в погибель, как камень, пущенный сверху горы. И хотя бывает, что некоторые из этих несчастных, увидев свою погибель, приходят в ужас и начинают каяться, но, увлекаемые привычкой, как веревкой, снова обращаются к нечестию. Такое зло происходит от худого воспитания. Горе таким детям, но сугубое горе их отцам, которые не только не учат детей добру, но своим соблазном подают им пример всякого зла! Такие отцы убивают не тела, а души христианские, за которые умер Христос, и лишают их не временной, а вечной жизни. Узнают они эту страшную беду свою там, где все будет открыто, где всякому предстанут пред его очами дела его. Ради этого вы, отцы, в которых еще есть искра благочестия, всячески старайтесь научить детей своих жить по-христиански, вливайте в юные сердца их млеко благочестия, да о нем возрастут во спасение (1 Пет. 2; 2). Полезно учить их наукам и художествам, но учить жить по-христиански еще нужнее, ибо все науки и художества без христианской жизни — ничто. Внимайте этому, родители, чтобы вам не быть убийцами тех детей, которых вы же на свет произвели. Не тот истинный отец, кто родил, а тот, кто хорошо воспитал и научил. Родивший дал только жизнь, а хорошо воспитавший дал хорошую жизнь. Живут на свете и язычники, во тьме идолопоклонства

находящиеся, живут даже скоты; но хорошо живут только христиане. Мы должники перед своими отцами, родившими нас, но еще больше должны мы тем отцам, которые хорошо воспитали нас и научили благочестию. Отцы, родившие нас, родили для временной жизни, а отцы, хорошо воспитавшие нас и научившие благочестию, рожают нас к вечной жизни. «Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5; 19). Блажен — счастлив родитель, который и для временной жизни родил, и для вечной возродил детей своих! Несчастен родитель, который родил детей для временной жизни, но к вечной жизни им двери заключил, заключил то небрежностью в деле воспитания, то соблазном — примером дурным! Уж лучше человеку совсем не родиться, чем родиться для вечной гибели!..

554. Что такое «сон Богородицы»?

Любит православный русский человек почитать что-нибудь Божественное; не променяет он свои любимые Четии Минеи ни на какие книги мирские, как бы они ни были занимательны; умиляется он душой, читая жития и писания святых отцов подвижников. Отраднo это, утешительно, и слава Богу, что для православного простого русского человека нет книги дороже той, которая говорит ему о Боге, о святых Божиих, о спасении души, о будущей жизни... Но вот что жаль и что опасно: в простоте своей он не всегда умеет отличить книгу действительно душеполезную от душевредной — от той, в которой под именем Божественного предлагаются басни и вымыслы разные... А есть, к сожалению, есть и такие сочинения. «Спящим лее человеком, — глаголет Господь в притчах Своих,—прииде враг его и вся плевелы посреде пшеницы и отыде» (Мф. 13; 25). Пшеница — это слово Божие, святая истина, а плевелы — это разные заблуждения, разные ереси и расколы. Сеет, прилежно сеет и ныне враг свои плевелы — заблуждения и прямо через людей недобрых, и через разные недобрые книжки и тетрадки. Что такое, например, так называемый "Сон Богородицы"? Это — сказка какого-то невежественного сочинителя, это — вымысел, оскорбительный для Матери Божией, не заслуживающий внимания человека разумного и душевредный для простеца. А между тем многие из простых-то людей и считают эту сказку за истинную правду, и верят ей больше, чем слову Божию — Святому Евангелию! Этот "Сон" усердно переписывают (потому что печатать его запрещено), бережно хранят в своих домах и носят с собой повсюду, как святыню какую. Спросите иного грамотея, знает ли он, как и где Господь наш Иисус Христос родился и жил, как и чему учил, какие чудеса творил, как пострадал и умер ради нашего спасения? На эти вопросы он, пожалуй, не ответит; а вот "Сон Богородицы" он читал и, может быть, знает наизусть. Спросите его, есть ли у него, читал ли, даже видел ли он Святое Евангелие? Окажется, что эта книга ему, пожалуй, вовсе незнакома; а вот "Сон

Богородицы" у него есть, он всегда носит эту тетрадку с собой и бережет ее у сердца своего... Да что говорить о грамотеях? Есть много и вовсе безграмотных, которые не расстаются никогда с этой тетрадкой.

Что же это за "Сон" такой? Кто сочинил его? На это не только простец, но и никакой мудрец не ответит... Но кто знает историю жизни Пресвятой Матери Божией, тот сразу поймет, что такого сна и быть не могло, что это вымысел один и больше ничего. Впрочем, и простому человеку нетрудно убедиться, что этот сон только выдумка какого-то невежды. Стоит только прочитать из него хотя бы первые строки. Вот его заглавие: "Молитва. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь". Далее читается так: "Опочивала Пресвятая Богородица во святом граде Вифлееме, в месяце марте...". Невольно спрашиваешь, да где же тут молитва? Видишь, начинается история, а озаглавлено: "Молитва". Видно, сочинитель не умел отличить истории от молитвы, а взялся сочинять!... Но что дальше? "Опочивала в месяце марте, в тридцатом числе...", надо бы уж сказать еще в каком году. Без этого и указание на число не имеет смысла. Дальше: "опочивала во святой святыне" — что это за святыня, — не сказано, "во святой горе в вертепе, над святою рекою, над Иорданию...". Спроси каждого, кто бывал в святом граде Вифлееме, — теперь многие странствуют в Святую Землю на поклонение святым местам, — спроси их, или еще ближе, — спроси каждого мальчика, который учится Священной Истории в школе, далеко ли Иордан от града Вифлеема? Каждый тебе скажет, что не ближе, как верст за сорок или пятьдесят... Как же это Мать Божия могла почивать в Вифлееме, над рекой Иорданом? Конечно, этого быть не могло, а понадобился Иордан сочинителю сна для красного словца; он и вставил его, а о том-то и не подумал, что святая река от Вифлеема очень далеко, а может быть он даже и не знал этого. Дальше, конечно, для того же красного словца, сочинитель выражается о Матери Божией так: "Ложилась Владычица спать и почивать, Владычице мало спалось и во сне много виделось...". Не правда ли, только в сказках можно читать такие выражения? А в "Сне Богородицы" даже Сама Мать Божия говорит о Себе так: "ложилась Я, Владычица, спать и почивать; Мне, Владычице, мало спалось, а во сне много виделось..." И кто же поверит, будто Она, всегда смиренно называвшая Себя рабой Господней, стала называть Себя Владычицей? Нет, это ложь, это клевета на Царицу Небесную; Она никогда не назвала бы Себя Владычицей, это было бы противно Ее боголюбезному смирению, хотя от нас Она с матерней любовью приемлет наименование не только Владычицы мира, но и Царицы Небесной, честнейшей Херувимов и славнейшей без сравнения Серафимов. А можно ли поверить, не грешно ли думать, будто Господь наш Иисус Христос, обращаясь к Своей Божественной Матери, мог говорить так: "гой еси Ты, Мати Моя возлюбленная...". Как тяжело благоговейному христианину читать это сказочное: "гой еси", когда оно столь кощунственно влагается в уста Самого Христа Спасителя!.. В чем же состоял самый сон Богоматери? Сон этот есть не что иное, как краткое и притом безграмотное описание

страданий Спасителя, которые будто бы когда-то видела во сне Пресвятая Богородица, и потом рассказала их Спасителю. В этом описании много бессмысленных выражений, например: "луна кровию предася", "чернижная смерть", "умножение всякаго пола" и подобных. Но если этот "Сон" не стоит внимания, то почему же простые люди считают эту тетрадку едва ли не выше самого Евангелия? А потому, что сочинитель в конце этого "Сна" прибавил разные обещания тому, кто сон этот перепишет и будет постоянно иметь при себе. Такой человек, будто бы за одно это, будет помилован от Бога, "и не прикоснется к нему лихой человек, и будет в его дому Дух Святой почивать, и того человека будто бы укусить змея не может, и никакой судия противу того человека на месте усидеть не может, и тот человек на суде будет всегда прав, и долговечен будет на земли во веки веков (значит, никогда не умрет, вот до какой нелепости договорился сочинитель "Сна!"), и если при его смерти не прилучится отца духовного (заметьте, что сам сочинитель сейчас только сказал, что такой человек будет долговечен во веки веков, — сам же, значит, не верит в силу "Сна"), то прочитать над ним "сию молитву" (то есть "Сон") трижды и положить с ним в гроб, и ту душу "ад не примет" и так далее... Вот сколько обещаний надавал невежда-писатель, чтобы только заставить простого человека верить его вымыслу. И есть простецы, которые действительно верят в какую-то чудесную силу этой сказки, точно в силу Божию; а того и не знают, что ведь это суеверие, грех против первой заповеди Божией. Вот Святое Евангелие есть действительно благодатное слово Божие, и воистину подобало бы каждому христианину всегда иметь эту святую книгу при себе; но и эта святая книга не спасет тебя от беды, если ты не будешь слушаться того, что в ней написано. А "Сон Богородицы" — не истина, а ложь, вымысел, неправда: как же она, эта ложь, может спасти тебя? Чьей силой?.. И посуди ты сам: как это никакой судья перед тобой усидеть не может, и ты будешь прав, если ты на самом деле не прав?.. Ведь если так рассуждать, то каждый злодей, каждый разбойник будет прав, стоит только ему заpastись "Сном Богородицы"! Где же тогда будет правда Божия, да не только Божия, но и человеческая? А как судить об умирающем без отца духовного, с одним "Сном Богородицы" на голове? Ужели эта тетрадка заменит ему и святую исповедь, и Божественное Причащение?.. Какое безрассудство! Выходит, положи с собой в гроб "Сон Богородицы", и не нужно тебе отца духовного, не нужно ничего; сказано: ад тебя не примет, а встретят тебя Ангелы и поставят одесную престола Божия, — чего же еще надо?.. Да ведь это хуже всякой безпоповской ереси!.. Прискорбно, очень прискорбно, братие мои, что есть среди нас, православных христиан, такие неразумные простецы, которые верят подобным басням. Нам все хотелось бы как-нибудь полегче спастись; вот и обрадовались такому средству: носи с собой "Сон Богородицы" и будешь спасен...

Нет, други мои, не то глаголет Христос: «аще ли хочещи внити в живот, соблюди заповеди» (Мф. 19; 17). Без труда не спасешься. Трудись, делай больше добра, право веруй, в грехах кайся, смирайся и молись; вот и будешь

действительно спасен. А верить "Сну Богородицы" — суеверие одно. На том свете ответишь Богу и за то, что верил этому вымыслу, что переписывал его и за святыню почитал... Не покроет такого человека и Пресвятая Богородица, потому что больше верил разным басням, чем Святому Евангелию Ее Сына и Бога.

Братие! У кого есть "Сон Богородицы"? Бросьте эту тетрадку в огонь, чтобы не попала она в руки вашим детям. Пусть читают они Святое Евангелие, а не такие вымыслы...

555. Слово о любви называющему себя старообрядцем о том, одно ли и то же – догмат и обряд

«Добро же, еже ревновати всегда в добром», — говорит апостол Христов Павел (Гал. 4; 18), потому что бывает «ревность Божия... но не по разуму» (Рим. 10; 2). По разуму ли ревнуешь ты, именующий себя старообрядцем, когда обвиняешь Святую Православную Греко-Российскую Церковь в том, будто она переменяла веру, изменив любимые тобою обряды на другие, более древние и с духом ее более согласные? Одно ли и то же — вера и обычай церковный? Одно ли и то же — догмат и обряд?

Что есть догмат? Слово это не русское, а греческое, оно значит "повеление", "указ". Догматом называется такое учение веры, такая истина спасительного Христова учения, которая указана в Священном Писании, то есть в книгах Ветхого и Нового Завета, утверждена на Вселенских Соборах и необходима для нашего спасения. Посему кто не приемлет какого-либо догмата веры, тот не сын Православной Церкви и спастись не может. В "Большом Катехизисе" сказано: "От всех семи Вселенских Соборов переданные догматы в ней (то есть в Церкви) соблюдаемы суть" (глава 25 "О Церкви"). Вот что значит "догмат". А что такое обряд? Слово это русское, "обрядить" — значит облечь кого в одежду, по которой можно бы узнать, какое звание носит человек. Поэтому обряд есть знак или видимое действие, которым обозначается догмат. Объясню сие на примерах. Так, учение о том, что Бог троичен в лицах, — Отец и Сын и Святой Дух — Троица Единосущная и Нераздельная, — это догмат, спасительное учение веры. Учение о том, что Христос, Спаситель наш, есть и Бог и человек, что в Нем нераздельно и неслиянно соединены два естества — Божеское и человеческое — это тоже догмат, спасительная истина веры. Кто не приемлет этих догматов, тот не христианин и спастись не может. А установление, какими перстами изображать в крестном знамении. Святую Троицу, тремя ли первыми, как делаем мы, или первым, четвертым и пятым, как делаете вы, называющие себя старообрядцами; или какими двумя перстами обозначать догмат о двух естествах во Христе, двумя ли последними, как делаем мы, или указательным и великосредним, как вы, — все это не догмат, а только, так сказать, одежда догматов, видимый знак, обряд. Ни в Священном Писании,

ни на Вселенских Соборах не указано, какие персты и как слагать для крестного знамения. Конечно, лучше слагать так, как учит слагать Церковь Православная (троеперстно), ибо чада Церкви должны слушаться своей Матери, а не судить ее; но если твоя совесть немоществует, Церковь благословляет тебе, как немощного, слагать персты и двуперстно, лишь бы ты сохранил догматы веры нерушимо и не осуждал нас, послушных чад Матери Церкви.

Еще примеры. Учение веры о почитании Креста Христова есть догмат (Гал. 6; 14). А установление, сколько концов изображать в кресте Господнем, четыре конца, или шесть, или восемь — это обычай, обряд, а не догмат, потому что о числах концов ничего не сказано ни в Священном Писании, ни в правилах Вселенских Соборов. Святая Матерь наша Православная Греко-Российская Церковь, одинаково чтит изображение креста Христова, будет ли оно четырехконечное, или шести, или же осмиконечное. Не хули и ты, любитель старины, Крест Господень четвероконечный, ибо не докажешь из Священного Писания, что это — не Христов Крест, напротив, внимательно читая Святое Евангелие, сам увидишь, что именно четвероконечный крест и называется Его Крестом. Так о Симоне Кирийском евангелист Матфей говорит: «и сему задеша понести крест Его, — то есть Христов» (Мф. 26; 32), а в то время, когда Господа вели на Голгофу, еще не было на Кресте титла, которое Пилат велел поставить над главою уже распятого Господа.

Учение веры о Таинствах Крещения и Миропомазания есть догмат. А установление, как по Крещении совершать хождение вокруг купели, против ли солнца, или по солнцу — это не догмат, а обряд. И опять, ни в Священном Писании, ни в правилах Вселенских Соборов ничего об этом не сказано. Учение о том, что при совершении Божественной литургии надлежит поминать живых и умерших, есть догмат. А из скольких просфор вынимать частицы с молитвой о живых и сколько должно быть на проскомидии всех просфор: пять или семь, — это не догмат, а только обряд. Святая Православная Греко-Российская Церковь употребляет обычно пять просфор — в воспоминание чуда насыщения Христом пятью хлебами пяти тысяч народа в пустыне; но она не воспрещает приносить и семь, и более просфор. Ибо где в Священном Писании или в правилах Вселенских Соборов найдешь ты запрещение на это? И где в Священном Писании или в Соборных правилах предписано приносить семь просфор, а не пять или не более семи? То же надлежит сказать об имени Господа ИИСУСА, или ИСУСА: ни в Священном Писании, ни в правилах Вселенских Соборов — нигде не сказано, как писать или произносить его — с двумя буквами "Ии", или с одной "И". Если бы ты умел читать по-гречески, то сам прочитал бы во всех древнейших греческих рукописях "ИИСУС" с двумя буквами гласными, а не с одной, и убедился бы, что Православная Греко-Российская Церковь не погрешает, а напротив, совершенно согласно с древней Греческой Церковью пишет и читает спасительное сие имя "ИИСУС". Ведь мы от Греков прияли веру Православную, значит, надобно и в этом больше верить древним

греческим рукописям, из которых иные писаны за полторы тысячи лет до нашего времени, то есть во времена великих вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. А твоим старым книгам, на которые ты ссылаешься, много-много триста лет, а то и сего меньше. Это ли старина?

Итак, не хули Церковь нашу Православную за имя "ИИСУС". Она не запрещает тебе писать и произносить его кратко "ИСУС", хотя сама всегда пишет и произносит полно "ИИСУС". Дело не в буквах, а в вере, а мы все веруем с тобой в одного и того же Спасителя.

Поверь, брате, что и нам, как и тебе, дорого спасение вечное. Сам видишь, что в догматах веры мы единомыслены, только в обрядах не сходимся. Но догмат и обряд не одно и то же. Ваши учителя толкуют, что "крестящиеся тремя перстами разрушают догматы". Неправда это. Мы приемлем сердцем и устами исповедуем все богопреданные, в Священном Писании и в правилах Вселенских Соборов изложенные догматы. А обряды, о которых выше сказано, не догматы. Догматы неизменны — это учение божественное. Обряды Церковь может изменять по своему усмотрению — это предание человеческое. Так, например, известно, что до Златоуста Святое и Пречистое Тело Христово преподавалось отдельно от Крови, прямо в руки мирянам, а Златоуст ввел в обычай преподавать со лжицы. Итак, скажи мне: догмат это или обряд? Если догмат, то неужели до Златоуста вся Церковь и даже сами апостолы погрешали против сего догмата? А если обряд, то согласишься, что и пять просфор, и хождение против солнца, и троеперстие — все это не догматы, а только обряды. И тот, кто почитает их за догматы, сам тяжко согрешает, ибо вводит новые догматы, о которых Апостольская Церковь не ведала.

Ревнуешь ты не по разуму, и вместо послушного сына Церкви становишься судьей Церкви, приравниваешь самого себя к Вселенским Соборам, ибо обвиняешь Церковь в ереси. А если ты не хочешь взять на себя столь тяжкого греха гордости, то не подобен ли ты тому младенцу, который не узнает своей матери только потому, что она переменила некое украшение на одежде своей? Обряды и чинопоследования богослужебные для Церкви то же, что одежда для человека, неужели же Церковь не имеет права изменять сию одежду на лучшую, более древнюю, которая тебе кажется новой только потому, что ты не знаешь о ней? Ужели ты, сын Церкви, хочешь быть судьей ее? Подумай об этом, брат мой! Христос Спаситель наш пролил за нас с тобой Свою бесценную Кровь на Кресте, — а ты будешь спорить о числе концов этого креста, о числе просфор, о перстах, о хождении посолонь... Разумна ли эта ревность твоя? Не оскорбим ли мы с тобой этими словопрениями Господа и Главу Церкви? Ей, брате! Возлюбим друг друга, да едиными усты и единым сердцем во Святой Церкви исповеваем Троицу Единосущную и Нераздельную. Ей же буди слава во веки веков. Аминь.

556. Небесные заступники края Литовского

Православная Литва — родная, хотя и младшая сестра Православной Русской Земли, и напрасно усердные слуги папы Римского стараются всех уверить, будто в Литовской земле от времен древних была проповедана вера латинская: святые мученики Виленские, Антоний, Иоанн и Евстафий, доселе нетленно почивающие в Вильно, в Свято-Духовом монастыре, явно обличают эту ложь, свидетельствуя, что на Литве святая вера православная древнее всяких латинских заблуждений. Они пострадали за нее еще тогда, когда в Литовской земле и помину не было о латинских проповедниках, а Православие уже распространялось, и сам Литовский князь был крещен в веру православную, только изменил он этой вере святой и снова стал идолопоклонником. До Святого Крещения Антония звали Межило, а Иоанна — Кумец; они были родные братья и служили в числе любимых придворных князя Ольгерда. Языческие жрецы заметили, что Кумец и Межило не являются в храм идола Перкуна для принесения жертв огню и соблюдают пост в известные дни. Могли ли они стерпеть такую обиду для старой веры? И от кого же? От таких знатных придворных людей, какими были Кумец и Межило!.. И вот, по их жалобе, Ольгерд приказал бросить братьев в темницу. Целый год томились святые мученики в сырой и мрачной тюрьме; ни ласки, ни угрозы жрецов на них не действовали. Но через год старший брат поколебался: он послал сказать князю, что подчиняется его воле, и Ольгерд велел освободить обоих братьев из темницы. Антоний по-прежнему открыто признавал себя христианином и брата уговаривал не притворяться. Это до крайности раздражило жрецов; они предложили князю испытать обоих братьев. В постный день им приказали быть при столе князя. Иоанн не посмел отказаться от мясной пищи, а Антоний смело объявил, что он, как христианин, не нарушит святого поста. И его опять бросили в темницу. Как ни мучили его здесь, как ни томили голодом и жаждой, он оставался тверд и непоколебим, так что многие язычники, видя его чудное терпение, уверовали во Христа. А брат его Иоанн, после своего отречения от Христа, никак не мог успокоить свою встревоженную совесть... Антоний не хотел его и видеть; христиане чуждались его, как отступника; даже язычники презирали его за малодушие. Измученный душой, со слезами раскаяния, он умоляет священника Нестора, который некогда обратил их ко Христу, помирить его с братом Антонием. Антоний отвечал, что он не хочет иметь ничего общего с отступником веры. Тогда Иоанн решился снять с души своей тяжкий грех. Сначала наедине, а потом открыто он объявил князю, что он опять христианин, и что более не изменит никогда святой вере. Ольгерд вышел из себя, бил Иоанна своими руками, велел бить его палками и, закованного в тяжкие железа, приказал бросить в темницу. Как рад был теперь святой Антоний! Как светло и радостно стало на душе Иоанна! Братья вместе хвалили Господа, вместе причастились Святых Христовых Таин. Народ толпами собирался посмотреть на бесстрашных исповедников новой веры.

Многие, пораженные их мужеством, принимали Святое Крещение. Тогда жрецы потребовали решительного суда над ними, и Ольгерд отдал святых мучеников на их суд. Можно себе представить, с каким зверством терзали святых страдальцев эти жестокие идолопоклонники! Наконец, святому Антонию был объявлен смертный приговор. Последнюю ночь Антоний провел в молитве и в беседе с возлюбленным братом; укрепляя его на подвиг смертный, он сказал, что и его ждет скоро венец мученический. Настало утро 14 апреля 1347 года; на рассвете явился в темницу пресвитер Нестор и причастил обоих братьев Святых Христовых Таин. Служитель Божий благословил Антония на смерть за Христа. Скоро явились и мучители. Они повлекли святого Антония к своим идолам и там еще раз надругались над ним. Оттуда привели его в рощу, за город, где обычно казнили злодеев, и здесь повесили его на дубе.

Десять дней потом мучили они Иоанна в надежде, что он опять отречется от Христа, но страдалец остался верен своему Господу до конца. 24 апреля и он был повешен на том же дубе. Мученическая смерть святых Антония и Иоанна скоро принесла прекрасный плод: родственник мучеников, по имени Круглец, юноша умный и прекрасный собой, пораженный твердостью святых страдальцев, уверовал во Христа и принял Святое Крещение с именем Евстафия. Евстафий был одним из приближенных Ольгерда, который скоро заметил, что он отращивает волосы (а литовцы-язычники обыкновенно стригли волосы и брили бороду). "Уж и ты не христианин ли?" — спросил Ольгерд юношу Евстафия. "Да, я христианин", — отвечал тот небоязненно. Была пятница Рождественского поста и Ольгерд приказал Евстафию есть мясо. Евстафий отвечал, что он не может нарушить уставов святой веры своей. Гордый Ольгерд вышел из себя. В жестокий мороз он приказал лить в рот Евстафию холодную воду. От этой пытки останавливалось дыхание у святого исповедника и все тело его посинело. Но Евстафий и после этого не стал есть мяса. Тогда Ольгерд велел бить его железными прутьями, отрезать нос и уши и содрать кожу с его головы. Мученик терпел, не подавая и вида, что страдает. Напротив, он еще утешал бывших тут христиан надеждами на блаженную вечность. Наконец, и этого святого страстотерпца повесили на том же самом дубе, который уже был освящен смертью его святых сродников. Это было 13 декабря того же 1347 года. Так окончили свой славный подвиг святые литовские мученики. Их кровь, за Христа пролитая, послужила как бы семенем, из которого потом возросла и процвела на Литве святая вера православная. Сам жестокий мучитель их Ольгерд не только снова обратился к вере православной, но в конце жизни своей даже принял монашество. Все двенадцать сыновей его были православными христианами. Правда, вскоре после этого пришли в Литву латинские проповедники и силой заставили многих литовцев принять веру латинскую; однако, Господь не попустил погибнуть в стране Литовской святой вере православной. Прошли многие века, века тяжелые для многострадального Литовского края, и православная вера снова

восторжествовала в этой стране. Сколько столетий сплетали свои сети хитрые латины, чтобы закрепить власть папы над бедной Литвой, сколько миллионов душ насилием отторгнули они от Церкви Православной, но, благодарение Господу, отторгнутые насилием возвращены любовью, и так называемая уния с Римом сама собой уничтожилась. Нельзя не видеть в этом великом и радостном событии особенного действия благодатной силы Божией, которая, по молитвам мучеников, сохранила святое семя веры православной целым и невредимым в продолжение целых пяти веков и возрастила из него обильный плод. Помолимся, братие мои, чтобы Господь и впредь укрепил и сохранил святую веру православную в стране Литовской. А поскольку наша молитва немощна, то призовем на помощь сильную молитву святых мучеников, — да помолятся они за родину свою земную у престола Царя Небесного, Емуже буди от нас слава во веки веков. Аминь.

557. Кто отвалит камень греховный?

Не знаю, сумею ли я, как должно, истолковать вам, братие, что такое грех? Ничего нет легче, как сделать грех; но и ничего нет труднее, как умом понять его. Возьму пример: пусть будет целое море сладкой воды; но если б в это море упала одна только капля такой горькой воды, которая сразу все море сделала бы горьким, то какую бы горечь имела эта вода? И однако же грех еще больше имеет в себе горечи, потому что он в одно мгновение огорчает неисчерпаемую пучину Божия милосердия. Много чудес совершил в земной жизни Своей Господь наш Иисус Христос; Его почитали великим пророком, чудотворцем, святым, но все же только человеком, а не Богом, потому что такие же чудеса творили и пророки, а позже и апостолы; но когда Он сказал расслабленному: «чадо, отпускаются ти греси твои» (Мф. 9; 2), тогда Он всем показал Свою Божественную силу, так что фарисеи и книжники, почитавшие Его за простого человека, заговорили: «кто сей есть, иже и грехи отпускает» (Лк. 7; 49). И если бы можно было положить на весы с одной стороны грех, а с другой всю святость всех Ангелов и Архангелов и всех святых Божиих, то вся святость неба и земли не поднимет тяжести греха, потому что ни Ангелы, ни святые, со всей их добродетелью, не могут сами по себе, своей силой простить человеку грех. Его может простить только один Господь Иисус Христос, сей «Агнец Божий, вземляй грехи мира» (Ин. 1; 29). Итак, грех есть яд бесконечный, огорчающий бесконечное Божие милосердие; грех есть зло бесконечное, лишаящее нас бесконечной благодати Божией; грех есть тяжесть бесконечная, низвергающая грешника в муку бесконечную. Когда мироносицы шли с ароматами ко гробу Христову, то с тревогой в душе говорили одна другой: «кто отвалит нам камень от дверей гроба?» (Мк. 16; 3). Вот так же могла бы говорить и грешная душа: "Горе мне! Грехи мои тяжелым камнем лежат на совести моей; грехи моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне; куда мне идти? Кто может меня

простить? Кто поднимет тяжесть мою? Кто отвалит мне камень? Прожил я много лет, состарился во грехах, расточил все, что имел, греховная привычка точно камень тяжелый лежит на сердце... Кто отвалит мне этот камень? Наделал я столько обид, столько неправды, столько лихоимств; грех сребролюбия камнем тяжелым тяготит совесть мою... Кто отвалит этот камень? Нет греха, которого бы я не делал, а покаяния и не думал принести; это упорство во зле ожесточило самую душу мою и как бы превратило в камень... Кто отвалит этот камень? О горе мне! Тяжким камнем лежат на мне грехи мои, изнемог я под тяжестью этой: кто же отвалит от меня этот камень?.."

Но не скорби безнадежно, грешная душа, слышишь, что о мирноносицах написано в Евангелии: «И возревши видеша, яко отвален бе камень». Кто же его отвалил? Ведь он был так велик: «бе бо велий зело...» (Мк. 16; 4). Бог послал Ангела, который и отвалил камень от гроба. Когда у человека есть доброе намерение, то какой бы камень ни лежал на пути, какое бы препятствие ни было, Бог устранил всякое препятствие. Итак, дерзай, грешная душа, иди туда, куда тебя посылает Бог, иди к духовному твоему отцу, не теряй времени. Бог видит твое произволение и поднимет тяжесть твою. Если у тебя не достанет твоей собственной силы, то найдется сила Божией благодати, в помощь тебе. Иди, я уверяю тебя именем распятого Иисуса, что камень грехов твоих, лежащий на сердце, на совести, на душе твоей, отпадет, отвалится, с места сдвинется... Кто же его отвалит? Агнец Божий, взяв грехи мира, — Сын Божий. Кто на крест вознес грехи всего мира, Тот поднимет и твой грех. Скажи духовнику только одно слово: "Согрешил я", и он скажет тебе только одно слово: "Чадо, отпускаются тебе грехи твои", и тотчас ты почувствуешь облегчение и будешь прощен. И как не дивиться несказанному Божию милосердию? Какую благодатную власть даровал Бог священникам Церкви Своей в лице святых апостолов! Он дал им полную власть разрешать и прощать всякий грех, когда сказал: «Приимите Дух Свят (Ин. 20; 22). Елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех» (Мф. 18; 18). Мог Он, конечно, потребовать от человека, чтобы тот всю свою жизнь оплакивал грехи свои в пустыне непроходимой, или бы омыл их кровью своей; но Он не потребовал от нас ничего подобного, а даровал нам самый легкий путь покаяния — исповедь перед отцом духовным. Во время земной жизни Спасителя однажды встретили Его десять прокаженных и громко возопили к Нему: «Иисусе Наставнице, помилуй ны!» (Лк. 17; 13). Он отвечал им: «шедше покажитесь священником» (Лк. 7; 14). И они пошли, показали и очистились. Есть ли еще такая злая, смрадная, неизлечимая болезнь, как проказа? И есть ли еще такой легкий способ исцеления, какой показал прокаженным Христос? То же самое средство показал Он и нам, грешным, к очищению проказы греховной: «шедше покажитесь священником» и будете чисты. Грешники, страждущие болезнью самой смертной, какую бы душа ни имела: желаете ли себе прощения? Желаете ли исцеления? Пойдите вы не в пустыню непроходимую, не на

мучения за свои грехи, не к Ангелу на исповедь: пойдите к священникам, к таким же людям, как и вы; только им покажите болезнь вашу, объявите грехи ваши; они имеют всю власть прощения, всю силу исцеления, все, что они простят на земле, то будет прощено и на небе. «Шедше покажитесь священником». И идем мы, братие, показываем им болезнь свою, объявляем грех свой, и — о чудо — лишь только отец духовный скажет здесь, на земле: "Чадо, отпускаются тебе грехи твои", то же самое говорит и на небе Сам Спаситель! "Прощаю тя", — говорит здесь, на земле, священник. "Прощаю тя", — отвечает и на небе Сам Христос. Здесь произносит разрешение священник, а там подтверждает его Сам Дух Святой. Какое поистине дивное чудо! От одного слова зло исчезло, бесконечная тяжесть спала, неисцельный яд исцелился, грех разрешился! Мы, расслабленные, восстали, мы, прокаженные, очистились, мы, мертвые, воскресли, из врагов Божиих стали чадами Божиими, из грешников, вечной муки достойных, стали вдруг праведниками, достойными Небесного Царствия. Боже мой! Избавитель мой! Как безмерно Твое ко мне, грешному, милосердие! Я согрешаю, грехом своим Тебя оскорбляю, и за это вечной муки достоин, а Ты предлагаешь мне такое легкое исцеление от греха?.. Да когда я провинюсь перед земным владыкой, таким же, как я человеком, и то не остаюсь без наказания: а перед Тобой, Богом моим, моим Создателем и Искупителем, согрешил, — и Ты требуешь от меня только одного слова: "Согрешил я", и только одним словом: "Отпускаются тебе грехи твои" — прощаешь меня!.. Как назову такую любовь Твою ко мне?.. И я ли не воспользуюсь таким благодеянием? О, тогда я был бы самым неблагодарным человеком на земле, самым безответным преступником, я был бы достоин сугубого мучения адского: одного — за то, что согрешил, а другого — за то, что не захотел получить прощение в грехе столь легким способом. И чем больше я вижу милость Божию к себе, тем больше должен я бояться Божия гнева.

Захотел Бог оказать особое благодеяние неблагодарным жителям Иерусалима и каждый год творил на Овчей купели дивное чудо: сходил Ангел с неба и возмущал воду той купели, и кто из больных первым входил в эту воду, тот от всякой болезни исцелялся. Представьте, что настал этот желанный час и больной находится у самой воды, знает, что стоит ему броситься в воду, как будет здоров, — знает это, может броситься, — и не хочет; спрашиваю вас, чего заслуживает этот человек? Того, чтобы вовсе высохла для него эта спасительная вода, чтобы он не мог найти ее и тогда, когда бы пожелал, и чтобы умер он в болезни своей... Братие! Тогда чудо это бывало только в Иерусалиме, только один раз в год; а у нас оно может быть в каждой церкви, каждый день и каждый час, когда бы мы ни захотели... Болен ты, грешен ты, одной ногой во гробе, а другой в муке вечной, — что же ты не спешишь к покаянию? Болезнь твоя такая тяжкая, исцелиться тебе так легко — ужели ты этого не хочешь? Чего же ты после этого стоишь? Конечно, муки вечной. И кто в том будет виноват? Никто, кроме тебя же. Кто пожалеет тебя? Никто. Но заклинаю тебя именем Божиим, брат-христианин! Когда

благость Божия ведет тебя к покаянию, не противься, иди!... Бог распростер уже Свои объятия, чтобы принять тебя со сладчайшими словами: "Чадо! Отпускаются тебе грехи твои"... Аминь.

(Из "Поучительных Слов" святителя Илии Минятия)

558. Как постились наши деды и как постимся мы

Недолго той земле стоять, где начнут уставы добрые ломать", — так говорили наши мудрые деды и прадеды. А что сказали бы они, если бы теперь встали из гробов своих и посмотрели, как мы нарушаем добрые уставы нашей матери, Святой Церкви Православной? Наверное, с глубокой скорбью сказали бы они: "Тому ли мы учили вас, то ли вам заповедали? Куда у вас девалась прежняя строгость жизни? Где то благоговение к заповедям церковным, к преданиям отцов святых, которые мы свято соблюдали во дни оные древние? Вы ли наши потомки? Того ли мы ожидали от вас?.." И со стыдом пришлось бы нам склонить повинную голову перед этим справедливым упреком наших предков благочестивых; так далеко отстали мы от них в сыновнем послушании Церкви Божией и ее уставам святым; и безответны мы были бы (да и будем, конечно, при Втором пришествии Христовом) в том, что не храним святых заветов старины, заветов, не предками нашими выдуманных, а только принятых ими от времен стародавних, от времен святоотеческих и Апостольских, ими сохраненных и нам завещанных. Давно ли было время, например, когда в каждой православной русской семье тяжким грехом считалось есть в пост пищу скоромную? Помилуй Бог, бывало, в Великий пост разрешить себе — не говорю уж мясо, а и рыбу — такого своеволия наши деды даже на одре болезни себе не позволяли. "Как это можно? — говорил какой-нибудь старичок или старушка. — Разве я басурманин какой? Никто от поста не умирал еще: потерплю, ради Господа". И терпели, а постов не нарушали. И за это, конечно, от Господа венец подвижников получали. А ныне нередко всей семьей едят не только рыбу, но и мясо — в святые дни поста. Славу Богу, по селам и деревням простые русские люди еще соблюдают святые посты, хотя уже и не так строго, как бывало в старину, а в городах — горько и слышать, что творится... Не говорим уже о тех, которые учились жить не по русскому, православному закону, а по иностранному, заморскому, — посты перестают соблюдать даже купцы и ремесленники; это — новость, которую лет полсотни назад и услышать было нельзя. Посты тогда любили и почитали, и особенно Великий пост — с какой радостью встречали! Бывало, настанет первая неделя этого поста (первый день его), чистый понедельник, и с каким усердием блюдут православные святыню поста! Помилуй Бог, бывало, до Часов воды напиться или кусок хлеба съесть, а чаю не пили вовсе во дни говения и в Страстную седмицу. Были и такие рабы Божии, которые по целой неделе ничего не вкушали и, славу Богу, были живы и здоровы, и ни на какие

болезни не жаловались. Крепко верили они в целительную силу святого поста и по вере их Бог подавал им доброе здоровье; пост не только не истощал их телесных сил, но и придавал больше бодрости духу и через это укреплял самое тело. Не по книгам, не по Четии Минеи только знали наши отцы и деда, как полезен пост и сколько нужно человеку пищи, чтобы и не обременять себя ею, и быть бодрым и здоровым: они знали это по собственному опыту. И с каким, бывало, сердечным умилением идут эти постники, особенно старички и старушки, в храм Божий, на долгую службу Великопостную, и с каким усердием кладут там поклоны великие — не то, что мы, грешные: только и думаем, как бы служба поскорее кончилась, да из церкви поскорее бы вон... В первые дни Страстной седмицы на Часах прочитывается Святое Евангелие — всех четырех евангелистов, без пропусков; служба долгая, по четыре, по пять часов идет, а наши постники-молитвенники стоят себе в храме Божиим, лицом светлы и радостны, внимают слову Божию; так и видно, что у них бодрый дух подкрепляет и плоть немощную... То ли теперь? Много ли таких молитвенников в наших семьях? Где они?.. Оттого и не знаем мы тех светлых радостей, коими услаждали свою душу наши деда-прадеды в светлорадостные дни Пасхи Христовой, Христова Рождества и других великих годовых праздников. Оттого у нас — что будни, что праздник Христов, — все на душе пусто, на сердце сухо, пасмурно, нерадостно... Видно, что ни говори грешник в свое оправдание, а верно слово Божие: «Несть радоватися нечестивым» (Ис. 48; 22), — нет праздника для грешника! Не заглушить ему никакими самооправданиями упреков своей совести! Да и что за оправдания? Ссылаются, обыкновенно, на то, будто постная пища вредна для здоровья, но правда ли это? Люди ученые делали опыты: кормили людей одной постной пищей, без мяса, без молока, и оказывалось, что они были так же здоровы, как и те, кто каждый день мясо ел. Видно, опыт трех святых отроков, которые жили при пророке Данииле, и теперь может оправдаться: они тогда отказались от роскошной трапезы царской, питались только овощами и водой, и однако же оказались красивее и полнее телом, чем их товарищи, которые питались яствами с царского стола (Дан. 1; 12-15). Да оно так и должно быть: Господь при сотворении человека дал ему в пищу только «всякую траву семенную... и всякое древо, еже имать в себе гъчод семене семеннаго» (Быт. 1; 29). В раю человек не знал мясной пищи. Да и после изгнания из рая, до самого потопа, люди питались только от земли, которую возделывали в поте лица. Уже после потопа им было позволено употреблять в пищу и животных. Значит, мясная пища вовсе не есть необходимость природы нашей, а только прибавка к пище растительной. И смотрите; когда люди дольше жили, — тогда ли, когда питались только зелием травным, или когда стали есть мясо животных? До потопа они жили век Мафусалов, считавшийся целыми столетиями, а после потопа, когда разрешили мясо, их век сразу сократился наполовину, а потом стал и еще все меньше и меньше... Но что говорить о тех древних временах? Не признаем ли сами мы, что наши

предки, соблюдавшие посты, были крепче и бодрее нас? Не жалуемся ли на наше поколение, что оно слабеет и хилеет и чаще болеет, чем болели тогда?.. Итак, не бойтесь поста: он скорее укрепит, чем расстроит ваше здоровье, скорее продлит, чем сократит вашу жизнь. Ты жалуешься на болезнь: хорошо, Церковь с больных поста не взыскивает; но так ли ты болен, что не можешь поститься? Как часто на болезни жалуются люди утолстевшие и разжиревшие!.. И кого хотят обмануть они: себя или Бога Всеведущего? Им-то и нужно бы поститься, если не для спасения души, то хотя бы для облегчения своего тела... Говорят: "Пост — человеческое установление, а не Божее!". Неправда это. Пост — Божие узаконение, и притом самое древнее узаконение. "Почтите седину поста, — говорит святитель Василий Великий, — он узаконен еще в раю. Таковую первую заповедь принял Адам: «от древа же, еже разу мети доброе и лукавое, не снесите» (Быт. 2; 17). А это — «не снесите» — и есть узаконение поста и воздержания". Видите, и в раю было не все позволено вкушать человеку, были плоды, в пищу Богом благословленные, и был плод запрещенный. Не то же ли это, что пища постная и скромная? И вы знаете, к чему привело вкушение плода запрещенного... Говорят еще: "Сказано в Евангелии: «не входящее во уста сквернит человека, но исходящее из уст" (Мф. 15; 11). Правда и это; но не грешно ли применять это слово Господа для оправдания своей прихоти? Это слово сказано фарисеям, которые в самом деле считали осквернением вкушение некоторых мяс или даже просто ядение нечистыми руками, а мы вовсе не потому не едим мясо в пост, будто это может осквернить нас, а просто потому, что Церковь, наша благодатная мать и Христова невеста, так нам повелевает.

Есть у тебя дети? Положим, ты приказал им, для их же пользы, чего-нибудь не касаться, а они бы тебя не послушали; как бы ты посмотрел на это? Ужели ты не обиделся бы на их дерзкое непослушание? Как же смеем мы ни во что ставить волю Святой Церкви, нашей матери, которая устроит наше спасение?.. Ты говоришь, что «брашно... нас не поставляет пред Богом» (1 Кор. 8; 8), что гораздо важнее быть честным и добрым человеком, чем есть скоромную или постную пищу. Но, друг мой, разве нельзя уже быть тебе честным и добрым, если будешь соблюдать посты? Соблюдай и то, и другое: «и сия (же) подобаше творити, и оных не оставляти» (Мф. 23; 23). А я тебе скажу, что вот быть честным и добрым христианином и в то же время не слушаться Церкви уж никак нельзя; ведь Сам Христос сказал: «аще же и Церковь преслушает брат твой, буди тебе как язычник и мытарь» (Мф. 18; 17). И уж лучше и безопаснее для спасения смиренно сознаться с нашими предками, что мы "все посты постимся, а никуда не годимся", чем с фарисеями выставить напоказ свою честность и добродетель, которые без смирения перед Церковью действительно — никуда не годятся...

559. О двенадцати пятницах

Хорошее дело и пост, и молитва; но послушание выше поста и молитвы", — говорят старцы-подвижники. Почему так? Потому что без послушания нет смирения, а где нет смирения, там все добродетели — ничто. И это — не человеческое мудрование, это учение слова Божия. Слышите, что говорит пророк Самуил непослушному царю Саулу? «Се, послушание паче жертвы благи... и как грех есть идолопоклонение, тако непокорение» (1 Цар. 15; 22-23). Значит, и пост, и молитва тогда только Господу Богу приятны и для нас спасительны, когда мы послушны святым заповедям Его, когда не по своему смышлению постимся и молимся, а так, как учит нас, как заповедует нам святая мать наша, Церковь Православная. Но вот что бывает: того, что Святая Церковь нам повелевает, мы не исполняем, а что самовольно придумаем, или вычитаем в какой-нибудь запрещенной тетрадке, то охотно и усердно соблюдаем. И ведь вот что особенно прискорбно: у нас и заботы мало о том, чтобы узнать, как рассуждают о таких тетрадках наши пастыри и отцы духовные, наши учителя, от Бога поставленные? Можно ли верить этим тетрадкам? Почему это не позволяют печатать их? Не душевредны ли они? Обо всем этом простые люди и не подумают спросить; а вот что скажут безграмотные старики и старухи, что прочитает какой-нибудь грамотей в рукописной тетрадке, то и закон. Собирается, например, мир на сходку и решает: "Завтра Ильинская пятница-матушка; не смей работать! А кто будет работать, с того четверть водки миру православному". И празднуют, и думают, что делают доброе дело... Нет! Обманываете вы себя, простые русские люди, — не по-православному вы судите, не по-православному решаете! Кто это вам сказал, что Ильинская пятница — праздник? Где, в каких это книгах Церковных нашли вы такой праздник? Кто установил его?.. Знаю, вы скажете: "Наши деды и прадеды праздновали и нам велели". Да откуда они-то взяли этот праздник?.. Наша Православная Церковь не знает такого праздника, а кому же и знать бы праздники, как ни ей, Церкви Божией?.. Разве ваши деды и прадеды были умнее святых отцов, которые установили все праздники церковные? И хорошо ли вы-то делаете, что справляете праздник, не зная даже, есть ли в Святцах или в других книгах Церковных этот праздник? Ведь не деды ваши писали уставы Церковные; эти уставы писали святые угодники Божии, пастыри Церкви, и не просто вводили их, а собирались на Соборы и обсуждали, какой день следует праздновать, какой—нет. Все эти уставы записаны в Церковных книгах; пойдите в храм, попросите своего отца духовного показать вам книгу Типикон, и поищите в ней, есть ли хоть одно слово о том, чтобы праздновать Ильинскую или другую какую пятницу, кроме Великой Пятницы Страстей Господних? Ничего не найдете, ни единого слова. А ведь если бы Ильинская или другая какая пятница были днями особенно важными, то, конечно, святые отцы постановили бы их праздновать; наверное, и вы не скажете, что святые отцы забыли записать эти пятницы в уставах своих; так и думать

грешно. Но тогда откуда же ваши деды и прадеды взяли праздновать эти пятницы?

Может быть, вы и сами не знаете этого, а я скажу вам: есть такие книжки, которые печатать не позволяют, потому что они душевредны и Церкви Божией противны; книжки эти, однако же, простые люди, по неведению, переписывают как Божественные, и читают, и верят им, как слову Божию. Такова, например, тетрадка "Сон Богородицы", которую не подобает и читать православному христианину, а ее читают, да еще за святыню почитают; таков и стих "О двенадцати пятницах". И удивляться надо, как это можно верить такому невежественному писанию?.. Послушайте вот, сколько нелепостей в этом стихе о пятницах. Он начинается так: "Придите, братия, послушайте писания Божия, поучения святого Климента, папы Римского, про дванадесять великия пятницы". Но ведь это ложь: ни в Писании Божиим, то есть в Священной Библии, ни в писаниях Климента, папы Римского, ни слова нет о двенадцати пятницах; что же это, как не клевета на слово Божие, на Священное Писание, и на святого отца — Климента, святителя Божия? Откуда это сочинитель взял, будто святой Климент писал о двенадцати пятницах? Спросите людей ученых, спросите пастырей и архипастырей наших: им известны все писания святого Климента, и все они скажут, что ни слова в них нет о двенадцати пятницах. А в Библии и сам можешь увидеть — прочитай ее от доски до доски — и помину в ней нет о двенадцати пятницах. Правда, найдешь там упоминание об одной — только об одной Великой Пятнице, в которую пострадал и умер на кресте Господь наш Иисус Христос; ради этой Великой Пятницы Святая Церковь и все пятницы в году (кроме Пасхальной, Троицкой, да на Святках, после Рождества Христова) почитает постом и молитвой; но никакого различия между этими пятницами она не полагает, и никакой особенной награды за соблюдение той или другой пятницы она не обещает.

Какие же особые пятницы перечисляет сочинитель стиха о двенадцати пятницах? "Первая, — говорит он, — великая пятница на первой неделе Великого поста: в эту великую пятницу убил брат брата, Каин Авеля..." Итак, по его мнению, первая, самая важная пятница не та, в которую Господь наш за нас пострадал, а та, в которую будто бы был Авель убит. Уже и то нехорошо, что смерть Авеля, человека, он ставит выше смерти нашего Господа Спасителя; но откуда это он узнал еще, будто именно в пятницу, а не в другой какой-то день убил Каин Авеля? Да еще в Великий пост?.. Разве Великий пост при Адаме установлен был? Ведь это установление Апостольское: с чего выдумал сочинитель, будто еще при Адаме был Великий пост? Конечно, это выдумка невежды, и больше ничего... "Вторая, — говорит он, — великая пятница супротив Благовещения Бога нашего. Третья великая пятница супротив Светлого Христова Воскресения: в ту Великую Пятницу распят был Сам Иисус Христос... Четвертая супротив Вознесения Господа нашего Иисуса Христа... Пятая супротив Троицы Живоначальной... Шестая великая пятница супротив Илии, пророка Божия: в

ту великую пятницу взял Илия пророк на небеса"... И откуда узнал сочинитель об этом? Священное Писание ничего об этом не говорит; значит, просто выдумал от себя. Выдумал он, будто в пятницу преобразился Сам Иисус Христос; выдумал, будто в пятницу преставилась Пресвятая Богородица; выдумал, будто в пятницу царь Ирод Иоанну главу отсек... "Десятая, — говорит он, — великая пятница супротив Михаила Архангела... В первуюнадесят великую пятницу народился Сам Иисус Христос... Втораянадесят великая пятница: в ту великую пятницу окрестился Сам Иисус Христос"... Вот сколько насчитал сочинитель стиха разных великих пятниц!

Святая Церковь знает только одну, Страстную, Великий Пяток, а он насчитал двенадцать... Повторяю: откуда он взял их? Кто ему сказал, будто и Благовещение Пресвятой Деве Марии, и Крещение Господне, и Преображение, и Рождество Христово, и усекновение главы Иоанна Предтечи, и Успение Матери Божией — все эти события будто бы происходили в пятницу?... Возьмите Евангелие и читайте: нигде ни единого слова нет о том, чтобы какое-нибудь из этих событий случилось в пятницу. Нигде, решительно нигде не найдешь об этом сведений и у святых отцов и учителей Церкви, а они заботливо собирали все древние предания и записывали их. Вот святитель Илия Минятей записал предание, что Спаситель родился в первый день недели, а по-нашему в воскресенье. И уж конечно, мы скорее поверим этому учителю Церкви, чем неизвестному сочинителю стихов о двенадцати пятницах. Говорить ли о других нелепостях, какие обретаются в этом, запрещенном властью Церковной, стихе? Разумный человек и сам поймет, что сочинитель сам, кажется, не понимает, о чем говорит: как это, например, "Иисус Христос крестился с Илиею небесным, со светом со Иоанном со Крестителем", что Он "показал в Троице лице Свое", что вознесся Он тоже будто бы с Иоанном Крестителем... Ложь, неправда, вымысел, даже ересь — все тут перепутано, и всему этому, к сожалению, простые люди верят и, полагаясь на разные обещания, которые сочинитель прибавил к своему стиху, празднуют Ильинскую и другие пятницы, которые Святая Церковь не признавала и не признает... Разумно ли верить этим стихам больше, чем матери Церкви?... О, простота, простота! Безопаснее было бы тебе слушаться пастырей Церкви, Богом тебе данных, чем мудрствовать по своемумышлению и верить всякой сказке, хотя бы эта сказка и была написана не по-русски, а по-славянски, да еще в стихах...

Братья! У кого есть этот стих? У кого есть "Сон Богородицы"? Бросьте их в печь! Грешно верить этим басням!..

560. На всякий день (из Церковных песнопений)

Листок второй

Славословия Господу Богу

Утверждай словом небеса, и землю основавый на водах многих, утверди мя к пению славословия Твоего, Господи!

Ты еси утверждение притекающих к Тебе, Господи, Ты еси Свет омраченных, и поет Тя дух мой.

Утверждаяй гром и созидаяй дух (ветер), утверди мене, Господи, да Тя пою истинно, и творю волю Твою, яко несть свят, яко Ты, Боже наш!

Ангелами немолчно в бывших славимаго Бога, небеса небес, земля и горы, и холми и глубина, и весь род человеческий песнями Того, яко Создателя и Избавителя, благословите и превозносите во вся веки.

Благословите отроцы, Троицы равночисленнии, Содетеля Отца Бога, пойте снизшедшее Слово и огонь в росу претворшее, и превозносите всем жизнь подавающаго Духа Всесвятаго во веки.

Покрываяй водами превыспренняя своя, полагаяй морю предел песок, и содержи вся, Тя поет солнце, Тя славит луна, Тебе приносит песнь вся тварь, яко Содетелю всех, во веки.

Пою Тя, слухом бо, Господи, услышах и ужасохся, до мене бо идеши, мене ищя заблудшаго: тем многое Твое снисхождение, еже на мя, прославляю, Многомилостиве.

Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое радование, не оставль недра Отца, и нашу нищету посетив: тем с пророком Аввакумом зову Ти: силе Твоей слава, Человеколюбче.

Пришел сей от Девы не ходатай, ни Ангел, но Сам, Господи, воплощся, и спасл еси всего мя человека, тем зову Ти: слава силе Твоей, Господи!

Утреннююще, Слове, в славу Твою и хвалу, восхваляем непрестанно образ Креста Твоего, его же дал еси нам оружие в помощь.

Весь еси желание, весь сладость, Слове Божий, Девы Сыне, Боже богов Господи, святых Пресвятый: тем Тя вси с Рождшею величаем.

Не мудростию и силою, и богатством хвалимся, но Тобою, Очею ипостасною мудростию, Христе, несть бо есть, паче Тебе Человеколюбче.

Из пламени преподобным (трем отрокам) росу источил еси, и праведного (Неемии) жертву водою попалил еси, вся бо твориши, Христе, токмо еже хотети, Тя превозносим во вся веки.

Господи, аще не быхом святыя Твоя имели молитвенники и благостыню Твою, милующую нас, како смели быхом, Спасе, пети Тя, Его же славословят непрестанно Ангели; Сердцеведче, пощади души наша!

Молебные воздыхания о помощи в жизни

От ночи утреннююща, Человеколюбче, просвети, молюся, и настави и мене на повеления Твоя, и научи мя, Спасе, творити волю Твою!

Утверди мене, Христе, на недвижимом камени заповедей Твоих, и просвети мя светом лица Твоего, несть бо свят паче Тебе, Человеколюбче.

Вонми гласу моему, от Девы Рождейся, и глаголы моя внуши, яко Имя Твое дивное, Господи, призвах.

Иже от не сущих вся приведый, Словом созидаемая, совершаемая Духом, Вседержителю вышний, в любви Твоей утверди мене!

Небеснаго круга Верхотворче Господи и Церкви Зиждителю, Ты мене утверди в любви Твоей, желаний краю, верных утверждение, едине Человеколюбче!

Премудрости Наставниче, смысла Подателю, немудрых Наказателю (Вразумителю) и нищих Защитителю, утверди, вразуми сердце мое, Владыко! Ты даждь ми слово, Отчее Слово, се бо устне мои не возбраню, бо еже звати Тебе: Милостиве, помилуй мя, падшаго.

О Христе, всех Царю, подаждь ми слезы теплы, да плачу мою душу, юже зле погубих!

От юности моя мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой!

Скорое и известное (несомненное) даждь утешение рабом Твоим, Иисусе, внегда унывати духом нашим, не разлучайся от душ наших в скорбех, не удаляйся от мыслей наших во обстояниих (бедствиях), но присно нас предвари, приближися нам, приближися, везде Сый, как со апостолы Твоими всегда еси, сиче и Тебе желающим соедини Себе, Щедре, да совокуплени Тебе, поем и славословим Всесвятаго Духа Твоего.

Возопих всем сердцем моим к щедрому Богу, и услыша мя от ада преисподняго, и возведе от тли живот мой.

Воззвах Тебе, Господи, вонми, приклони ми ухо Твое вопиющую, и очисти, прежде даже не возмещи мене отсюду.

О ненавидящих и обидящих, и о умножении любви

О распенших Тя моливыйся, любодушне Господи, и рабом Твоим о вразех молитися повелевый, ненавидящих и обидящих нас прости, и от всякого зла и лукавства ко братолюбному и добродетельному настави жительству, смиренно мольбу приносим, да в согласном единомыслии славим Тя, единого Человеколюбца.

Как первомученик Твой Стефан о убивающих его моляше Тя, Господи, и мы припадающе молим: ненавидящих всех и обидящих нас прости, во еже ни единому от них нас ради погибнути, но всем спастися благодатию Твоею, Боже всещедрый!

Пламенем любви распали к Тебе сердца наша, Христе Боже, да тою (любовию) разжигаемы, сердцем, мыслию же и душею, и всею крепостию нашею возлюбим Тя, и искреняго своего яко себе, и повеления Твоя храняще, славим Тя всех благ Дателя.

К Богоматери

Припади, душе моя, к Божией Матери и помолися Той, есть бо скорая помощница кающымся, умолит Сына Христа Бога, и помилует мя недостойного.

Ты моя Надежда, Всечестная, Ты мое и пение, Ты мое пристанище, Ты мое исправление, яже Бога Слова Отча воплощагося несочтанно родила еси, темже Твоей несомненно поклоняюся иконе, крепостию Твоею укрепляем.

Пресвятая Владычице, рождшая человеком Кормчию Господа, страстей моих непостоянное и лютое утоли смущение, и тишину подаждь сердцу моему.

Укрепься силою Твоею и благодатию, Тебе песнь усердно от сердца возложих, но сию приими, Дево чистая, благодать воздающи Твою многосветлую от нетленных сокровищ, Богоблаженная.

Никтоже, притекая к Твоему, Владычице, заступлению тепле, посрамится когда, но просит благодати, и дар приемлет к полезному, скорейший прошения.

Надежда и предстательство, и прибежище христиан, необоримая стена, изнемогающим пристанище небурное Ты еси, Богородице Пречистая, но яко мир спасающая непрестанною Твоею молитвою, помяни и нас, Дево всепетая!

Всю надежду мою на Тя, Всенепорочная, возлагаю, всю к Тебе, радуясь, простираю и душу, и помышление.

Надеждо непостыдная, надеждо известная, и стена непоколебимая, и покров, и помощница буди ми, Всенепорочная, уповающему на Тя, на Тебе возлагаю, Чистая, всю надежду спасения моего.

Имея Тя помощь, не постыжуся, Пречистая Мати Божия, имея Тя предстательницу жизни моя, спасуся.

Воззову в ноши и во дни, Всенепорочная, к Тебе, и спасуся, и сластей прейду стену, и избавлюся искушений демонских ходатайством Твоим.

Многая множества моих, Богородице, прегрешений, к Тебе прибегах, Чистая, спасения требуя; посети немощствующую мою душу, и моли Сына Твоего и Бога нашего дати ми оставление, яже содеях лютых, едина Благословенная.

Всесвятая Богородице, во время живота моего не остави мене, человеческому предстательству не ввери мя, но Сама заступи и помилуй мя. Пречистыя руки Твоя, Дево Мати, простерши, покрый уповающыя на Тя и Сыну Твоему зовущыя: всем подаждь, Христе, милости Твоя.

Недоумет всяк язык благохвалити по достоянию, изумевает же ум и премирный пети Тя, Богородице, обаче благая сущи веру приими, ибо любовь веси Божественную нашу, Ты бо христиан еси Предстательница, Тя

величаем. Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим!

561. Кто Бога любит, того Бог не забудет

О чем скорбите вы, братья мои? Зачем так смущаетесь? Уповайте на Господа, ибо сказано в Писании: «воззрите на древния роды и видите: кто верова Господеви, и постыдися?» Кто веровал слову Его и обманулся? Не Я ли, — глаголет Господь, — не Я ли податель всякой пищи? Не Я ли извожу плоды от земли и наполняю ими житницы? Не Я ли кормитель всего мира, питатель всей вселенной, отверзающий щедрую руку Свою во благо время, насыщающий всякое животное благоволением?" Так однажды утешал свою скорбящую братию преподобный отец наш Сергей, когда в его обители недостало хлеба насущного и некоторые из братии не ели суток двое, а сам он постился уже три — четыре дня. "Братие мои, — говорил он, — слышите, что Господь глаголет во Святом Евангелии: «Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их... немного ли паче вас, маловеры?» (Мф. 6; 26,30). Потерпим немного; вот, Бог даст, минует скорбь — дождемся и радости; ведь так обыкновенно бывает, что радость следует за скорбью: «вечер, сказано, водворится плачь, а завтра радость» (Пс. 29; 6). Я, грешный, верую, что Бог не оставит места сего и живущих в нем".

И действительно, Бог чудесным образом оправдал веру Своего угодника: еще он беседовал с братией, как послышался сильный стук в монастырские ворота; привратник взглянул в окошечко и увидел: к воротам кто-то привез много хлеба. Будучи сам очень голоден, от радости он не отпер ворот и побежал к преподобному. "Отче, — говорил он, — привезли много хлебов, благослови принять. Вот, по твоим святым молитвам, они у ворот". — "Отвори им. пусть войдут", — сказал игумен. Монастырские ворота отворились, и в них въехало несколько повозок, нагруженных печеным хлебом, рыбой и другими припасами для монашеской трапезы. Все прославили милосердие Божие, а преподобный Сергей весело сказал: "Ну вот, теперь вы, алчущие, накормите кормильцев ваших, позовите их разделить с нами общую трапезу, угостите их и успокойте как следует". И немедленно он приказал ударить в било и всем идти в церковь; тут он отслужил благодарственный молебен Господу Богу, милующему и питающему рабов Своих, и только после этого благословил братии садиться за трапезу. Все сели, и сам игумен стал оделять братию привезенными хлебами. Они были теплы и мягки, как будто только что испечены, и на вкус были необыкновенно приятны, будто печены были с маслом, с медом или с каким-либо благовонным зельем.

За трапезой преподобный спросил: "А где же наши благодетели?" Но никто не мог ответить ему на этот вопрос, все только смотрели в недоумении

друг на друга. "Разве я не говорил вам, — сказал игумен, — чтобы вы пригласили их к трапезе? Почему же их нет?" — "По слову твоему мы звали их, отче, — отвечали иноки, — мы даже спрашивали их, от кого все это прислано? Но они только сказали нам, что один христороубец, человек богатый, прислал их издалека, чтобы передать тебе эти припасы, а от трапезы отказались и говорили, что им дано еще другое поручение, которое должны так же немедленно исполнить, и потому спешат в дорогу". .

Можно себе представить общее удивление, когда узнали, что хлебы привезены издалека, а между тем они были еще теплые, как бы только что вынутые из печи. "Видите сами теперь, — сказал тогда преподобный игумен, — что Господь не оставляет места сего и рабов Своих. Тот, Кто сорок лет питал в пустыне непокорных и неблагодарных Израильтян, ниспосылая им манну с небес и крастелей (перепелов) досыта, разве не силен пропитать и нас, Ему работающих? Или Его могущество и благодать истощились ныне, и Он перестал промыслять о Своих созданиях? Нет, братие, как в древние времена, так и теперь — Он Один и Тот же всеблагий Бог, всегда готовый подать нам все, потребное для жизни нашей".

Сильно подействовал этот урок на малодушных, и с того времени не было слышно ропота при случавшихся недостатках; а между тем, рассказывает блаженный Епифаний, ученик преподобного Сергия, к большому укреплению веры в Промысл Божий и на другой, и на третий день неведомые благодетели присылали пищу для братии в изобилии. Так Господь оправдывал упование Своего избранника на Его Божественное промышление.

А вот другой подобный пример, только уже из жизни не древних святых мужей, а почти современного нам подвижника, покойного настоятеля Оптиной пустыни, блаженного старца архимандрита Моисея. Рассказ этот наглядно показывает истину слов преподобного отца нашего Сергия, что Господь наш — Один и Тот же всеблагий Бог, всегда готовый подать нам все, потребное для жизни нашей, лишь бы мы жили по-Божии.

«Был голодный год, — так рассказывает один из учеников отца Моисея. — Братии у нас в обители было уже порядочно. Не стало у нас хлеба, не стало круп; последнюю, говорят, муку доедаем. Но главный расход был на рабочих и на нищую братию.

Однажды копаюсь я на огороде и вижу: к перевозу подъехал обоз. Обоз большой, подвод пятнадцать, на каждой подводе — по три мешка, в каждом мешке — по девяти пудов. А у нас тут мимо монастыря проходит большая дорога на Киев. Я и думал, что обоз идет мимо. Гляжу — извозчики переехали реку и остановились возле монастыря. Я подошел к ним и спрашиваю: "Что вам нужно? Дорогу, что ли, желаете знать?" — "Нет, — говорят, — мы идем только до этого места". — "Что же? — говорю. — Накладная есть?" — "Есть, — отвечают, — и накладная, и письмо к настоятелю". — "От кого же?" — "Не велено, — отвечают, — сказывать, с тем и присланы".

Веду старшего извозчика к покойному отцу Моисею в келью. Извозчик подает ему письмо и накладную. Покойный, как прочитал письмо, гляжу, перекрестился на иконы, а у самого — в три ручья слезы. "Верую, — говорит, — Господи, яко не ради меня, недостойного, а ради сих убогих и сирых призрел Ты Своими милостями на раба Твоего".

Что же оказалось? Какой-то благотворитель, пожелавший скрыть свое имя, прислал этот обоз для обители в дар. А у нас тогда уже так туго было, что ни хлеба, ни денег. Велика была милость Господня через раба Божия к нам, грешным». Так заключает свой рассказ смиренный схимник (Калужские Епархиальные Ведомости, 1890, № 24).

А в наше грешное, суетное время только и слышишь: "Чем жить? Чем семью кормить? На что детей воспитывать?" Вот о чем у всех думы, вот о чем заботы и попечения. И несмотря на все эти заботы, на все попечения, люди все жалуются на недостатки, на трудность жизни, как будто Господь и в самом деле забыл их, и бьются они, бедные, и редко-редко кто доволен своей судьбой: и в целой тысяче едва ли найдешь такого счастливец.

Отчего это, братие мои? Оттого, что мы не хотим слушать заповедей Господних, не слушаемся своего Господа, вот и Он не слушает молитв наших. Да и то еще надо сказать: молимся ли мы? Просим ли у Него хлеба насущного? Не надеемся ли скорее на свои силы, на свой ум-разум больше, чем на Господа Бога? Так за что же Господь Бог будет оказывать нам, грешным, особое Свое промышление о нас? Уже и то великая Его милость к нам, грешным, что не погубляет Он нас со беззакониями нашими, что, несмотря на наши грехи, все же подает нам все необходимое, — ведь нет у нас ничего своего, все — Божие, хотя мы, слепцы, и хвалимся, будто своими трудами достаем себе все, что для жизни нашей нужно.

Нет, возлюбленные, сколько бы мы ни суетились, сколько бы ни заботились, надо одно помнить, что без Бога — ни до порога, что без Божия благословения не будет никакого успеха ни в чем. А благословение Божие подается только тому, кто исполняет Божии заповеди. Хочешь иметь во всем добрый успех? Живи по-Божески, служи Богу всей душой — и Бог тебя не забудет. Трудись для семьи, для детей, но больше всего пекись об исполнении заповедей Божиих: помогай чем можешь ближнему, помни праздники Божии, люби Церковь Божию, храни сердце твое от злобы и зависти, от всякой греховной нечисти, блюди совесть твою от всякой неправды, и Бог поможет тебе в нуждах твоих. И плохой хозяин не оставляет голодать трудящегося работника: Бог ли милосердый, Отец Небесный, оставит тебя без хлеба насущного?

«Ищите же, — говорит Господь (Мф. 6; 33), — прежде Царствия Божия... и сия вся приложатся вам». Кто осмелится усомниться в слове Его? Кто дерзнет помыслить, что Он обманывает нас? Веруем, веруем, Господи, слову Твоему, помози нашему неверию.

562. Пустынники - милостивцы

Грешный мир иногда упрекает отшельников, будто они только для себя живут, будто забыли заповедь Спасителя о любви к ближнему и не хотят послужить ему по мере сил своих. Но знает ли этот грешный мир, о чем берется рассуждать? Ему ли судить тех, которые из любви к Богу оставили все, что мило и дорого сердцу на земле, которые обрекли себя на все лишения и ничего не требуют от мира, как только того, чтобы он забыл о них, да еще и молятся в своем пустынном уединении о мире всего мира, о всем роде людском? Нет, никогда миру не понять той тайной благодатной силы, которая влечет избранных Божиих в пустыни непроходимые, да никогда миру и не возлюбить ближнего той чистой, святой, пламенной любовью, какой способны любить ближнего эти отшельники мира, эти обитатели непроходимых пустынь. Хотите ли видеть примеры такой любви? Вот рассказы из одного только Скитского Патерика (а таких Патериков и немало других есть).

Один брат спросил авву Нистероя: "Если придет нищий и попросит у тебя одежды, то какую ты отдашь ему?" (У старца были только две одежды). Старец отвечал: "Лучшую". Брат опять спросил: "А если другой попросит у тебя, тому что дашь?" Старец сказал: "Половину другой одежды". Брат еще спросил: "А если кто еще попросит у тебя, тому что дашь?" Старец сказал: "Раздеру остальное и дам ему половину, а из другой половины сделаю себе опоясание". Наконец брат спросил: "Если кто попросит у тебя и опоясание, тогда что сделаешь?" Старец говорит: "Отдам ему остальное, а сам пойду куда-нибудь и буду дожидаться, пока Бог пошлет мне одежду и прикроет меня". Вот как исполняли святые пустынники заповедь Господню: «Прозящему у тебе дай» (Мф. 5; 42). А вот какую любовь они оказывали к страждущим. Авва Иоанн Фивейский двенадцать лет служил больному старцу до самой его смерти, сидя неразлучно с ним на рогоже. Подобным образом преподобный Агафон, придя однажды в город для продажи вещей своих, нашел на улице лежавшего больного странника, о котором никто не заботился, нанял для него небольшую комнатку, остался при нем, ухаживал за ним, платил за комнату из денег, получаемых за рукоделье, а что оставалось из скудного заработка, то употреблял на другие нужды больного. Старец пробыл с больным три месяца, пока тот совсем выздоровел, и только тогда возвратился в келью свою. Этот угодник Божий сам говорил: "Если бы я нашел прокаженного и мог отдать ему свое тело, а его тело взять себе, я охотно бы сделал это". Такова должна быть совершенная любовь.

О преподобном Макарии рассказывают: приходит он однажды к соседнему отшельнику и застает его больным. Святой старец спрашивает болящего, не хочет ли он чего съесть? А в келье у больного ничего не было. Больной просит душистой лепешки (пастилы). И старец Божий, чтобы успокоить болящего брата, не поленился сходить в Александрию и достать ему пастилы.

Ради любви к ближнему святые подвижники готовы были оказать всякое снисхождение, только бы успокоить немощного. За это Господь и не оставлял их без особенных утешений.

Так, однажды тот же преподобный Агафон шел в город для продажи небольших сосудов собственного изготовления и нашел на дороге прокаженного. Прокаженный спросил его: "Куда идешь?" Авва Агафон ответил: "В город, продавать сосуды". Прокаженный сказал ему: "Сделай милость, снеси и меня туда". Старец поднял его и принес в город. Больной попросил: "Положи меня там, где ты будешь продавать сосуды". Старец исполнил его желание. Когда он продал один сосуд, прокаженный спросил его: "За сколько продал ты?" Старец ответил. Больной сказал: "Купи мне на эти деньги пирог". Авва Агафон купил. Наконец, когда старец продал все сосуды и хотел идти назад, прокаженный спросил: "Ты уходишь?" — "Да", — отвечал старец. Больной сказал ему: "Сделай милость, отнеси меня опять туда, где взял". Старец взял его и отнес на прежнее место. И говорит ему тогда прокаженный: "Благословен ты, Агафон, от Господа на небе и на земле!

Агафон посмотрел, но уже никого не увидел: это был Ангел Господень, пришедший испытать его.

Вот еще заповедь любви: «И аще взаим даете, от нихже чае восприяти» (Лк. 6; 34), и вот как ее исполняли святые подвижники. Однажды авва Иоанн Персиянин занял у брата златицу и купил себе льна для работы. Приходит к нему другой брат и просит: "Дай мне, авва, немного льна". Авва дал ему с радостью. Приходит другой брат и тоже просит у него: "Дай мне немного льна". Старец и этому дал. И кто ни просил у него — никому не отказывал, всем давал с радостью, хотя и для себя-то занял: не было ничего в запасе. Удивительно было в этом старце и то, что если кто приходил к нему взять что-нибудь в долг, он не сам давал из своих рук, а говорил просителю: "Пойди, возьми себе что нужно". Когда взявший приносил долг, то старец говорил: "Положи это опять на свое место". Если же кто не приносил долга, то старец и не напоминал ему об этом.

А вот как они, святые пустычники, бескорыстно трудились для ближнего: преподобный Пиор работал у кого-то во время жатвы, по найму. По окончании работы он напомнил хозяину о плате. Но тот отложил плату до времени, и авва возвратился в монастырь. На другой год, когда настало время жатвы, авва опять пошел к тому же хозяину, работал на него усердно, но не получил ничего и опять вернулся в обитель. И в третье лето старец, окончив обычную работу у того же человека, ушел от него без всякой платы. Но когда Господь благословил дом того человека, у которого он работал, Пиор взял плату, принес ее к одному святому старцу, упал к ногам его и, отдавая ему деньги, сказал: "Господь ущедрил меня". А тот велел отдать принесенное на церковь.

Когда авва Феодор Еннатский жил в пустыне, однажды он пошел в хлебную приготовить себе два пшеничных хлебца. Там он застал брата,

который хотел испечь себе хлеба, но не имел никого, кто бы помог ему. Феодор оставил свое дело и пособил ему. Но только что окончил с ним, приходит другой брат. Он и ему помог испечь хлеба. После того приходит третий брат: и этому Феодор помогает с любовью. Так перебивало в хлебной шесть братии, и каждому помогал Феодор и только тогда испек он свои два хлебца, когда никого не было уже в хлебной. Следует заметить, что он не был какими-нибудь правилами обязан всем помогать: он делал это по братской любви, и нимало не роптал.

То ли бывает в миру? Там не будут много ждать: очередь — правое дело. А блаженный Епифаний, впоследствии епископ Кипрский, говорил: "Бог за самую малую цену продает оправдание тем, которые ищут купить оное, например: за малый кусок хлеба, за убогую одежду, за чашу холодной воды, за малую медницу".

Все сказанное раньше можно назвать делами милости телесной, а вот дела милости духовной, — любовь смиренных рабов Божиих к душе ближнего, попечение их о ней.

Один согрешивший брат пришел к авве Лоту и в смущении входил и выходил из кельи, будучи не в силах открыть своего греха. Тогда авва Лот спрашивает его: "Что с тобой, брат?" Брат сказал: "Я сделал большой грех и не могу открыть его отцам". Старец сказал ему: "Исповедуй грех свой мне, и я возьму его на себя". Брат со скорбью поведал ему грех свой. "Не унывай, — сказал ему старец, — есть еще покаяние. Пойди, пребывай в пещере и постись по два дня; а я принимаю на себя половину греха твоего". Прошли три недели, и старцу было открыто, что Бог принял покаяние брата, который и оставался потом у старца в послушании до самой смерти своей.

Или вот еще рассказ об авве Ахиле. Пришли к нему три старца, из которых об одном носилась худая молва. Один из старцев говорит авве Ахиле: "Авва, сделай мне невод". Ахила отвечает: "Не сделаю". Другой старец просит о том же. И ему авва отвечает: "Мне недосуг". Наконец говорит и тот самый, о ком была худая молва: "Сделай, авва, мне невод, чтобы мне иметь что-нибудь из рук твоих". Ахила тотчас с радостью отвечает ему: «Для тебя сделаю». Потом два старца спросили его наедине: "Почему, когда мы просили тебя, ты не хотел для нас сделать, а ему сказал: для тебя сделаю?" Авва Ахила отвечал им: «Я сказал вам: не сделаю, и вы не оскорбились на меня, поверили, что мне недосуг, а если я ему не сделаю, он скажет: "Старец услышал о моих грехах и потому не захотел сделать для меня". Через это я ободрил душу его, чтобы он не был поглощен чрезмерной печалью».

Так любили ближнего святые отшельники. Далеко нам, грешным, до такой любви. Скажут, может быть: зачем же они ушли из мира в пустыню? А вот затем и ушли, чтобы там, в тиши уединения, очистить свое сердце от праха греховных пожеланий и суеты житейской и соделать это сердце способным к такой чистой, пламенной любви. Почитайте их писания и увидите, что это воистину так!

563. Непобежденный враг русской земли

Много было у русского народа сильных врагов, тяжело было ему воевать с ними, но с помощью Божией он всех одолел. Вовек не забудут татары великого князя Дмитрия Ивановича Донского, немцы и шведы — святого Александра Невского, поляки — князя Пожарского и мещанина Минина, а французы — Кутузова. Много одержал русский народ славных побед над всякими врагами, одного только врага, к стыду своему, он до сих пор не может одолеть: это — пьянство, которое не в пример губительнее всякой несчастной войны. Война отнимает сотни тысяч людей, но эти люди, умирая на поле брани за веру, царя и отечество, получают на небе вечную славу и оставляют на земле вечную по себе память. А пьяница губит не только тело, но и душу, а за душу какой выкуп даст человек?

Война — дело неизбежное: воюют, чтобы отстоять свою веру православную, своего царя-батюшку, всех родных и близких людей. А пьяница — за кого умирает? Кому своей смертью пользу приносит? Война — дело временное, а пьянство — бедствие постоянное, для семьи пьяницы — горе безысходное, при виде которого у всякого христианина сердце кровью обливается; только разве один кабатчик не видит слез этих несчастных семейств, не слышит стоны их, потому что окаменело сердце его.

Победоносным русским воинством хвалится наш государь-батюшка, хвалится вся Крещеная Русь, а кто нахвалится пьянством десятков тысяч людей, пропивающих и свое, и чужое добро, свою совесть и самую душу? Никто, кроме разве одних кабатчиков. И кто только не колет глаза людям русским из-за этих пьяниц? Пьяницей зовет русского человека и корчемник-еврей, пьяницей величает его и немец, как пьяницей пренебрегает им татарин, как пьяницу презирает его и отступник от веры — скопец... О, если бы милосердый Господь, желающий всем спастися и в разум истины прийти, вразумил несчастных в пьянстве, вложил любовь к этим слабым братьям, любовь, от недостатка которой и растет пьянство на Руси.

"Нам-то какое дело до пьяниц, — скажут, пожалуй, люди трезвые, — сам себя губит пьяница пьянством своим". Может быть, оно и так, судя по-человечески, а по Божии-то вовсе не так. По правде Божией за всякого погибшего от пьянства человека ответит перед Богом и то общество, среди которого жил этот погибший человек, если оно не принимало никаких мер к его спасению.

Но что же делать, чтобы спасти хоть некоторых кормильцев семьи от губящего их пьянства, а сами семьи их — от голода и холода, от горючих едких слез? Есть, братие мои, есть у вас под руками верное к тому средство: закрывайте в селениях кабаки и при помощи Божией устраивайте общества или братства трезвости, и вы не одного пьяницу отведете от гибели, не одну семью спасете от разорения. Пока кабаки стоят в деревне, слабые люди

все-таки будут пить и пропивать в поте лица добытые денежки: сами знаете, как немного найдется таких, которые пили бы умеренно, например, рюмочку-другую, — и больше ни капли. В том-то и беда для русского человека, что не по сердцу ему эта умеренность, не любит он довольствоваться двумя-тремя рюмочками и обыкновенно доходит до того, что уподобляется скотам несмысленным.

Иной скажет: "Что за беда, если я выпью лишнее раза два-три в год?" Друг мой, а разве ты можешь поручиться, что и в один час безумного опьянения не наделаешь столько бед, что будешь потом каяться целую жизнь? Разве ты можешь за себя поручиться, что если будешь так выпивать, то не сделаешься наконец самым горьким пьяницей? Водка — сила, и недаром на вопрос персидского царя Дария: "Что всего сильнее на земле?" один мудрец ответил: «сильнее всего вино» (2 Езд. 3; 10). Никто не родится пьяницей, а мало-помалу и незаметно для себя привыкает к водке и становится неисправимым пьяницей. Вино — сила, и бороться с ним трудно. Поэтому хорошо, по-Божески, поступают те общества, которые не дают приговоров на открытие в своих селениях никаких питейных заведений. Грешно и говорить о тех выгодах, которые бывают для общества от таких приговоров: получит общество сто рублей, а пропьют в этом питейном заведении целую тысячу. Да и может ли быть на таких деньгах Божие благословение? Ведь за эти сто-двести рублей общество отворяет широко двери в свои селения для злейшего врага — водки, ведь эти деньги можно назвать ценой крови тех несчастных, которые будут пропивать в кабаке свои последние гроши.

А как много выгоды для трудящегося человека от трезвости показывает следующий пример: два молодых крестьянина пропили все свое добро и дошли до полного разорения. Но Господь вразумил их: они увидели, что дело плохо, что так жить дальше нельзя и порешили вовсе не пить водки. Помолясь Богу, они заключили такое условие: кого из них уличат, что он был пьян, тот должен подарить товарищу, соблюдающему зарок, пару лошадей с возом и упряжью ценой в сто рублей. А родители этих молодых хозяев обещали, что если их дети верно сдержат свое слово в продолжение семи лет, то каждый даст своему сыну по сто рублей и паре волов. Дети сдержали свое слово и отцы, седые старики, исполнили свое обещание. Тогда приятели снова дали друг другу слово не пить водки, и что же дала этим молодым хозяевам семилетняя трезвая жизнь? Оба они так поправили свои дела, что один купил двадцать десятин земли, а другой построил новый дом со всеми службами. Соседи, смотря на них, говорили: "Не пей наш брат водки годок-другой — хорошим хозяином станет".

А потому, кто хотя и пропил все свое добро, но не пропил еще своей совести, у кого есть еще желание пожить по-Божески, кому дорого имя честного трудолюбца, тот все свои силы употребил, чтобы побороть свою слабость. И самое лучшее средство в этом случае — записаться в члены общества трезвости с обещанием воздерживаться от водки в продолжение

года, например. Надо помнить только, что Христос сказал: «без Мене не можете творити ничесоже», что никакое наше доброе дело не будет прочно, если мы не призовем на него Божия благословения, если будем надеяться только на свои слабые силы. Без Бога ни до порога, — говорит и наша родная пословица. Если и ты, слабый человек, решаешься не пить больше вина, то проси у Господа Бога помощи в твоей доброй решимости. Пойди в храм Божий, попроси там своего отца духовного отслужить молебен Господу Богу, и там же, в церкви, дай обещание не пить водки в течение года или другого времени, и проси на это благословения у священника Божия, и верь, друг мой, Бог тебе поможет в твоем воистину добром начинании. Это доброе дело твое порадует и Ангелов Божиих — на небе, и твоих близких, родных и знакомых — на земле, и пастыря твоего духовного, который станет еще усерднее молиться за тебя у престола Божия на Божественной литургии. Твой добрый пример не останется без подражания: увидят люди слабые, пьющие, что ты исправился, и совесть подскажет им, что пора и им одуматься, пора исправиться, что это и для них возможно: если ты исправился, то почему же и им не исправиться? И вот мало-помалу составится у вас общество трезвости, общество непьющих водку, святое содружество людей, пекущихся об искоренении величайшего зла, которое губит наш добрый русский народ, то есть пьянства. И не только трезвые, малопьющие отцы и матери, но и закоренелые родители-пьяницы со слезами на глазах благословят своих деток последовать твоему примеру и не пить водки никогда.

За грамотного двух неграмотных дают, и то не берут, — говорит пословица. То же самое можно сказать о непьющем человеке. Человек непьющий нигде не пропадет: ни дома, ни на стороне, и никогда не насидится он без дела и без куска хлеба.

К вам особенно обращаю слово мое, почтенные старцы, сединой украшенные! Вам нужнее всего помнить, «что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5; 8), что «пьяницы... Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6; 10). Покажите пример, как жить по-Божески.

Истинный христианин ничего не жалеет для ближнего, для спасения души его, а ты, добрый человек, откажись только от водки, которую ты ведь все же не считаешь великим сокровищем, без которого будто уж и прожить нельзя. И вы, мужи, сильные телом, на вас лежит вся тягота жизни: вы, кормильцы престарелых своих родителей и родной семьи, вы, плательщики всяких податей. Вам каждая копейка дорога, зачем же ее тратить на водку? Лучше пусть она пойдет Богу на свечку, семье на пропитание, царю-батюшке на подать, а не на обогащение кабатчика, не на отраву для себя.

Бог вам в помощь, православные, в борьбе со злейшим врагом Русской земли — с пьянством: пусть не корят нас люди иноверные, будто все русские люди — пьяницы.

564. Слово покаявшегося пьяницы «о многопотопном и прелестном пьянстве»

Не богомудрое слово святоотеческое и не поучение благочестивого пастыря-проповедника предлагаем мы на сей раз читателям "Троицких Листков", а смиренное слово инока, который жил почти триста лет тому назад и сам был одержим когда-то пороком пьянства, но при помощи Божией покаялся, победил в себе эту губительную страсть и написал поучение "О многопотопном и прелестном пьянстве", которое и предлагаем здесь в сокращении с переводом на современный язык.

Поистине многопотопна и обольстительна эта страсть — пьянство, и многие, от нихже первый есмь аз, болзнуют этим недугом, совершенно в нем утопают, как тонет олово в воде. Ведь не для того дал нам Бог пищу и питье, чтобы мы предавались объядению и пьянству, а для подкрепления нашего тела и увеселения в приличное время. И сами-то мы не для того сотворены Создателем, чтобы упиваться и жить подобно свиньям, а для прославления Творца — нашего Благодетеля, в Троице славимого Бога. И как железо не на то нам дано, чтобы мы истребляли им друг друга, так и вино не для пьянства нам дано, а для подкрепления сил болзнующих, как и святому апостолу Тимофею разрешает великий и богогласный апостол Христов Павел вкушать вино стомаха ради (ради желудка) и частых его недугов. Как от малой трещины может потонуть большой корабль, так от малого небрежения и послабления самому себе приходит великая беда. Вводи корабль в тихое пристанище, пока не настала буря; так же берегись от пьянства, пока оно не сделало тебя своим рабом. А если не сумеешь уберечь себя, то поймешь зло, когда будет уже поздно, когда придет зима и у тебя не будет теплого крова, где бы ты мог главу приклонить. «Всяк пияница... обнищает и облечется враздранная», — говорит Соломон (Притч. 2; 21). Мы видим, что и бессловесные животные по природному влечению сами избегают вредных трав, а питаются полезными для них; будем же подражать им в том, что нам полезно и что вредно.

Итак, внимай себе, человек: посреди сетей многих ходишь ты; сети скрыты врагом повсюду; смотри же внимательно, чтобы не быть добычей диавола. Нельзя разграбить дом, пока не связан крепкий его хозяин: так и диавол, чтобы расхитить душу человека, прежде старается связать и омрачить пьянством царя души — ум наш, а когда ум помрачен, тогда человек и сам не помнит, что делает. Поистине надо удивляться, как это мы любим то, что нам вредно, делаем то, что сами же осуждаем, и так обманываем себя со дня на день, с часу на час, до конца нашей жизни. Тогда как Христос предостерегает нас: «блюдитесь, да не отягчают сердца ваша объядением и пиянством» (Лк. 21; 34), и апостол Петр говорит: «бодрствуйте, зане супостат ваш диавол ходит, яко лев рыкая, иский кого поглотити» (1 Пет. 5; 8). А мы, предаваясь пьянству, как можем ожидать себе милости от Бога?

Не знаю, за кого мне считать тебя, подобный мне пьяница, — за человека или за бессловесное животное? Считать ли тебя за человека? Но ты поступаешь подобно бессловесному. Считать ли тебя за скота? Но ты становишься хуже скота: скот так и сотворен неразумным животным, а ты — разумное Божие создание, а уподобляешься псам и свиньям и тем позоришь свое разумное достоинство. Ты делаешь себя посмешищем врага дьявола. И зачем ты, о несчастный пьяница, сам себя убиваешь, сам себя отравляешь, а в будущей жизни готовишь себе вечную погибель? Если ты — разумное создание, то зачем живешь подобно скоту неразумному? Да если бы ты был и в самом деле скот, а не человек, то ведь и скот понимает, что ему полезно и что вредно: зачем же ты касаешься вредного? Но ты — владыка твари бессловесной: зачем же ты живешь хуже этой твари? Зачем ты лишаешь себя жизни вечной?

Гнилой член отсекают, чтобы он не заразил всего тела: так должно отсекасть и страсть, чтобы она не погубила нашу душу. Слышишь, что Господь говорит? Аз и Отец «приидем и обитель у него, (то есть в душе христианина) сотворим» (Ин. 14; 23). Зачем же ты пьянством затворяешь для Владыки вход в твою душу? Почто позволяешь врагу поселиться в твоей душе и, будучи храм Божий, бываешь сосудом дьявола? Как дым отгоняет пчел, так и богомерзкое пьянство удаляет от нас милости милостивого нашего Бога. И как с закатом солнца наступает тьма, так и тогда, когда мы отгоняем благодать Святого Духа от себя и удаляем Ангелов хранителей наших, мы становимся игрушкой и жилищем нашего древнего губителя — дьявола. Когда я вспомню, что и такие праведники, как Ной и Лот, такой сильный муж, как Сампсон, будучи побеждены вином, подверглись поруганию: Ной — от собственного сына, Лот — от своих же дочерей, а Сампсон — от своей жены, то невольно задумываюсь и не знаю, что мне делать. Вижу, что сам от себя погибаю, и, однако, опять то же самое делаю, и что для меня вредно, то считаю за полезное; поистине должен я повторить, хотя и недостойн этого, слово великого Божия избранника, апостола Павла: «Не еже бо хочу доброе, творю, но еже не хочу злое, сие содеваю... не аз сие творю, но живой во мне грех» (Рим. 7; 19-20), и слово Соломоново: «бита мя, и не поболех, и поругашася ми, аз же не разумех» (Притч. 23; 35).

Горе моему воздержанию! Мысли мои непостоянны, как ветер, желание быть воздержным — как роса, мое твердое намерение — как паутина, ветром разрываемая, и сам я точно корабль, волнами отовсюду обуреваемый. Солнце ума моего не светло сияет во мне; говорю душе моей: взгляни на небо, прославь своего Творца! "Но как я взгляну? — отвечает она. — Свет очей моих помрачился и не может смотреть на небо; как воспою песнь Господу моему на земле чуждой — во прахе страстей? Мне только плакать прилично: лишилась я светлых праздников моих, не могу славословить Господа, во тьме и мраке пребываю. О, кто возвратит мне дни прежние, когда праздновала я пред Господом моим? Возврати мне, Господи, покой мой прежний, да просвещуся светом Твоим и прославлю пресвятое

имя Твое; да одолею Амалика страстей моих и войду в землю обетованного покоя. Нет у меня дерзновения просить этого, вся я страстями осквернена, но без Твоей помощи не войти мне туда, Господи, если Ты Сам не поведешь меня воздержанием и огнеподобной теплой молитвой. И кто даст мне эти крылья благодатные — воздержание и молитву, чтобы мне полететь на них к блаженному покою и почить от страстей? Горе мне: мои праотцы невоздержанием лишились рая, а я невоздержанием лишаю сама себя вечного блаженства".

Братие мои возлюбленные, вы, подобно мне страждущие недугом невоздержания, будем помнить внезапное посечение смертное, и Страшный Суд Божий, и грозное мучение; вспомним, на какую радость вечную зовет нас Господь: «ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его» (1 Кор. 2; 9). Ужели мы ради ничтожного земного удовольствия сами себя лишим такой благодати, и радости, и Божественного света?

Итак, если хочешь быть силен разумом, то будь воздержан в пище и питии, полюби пост, как наставника во всех добродетелях, и тогда на опыте познаешь, что ты становишься свободным от плотских страстей, как бы от каких-нибудь тяжких уз.

А если тебя все же будет тянуть к вину и без вина невкусна тебе покажется пища, то воздержись без пищи до вечера, проведи так весь день, вот и будет для тебя пища очень вкусной. Если же и при этом не пропадет желание выпить, то вспомни: кто из любителей вина получил от Бога милость и спасение? Мало того, даже еще и здесь, на земле, кто, проводя жизнь в пьянстве, приобрел честь и славу? Пьяницы не только не приобретают их, но и приобретенное теряют. И сколько людей погибло от пьянства, сколько умерло без покаяния: сколько таких, которые от него много бед понесли, много тяжких, неизлечимых болезней нажили, а некоторые и ума лишились, и попушением Божиим подверглись даже беснованию. Берегись же, чтобы и тебе не потерпеть чего-либо подобного. У дьявола есть такой обычай: он склоняет нас употреблять водку и всякое опьяняющее питье сначала не для опьянения, а ради веселья, а потом мало-помалу доводит и до пьянства. А тогда мы уже становимся как бы его рабами: он тянет нас к вину как бы насильно, понуждая пить, распаяя жажду к опьяняющему напитку. И если мы до конца жизни останемся в рабстве у этой привычки, то все, конечно, погибнем — и телом, и душой. Вот почему будем, братие, всячески избегать водки, как злой губительницы наших душ и телес; будем помнить, что нет в ней никакой пользы, а только один вред, что сладость опьянения сменяется горечью, радость покрывается печалью. Будем лучше услаждаться вином духовным — жаждой ко всему духовному и богоугодному и таким образом сначала будем бороться со своей мыслью греховной, как со злым врагом, а потом возрадуемся о победе над ним благодатью Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава со Отцем и со Святым Духом, ныне и присно, и в нескончаемые веки. Аминь.

565. Слово о пьяницах

Ничто так не противно Богу, как чревоугодие, которое навеки лишает человека Его святой благодати. Поэтому святой апостол Павел и говорит: «Яко во дни, благообразно да ходим, не козлогласования и пьянствы» (Рим. 13; 13) и не многоядением, как бессловесные животные. Господь Бог ненавидит чревоугодников: Он не может пребывать в их душах, а воздержных любит и в их душах пребывает. В святом Иоанне Предтече ты найдешь и смирение, и чистоту, и любовь, и кротость, и все прочие добродетели, но более всего поражает нас строгость его жизни. Ибо где нет воздержания, там нет места и никакой другой добродетели. Послушай, каково было воздержание святого Иоанна: он не вкушал ни вина, никакого другого опьяняющего напитка и никакой другой пищи у него не было, кроме акрид и дикого меда, на вкус очень горького и неприятного. Он так постился, что Сам Иисус Христос сказал о нем так: «прииде бо Иоанн (Креститель) ни ядый, ни пияй» (Мф. 11; 18), а одежда его была из верблюжьего волоса и кожаный пояс — на чреслах его.

А мы, грешные, только по имени называемся христианами, а на деле — хуже неверующих во Христа. Не так бы было удивительно, не столь было бы жаль, если бы такое бесчиние творили неверующие, потому что Бога они не знают и надежды на Него не имеют, а мы ведь христиане, нас Господь Бог призвал от смерти к жизни; все законы повелевают нам беречься чревоугодия и любить воздержание. И поистине достойно удивления, как это христиане смеют оскорблять своего Творца и угождать диаволу, от которого отреклись при Святом Крещении, как не стыдятся они пьянства и творят противное не только закону христианскому, но и простому здравому смыслу человеческому. Над ними смеются и неверующие, встанут, воистину встанут в день Суда Божия нечестивые турки и татары и обличат нас, христиан, в том, что они по одному слову своего пророка Магомета во всю свою жизнь не вкушают вина, а христиане вовсе не хотят слушать повеления Сына Божия, Иисуса Христа, Господа, Учителя и Спасителя своего, Который с любовью увещевает их быть трезвыми, говоря: «Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством... и найдет на вы внезапно день той» — день Страшного Суда Божия (Лк. 21; 34).

Вот все мы называемся христианами, то есть учениками Христовыми, скажи же мне, христианин, какой господин полюбил бы раба пьяницу или какой учитель стал бы равнодушно смотреть на пьяницу ученика? Поэтому и твой Господь и Учитель, Иисус Христос, ненавидит пьянство и чревоугодие.

Смотри же, несчастный человек, как мерзко и гнусно пьянство, подумай, что ты ведь только и отличаешься от скота тем, что получил от своего Творца разум и через то поставлен господином всей неразумной твари. Но если ты

пьянством лишаешь себя разума, то сам уподобляешься скотам бессловесным.

Да пьяница даже еще хуже и неразумнее скота: известно, что никакой скот не станет пить больше того, сколько ему нужно, хотя бы ты и принуждал его к тому побоями, а пьяница пьет без всякой меры и оскверняет свои уста. Не срамное ли это дело? А между тем пьяницы обыкновенно ни во что ставят свой порок и пьянство за грех даже не почитают, у них всегда есть разные оправдания и отговорки, они и слышать не хотят о том, что едва ли есть еще такой порок, который так разорял бы дома и влек за собой великий гнев Божий, как пьянство.

Послушай, человек, как грозно вопиет об этом пророк Исайя: «горе... сикер» (крепкие напитки) гонящим, а о делах Божиих нерадящим — «вино бо сожжет я». Какое же горе? «Пленени быша... и множество бысть мертвых», то есть за пьянство Бог попустил войну и пленение, «и разшири ад душу свою и разверзе уста своя... и снидут славнии и велиции и богати». Вот сколько бедствий постигает людей за пьянство: и мор, и голод, и война... Видишь, что пьяницы совсем неспособны делать добро: «вино пият», о делах Господних нерадят, «и дел руку Его не помышляют» (Ис. 5; 11-12). Не о делах Божиих, а о своем чреве пекутся они. Они ни во что вменяют самые благодеяния Божии: омраченные вином, они подобны мертвецам, и даже хуже мертвецов, потому что свою жизнь называют благополучием и удовольствием.

Но что это за жизнь — быть подобным скоту? Что за удовольствие — добровольно делаться безумным? Что пьяный, что безумный — одно и то же, потому что вино отнимает у человека ум, возбуждает в нем гнев и похоть блудную. Как «печь испытывает крепость лезвия закалкою, — говорит премудрый сын Сирахов, — так вино испытывает сердца гордых — пьянством» (Сир. 31; 30). «И не упивайтесь вином, — предупреждает святой апостол Павел, — от которого бывает распутство» (Еф. 5; 18). Вот почему еще в Ветхом Завете Господь Бог заповедал священникам и всему роду их не пить вина и никакого опьяняющего напитка под страхом смерти (Лев. 10; 9).

Что еще сказать о вине? Сколько происходит от него разных тревог, ссор и драк, об этом говорит Соломон: «кому горе? кому молва? кому судове? кому горести и свары? кому сини (багровые) очи? не пребывающим ли в вине, и не назирающим ли, где пирове бывают?» (Притч. 23; 29-30). Послушай, скольких людей загубило пьянство! Аммон, сын царя Давида, на пиру у брата своего Авессалома был напоен допьяна и убит. Пьяный Олоферн убит в своей палатке Иудифью. Но зачем искать примеров тому в Писании? Каждый день можем видеть и около себя множество подобных примеров. Пьянство — это известная сеть дьявола, который постоянно ею ловит людей и во ад низвергает. Известно также, что где царит пьянство, там нельзя никакой тайны укрыть; если хочешь узнать чью-нибудь тайну, то спроси у пьяного: он не только чужие тайны тебе расскажет, но и сам на себя что угодно наговорит.

Пьяница лишает сам себя благодати Божией и вечного блаженства, навлекает на себя гнев Божий, и если не покается, то не избежать ему вечных мук, потому что через пьянство он отвращается от Бога и творит волю диавола. Ничто так не угодно диаволу, как пьянство и блуд: эти пороки — мать всякого зла, известно, что в пьяном виде люди много совершают преступлений и ради блудной страсти творятся злодеяния без числа. Пьянство не только душе вредит, но и телу причиняет многие болезни: от него происходят подагры и другие болезни в ногах, болезни головы и желудка, падучая болезнь и сухотка, повреждение ума и много других. Известно также, что больше людей гибнет от пьянства, нежели на войне. И как человеку быть здоровым, когда у него в голове, точно в котле, все перемешивается, а в желудке все киснет, бедная душа как в воде утопает?

Подумай, несчастный, что за удовольствие тебе добровольно себя мучить и природу свою насилловать? Что за наслаждение — пить и напиваться, потом спать и снова с похмелья делаться пьяным? Подумай, можешь ли ты избежать разных грехов, будучи пьян, когда и само пьянство есть смертный грех? Пьяный человек теряет и образ Божий, по которому он сотворен. Подумай, на какие грехи ты неспособен в пьяном виде? Пьяный не пойдет и в церковь Божию, а если и придет, то каждый его сторонится, потому что от него исходит смрад, а своим кривляньем он многих соблазняет и наводит на грех. На другой день он встает с головной болью и внутренним жаром и, не дождавшись пока закончится служба Божия, он принимается опять пить, не только до обедни, но иногда и до заутрени.

Помыслим, братие, о нашей немощи: если уж и в трезвом виде иногда не можем удержаться от греха, то что сказать, если через пьянство потеряем ум добровольно? Если случится трезвому человеку впасть в какой-нибудь смертный грех, то он еще может сокрушить свое сердце и принести покаяние, а пьяный никогда этого не может сделать, разве в будущей жизни, когда пробудится во тьме и в муках адских. Но тогда уже поздно будет. А сколько людей умирает от пьянства внезапной смертью! Один утонул, другой упал и расшибся, а тот умер прямо от вина.

Убоимся же, братие, этого грозного Божия наказания! Не будем хуже несмысленных скотов! Скот знает меру и время, когда пить и есть, а ты не хочешь знать ни того, ни другого! Устыдись — не говорю уже людей, а скота несмысленного: видишь, и скот воздержнее тебя! А если видишь в себе этот порок, то моли Господа Бога, чтобы Он даровал тебе опомниться, и познать меру в пище и питии, чтобы ты полюбил пост и строгость христианской жизни, чтобы, распиная плоть свою с ее страстями и похотями, угодить Господу Богу и с Ним царствовать во веки. Аминь.

(Составлено в конце XVII столетия архимандритом Гавриилом)

566. Пчела, ужалив, умирает

Не другому вредишь ты, человек, когда ближнему зло творишь, а себе самому. "Не видишь ли, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — что пчела, ужалив, умирает? Через это насекомое Бог учит нас тому, чтобы мы не оскорбляли ближних: иначе мы сами подвергаем себя смертельной опасности в будущем: «душа же, сказано в Писании, согрешающая, та умрет» (Иез. 18; 20). Когда ты уязвляешь ближнего, то, может быть, и причиняешь ему некоторую боль, но сам ты, подобно пчеле, уже умираешь душой. Хотя Писание и похвалит пчелу, когда говорит: «коль делательница есть... еяже трудов царие и простии во здравие употребляют» (Притч. 6; 8); однако ничто не может избавить ее от смерти, когда она уязвит кого-нибудь, и она непременно должна умереть. Если же и ее не спасает ее полезность, когда она делает зло, то тем паче не спасет нас. Мы ведь не тварь неразумная".

То же говорит наш русский "златоуст", святитель Христов Тихон Задонский: "Сказывают, что когда пчела уязвит кого-нибудь своим жалом, то сама уже погибает. То же самое бывает и с христианином: не может он обидеть ближнего без того, чтобы не обидеть тем самым еще больше себя самого. Чем больнее уязвляет он другого, тем больнее уязвляет себя же самого. Когда он обижает ближнего, то этой обидой оскорбляет Бога Самого, потому что нарушает заповедь Божию, которая не велит никого обижать, но повелевает всех любить, всем добро творить. «Возлюбиши искренняго твоего, — говорит Господь, — яко сам себе» (Мф. 22; 39). Да, кто обижает ближнего, тот больше обижает самого себя, нежели ближнего. Почему? Потому что другому он вредит только телесно, а себе — душевно, другому уязвляет тело, а себе — душу. А чем дороже душа паче тела, тем больше обида и вред, причиненные душе, нежели вред, причиненный телу. Да и каким бы грехом ни грешил человек, он ранит свою душу и ей вредит. Согрешает ли человек против ближнего своего — он наносит рану своей же душе. Согрешает ли он без оскорбления ближнего — он своим грехом, как жалом, себя же уязвляет. А сатана, как непримиримый враг человека, всегда ищет и всячески тщится ввести человека в грех. Когда грешишь ты, человек, то сам себя отдаешь диаволу в обиду. Если ты гонишь человека, то знай, что тебя самого гонит на то диавол. Когда ты похищаешь добро у человека, то диавол уже похитил добро у твоей души. Когда ты прельщаешь и обманываешь человека, то тебя самого уже прельстил и обманул диавол. Когда клеветнешь на человека, то ты уже отдал сам себя клевете диавольской. Если ты хулишь и насмехаешься над человеком, то ты уже отдал сам себя диаволу на поругание. Когда ты бьешь человека, то уже бьет твою душу диавол. Смеешься ли над человеком, — смеется над тобой самим диавол. Презираешь ли, уничижаешь ли человека, — тебя самого презирает и уничижает диавол. Так всякий грешник казнит сам себя. Самый грех и есть уже для него казнь за грех. Он уязвляет другого, но еще больнее уязвляет себя самого; он вредит другому, но еще больше вредит себе самому; бьет другого, но еще больнее бьет самого себя; отнимает у другого, но еще больше теряет сам; клеветет на другого, но еще больше будет оклеветан от

диавола; осуждает другого, но тем самым осуждает себя самого; оскорбляя другого, оскорбляет самого себя; обманывает — и обманывается; смеется над другим — и сам делается через то посмешищем диавола. Словом, какое бы зло человек ни делал другому — еще больше зла он делает себе самому: ближнего он обижает телесно и временно, а себя — душевно и на веки вечные. Так всякий грешник меру, которой мерит ближнему своему, себе самому наполняет с преизбытком". Так поучает святитель Христов Тихон.

"Поистине, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — одним только лютым зверям свойственно обижать, когда еще никто их и не трогает; но и звери редко так делают; и они не причинят тебе вреда, не придут к тебе в дом, не укусят тебя, если ты сам не пойдешь к ним в пустыню, если не раздражишь их чем-нибудь. А ты, будучи человеком, существом разумным, будучи почтен такой властью, честью и славой, даже зверям не подражаешь и уязвляешь брата? Чем же ты можешь оправдаться? Не слышишь ли, что говорит Павел? «Почто не паче обидими есте? почто не паче лишени бываете? Но вы (сами) обидите и лишаете, да еще братию?» (1 Кор. 6; 7-8). Видишь ли, что злополучие состоит в делании зла, а благополучие — в терпении от зла? В самом деле: скажи мне, если кто злословит начальников, если кто оскорбляет властителей, то кого он обижает, — себя или их? Очевидно: себя. Если же так, то, оскорбляя человека, не оскорбляешь ли ты через него Самого Христа? "Нисколько", — говоришь ты. Но что ты говоришь? Кто бросает камни в изображение царя, тот в кого бросает? Не в самого ли себя? Итак, если бросающий камни в царское изображение побивает самого себя, то оскорбляющий образ Христов — а человек и есть образ Божий — не обижает ли самого себя?" Вот рассуждение вселенского учителя, святителя Христова Иоанна Златоуста. Не то же ли свидетельствует и совесть наша?

Вспомни, каждый человек, как тяжело, мучительно было у тебя на сердце, когда в первый раз оскорбил ты ближнего, хотя бы этот ближний и сам подал к тому повод? Не слышал ли ты в глубине души своей этого неподкупного судью-обличителя — свою совесть? Не говорила ли она тебе, по крайней мере в первые минуты: "Ах, зачем ты это сделал? Зачем так раздражился? Зачем вышел из себя? Разве нельзя было поправить дело без брани, без ссоры, без оскорбления ближнего? Согрешил ты пред Богом, согрешил пред братом, неправ ты и пред самим собой. Если уж ты забыл заповедь Божию, повелевающую любить ближнего, как себя самого, то хоть пожалел бы себя: ну, можешь ли ты быть теперь спокоен душой, когда знаешь, что брат немирнен к тебе, что он всем может на тебя жаловаться. Какими глазами будешь ты теперь смотреть на добрых людей?"

Но суд людской не так страшен, как суд Божий: с какой совестью ты теперь станешь повторять молитву Господню: "и остави нам долги наша, как и мы оставляем должником нашим"? Как ты, преступник заповеди Божией, войдешь теперь в храм Божий, как возведешь очи к Отцу Небесному — ты, обидчик своего брата, непослушный сын Небесного Отца? Не отвратит ли

Господь от тебя очей Своих милосердых? И как ты дерзнешь просить у Него прощения своих грехов и помилования, когда сам не захотел помиловать брата своего, снизить к его немощи, немного потерпеть его? Слышишь, что Он, Господь наш, говорит, — и непреложно святое Божественное слово Его: «аще отпускаете человеком согрешения их, и Отец ваш Небесный отпустит вам согрешения ваша; аще ли не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешения ваша» (Мф. 6; 14-15). Вот что говорит нам совесть наша.

Итак, если хочешь получить милость Божию, то поспеши примириться с обиженным тобой, вынь смертоносное жало из сердца твоего, приложи пластырь милосердия и любви к ближнему на рану твою, окажи любовь к обиженному тобой, и тогда — Бог милостив — исцелится недуг души твоей, успокоится встревоженная совесть твоя. А пока этого не сделаешь, не пойдет к Богу молитва твоя, не даст покоя тебе совесть твоя, не будет мира душе твоей.

Вспомни ужасную судьбу первого на земле обидчика Каина: "стения и трясьйся", до конца дней своих бродил он по земле, обогранный кровью братней; отверженный Богом, он всю жизнь мучился в чувстве отчаяния. Слава Богу, ты не убил, а только оскорбил брата своего, но ведь и словом можно так больно уязвить человека, что он, как смертельно раненый, будет томиться душой. Пожалей его, пойдя к нему, скажи ему от любящего сердца: "Брат, прости меня, ради Христа! Я грубо оскорбил тебя, я виноват перед тобою. Помирился, брат мой, забудем все, что было между нами. Пусть враг не смеется над нашими немощами. Брат мой милый, вынь из моего сердца эту стрелу вражью: измучился я душой, покоя нигде не нахожу с той минуты, как оскорбил тебя". И верь, друг мой, Бог увидит твое смирение, и расположит сердце братнее к примирению, и простит он тебя ради имени Христова, и заживет рана твоя сердечная, и оба вы увидите, сердцем почувствуете, как верно слово Богомудрого царя Давида: «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе» (Пс. 132; 1). И еще крепче станет союз ваш о Господе, скрепленный опытным познанием как опасно нарушать его. Мир Божий да будет с вами! Аминь.

567. От Бога не укроешься

«Праведен еси, Господи, и правы суди Твои!» (Пс. 118; 137), — так зывал богомудрый пророк Давид, с благоговением размышляя о дивных путях правды Божией, спасающей праведных и карающей грешных. От людей можно укрыться, а от Бога никуда не скроешься: очи Господни светлее солнца — видит Господь не только все наши дела, но и все сокровенные мысли сердечные, видит их раньше, чем появятся они в сердце человеческом. На себе изведаль эту истину царственный мудрец: сколько тяжелых скорбей понес он за свой грех с Вирсавией и за смерть неповинного

Урии! Сознавал свою вину пред Богом мудрый царь и смирялся, и в смиренном чувстве благодарил Господа за скорби свои, и взывал: «благо мне, яко смирил мя еси, Господи, яко да научуся оправданием Твоим!» (Пс. 118; 71). И не один он, но и многие-многие грешники, познавая в постигающих их скорбях карающую руку Божию, смирялись пред Богом и, прославляя правду Божию, смиренно взывали к Богу: "Праведен еси, Господи, и правы суды Твои; благо нам, яко смирил еси нас, Господи Боже праведный!"

Вот что поведал о себе один из таких смиренных грешников: "Оставшись после отца восемнадцати лет, я только и думал о том, как бы побольше скопить денег: возьмусь ли за дело, иду ли куда, лягу ли спать — у меня только и думы, что о деньгах: из-за них я и о Боге вовсе позабыл. Бывало, в воскресный день люди добрые идут в церковь Божию, а я, иной раз и не перекрестившись, бегу на базар. Напрасно покойница тетка меня бранила и добром уговаривал: "Эх, Семен, Семен! Люди у обедни стоят, еще и к "Достойно" не звонили, а ты уж успел водки хлебнуть: помолился бы сперва Богу, да тогда бы и выпил, а на базар-то успел бы сходить и после обедни. Ведь если не будешь просить Бога, да не благословит Он твоего труда. Как ты ни рвись, ни в чем успеха не будет: спустишь с рук и то, что теперь есть, и, может быть, дойдет до того, что и перекусить будет нечего. Попомни ты это мое слово!"

И правду говорила покойница: за что ни возьмусь, все из рук у меня валится, ни в чем не было удачи. Но я решился во что бы то ни стало, какими бы то ни было способами нажить денег и разбогатеть. Худое стоит задумать, а враг и случай к тому подаст.

Однажды я поехал сеять рожь, под вечер разложил огонь и лег отдохнуть, как вдруг слышу — кто-то едет. Приподнявшись, я увидел порядочно одетого человека, который слез с телеги и ласково спросил меня: "Скажи пожалуйста, земляк, как проехать в такое-то село?" — "А ты кто? — спросил я его. "Я, — говорит, — приказчик такого-то купца; еду в то село на ярмарку за разными товарами, да вот сбился с дороги, увидел твой огонек и заехал".

Я хотел было идти показать ему дорогу, как враг начал нашептывать мне: "Вот тебе и богатство, само в руки лезет: едет на ярмарку, стало быть с деньгами, убей его и возьми их". С минуту подумал я, да и говорю: "Не советую, брат, тебе ехать в такую темень: кругом овраги да болота, пожалуй, опять собьешься с дороги, лучше останься со мной ночевать, а на заре я покажу тебе дорогу".

Он согласился, отпряг лошадь и в своей же телеге скоро заснул. Но мне было не до сна: проклятая мысль мучила меня неотступно, но и совесть твердила мне, что убить человека — страшный грех, что у него, может быть, есть жена, детки, они осиротеют, да и власти узнают — накажут и в Сибирь сошлют. А браг свое шептал: "Кто узнает? Он приехал к тебе ночью, никто и не видал его". Не устоял я, окаянный: схватил топор и сразу убил несчастного... Дрожащими руками я отыскал деньги, взял их и спрятал.

Потом запряг его лошадь в его же повозку, вывел ее на дорогу в то село, куда он ехал, а сам лег спать.

Но сон бежал от меня: совесть страшно меня мучила, и я уже хотел было сейчас же ехать домой, чтобы во всем покаяться, но враг опять начал шептать: "Теперь уже сделанного не воротишь, а деньги у тебя — живи себе на них как хочется". И я послушался врага.

На рассвете пошел я к ручью, вымылся и вернулся домой, как будто ничего и не было.

На другой день разнесся слух, что на ярмарку лошадь привезла убитого человека, что ищут убийцу. Более полугода шли розыски, но меня не тронули, и дело предано было суду Божию.

Суд Божий скоро и совершился надо мной. На ограбленные деньги построил я дом с лавочкой, но через два месяца нашла туча, ударил гром и все мое добро сгорело дотла.

Не прошло и двух лет после пожара, как на меня обрушилось новое тяжкое несчастье. Пошел я в лес проведать своих пчелок, да кстати там же зарезать барана к базарному дню (мои овцы там же паслись). Только что я зарезал его, как вдруг слышу вблизи отчаянный крик: "Кто в Бога верует, помогите!" Запачканный бараньей кровью, с ножом в руках, бросился я туда, откуда слышались крики, и увидел на дороге зарезанного человека — и больше никого. Я растерялся, не зная что делать, а между тем из соседних пасек прибежали еще три человека, схватили меня и стали вязать. Спрашиваю их: "За что?" А они говорят: "Убил человека, да еще спрашивает, за что?" Я уверял их, клялся, божился, что не убивал: они и слушать не хотели. "А нож-то у тебя зачем? А кровь-то откуда?" Я говорил, что резал сейчас барана, и просил их пойти к моей пасеке посмотреть на барана, они пошли, но каково же было мое удивление, когда ни барана, ни следов крови не оказалось! Напрасно я уверял, что барана, должно быть, унес зверь, а кровь слизали собаки: никто мне не поверил.

Меня судили, наказали через палача, заклеямили и сослали в Сибирь, в каторжную работу. Два года томился я там, но не роптал, зная, что это совершился суд Божий за прежний мой грех. Через два года убийцы того человека были обнаружены, и меня, как невинного, возвратили на родину. Но и там меня ждало горе. Жена моя умерла, хозяйство, как выморочное, продано в мирскую пользу, куда ни покажусь — нигде меня не принимают, матери пугают мной маленьких ребяток, все зовут меня каторжником. Больно мне стало, очень больно, я впал в отчаяние и — страшно сказать — хотел наложить на себя руки.

Однажды я взял уже веревку и пошел в лес, но Господь смиловался надо мной и послал мне избавителя. Меня нагнал наш сельский батюшка, священник. Поравнявшись со мной, он сказал мне: "Здорово, Семен! Куда Бог несет тебя?" Не знаю и сам почему, я растерялся от этих слов его и стоял, как школьник, которого поймали в шалости. "Куда придется", — говорю ему сквозь зубы. Батюшка знал мои скорбные обстоятельства и, увидев у меня в

руках веревку, тотчас разгадал мою думу. "Ах Семен, Семен, — говорит, — кажется, у тебя нехорошие мысли бродят в голове. Раскройка мне всю истину, я твой пастырь и отец: авось, Бог даст, поможем горю". Я нехотя признался ему во всем. "О, избави тебя Бог, — сказал он, — спаси тебя Мать Пресвятая Богородица и все святые угодники Божии от такого страшного намерения! Да что за причина?" — "Горько, батюшка, жить на свете, — говорю, — своего дома нет, а никто не принимает, все от меня бегает, едва не плюют на меня". — "Ты говоришь: горько жить на свете, — сказал батюшка, — а разве во аде-то будет лучше? Ведь там муки будут вечные. Ты видел на картине Страшного Суда Божия Иуду-предателя, видел, где он? Вот там же будут души и всех отчаянных самоубийц: ведь и Иуда был тоже самоубийца. За самоубийцу и молиться нельзя: над ним, по уставу Церкви, ни погребения не поют, ни панихид не правят, а зароют в землю, как животное какое, и — конец. Вот ты говоришь, что тебе негде жить. А вспомни Спасителя нашего Господа Иисуса Христа: ведь и Он, безгрешный, не имел где главу приклонить, терпел поношение, заплевывание, заушение и распят с разбойниками на кресте. Говорят, и ты терпишь невинно: что же делать? Может быть, Бог готовит тебе за эти скорби вечное блаженство".

Эти слова служителя Божия согрели мое сердце, будто огнем, я пал перед ним на колени и сказал: "Нет, батюшка, я поделом страдаю; правда, не убивал я того человека, за которого меня обвинили, но я убил того приказчика, которого — помните? — лошадь привезла на ярмарку". Батюшка поднял меня, взял к себе в дом, угостил меня чем Бог послал и долго-долго беседовал со мной. Он утешал меня, уверял в милости Божией, читал примеры из житий святых, как Бог приемлет кающихся грешников, наконец, уже около полуночи, прочитал со мной вечерние молитвы: я и сказать вам не умею, как сладко молился я тогда. С того времени я и хожу по святым местам, оплакиваю тяжкие грехи мои и ищу себе тихого пристанища в какой-нибудь пустынной обители" ("Странник", 1860).

Так заключил свой рассказ смирившийся грешник. Как не повторить слова царя Давида: «праведен еси, Господи, и правы суды Твои!»

568. Христиане ли мы?

Спрашиваю: христиане ли мы? Не оскорбитесь, братие, таким вопросом. Говорю вообще, имею в виду всех христиан. Апостол Павел говорил же христианам своего времени: «Себе искушайте, аще есте в вере: себе искушайте» (2 Кор. 13; 5). Необходимо испытывать себя, проверять свою жизнь. И учеников испытывают, и служащих проверяют, и купец наблюдает за своими делами, и богач учитывает свой капитал. Как же нам, христианам, не наблюдать за собой, не испытывать себя, не проверять своей жизни? Разве мы не дорожим своим христианством? Разве хотим только называться христианами, а жить как-нибудь, как водится и как хочется? В таком случае

какая нам польза от нашего христианства? Для чего и быть в числе христиан, и называться христианами? Итак, не лишний, очевидно, братие, и не бесполезный вопрос, и я повторяю его: христиане ли мы?

Знаю, мне скажут: "Да как же мы не христиане? Мы крестились во Христа, исповедуя Бога Отца и Сына и Святаго Духа, и всегда носим на себе крест Христов: как же мы не христиане?" Так. Действительно, мы сподобились этой великой благодати Божией. Мы крестились, вступили в Церковь Христову и сделались верными. Но помним ли мы эту, принятую нами благодать? Понимаем ли, ценим ли достоинство звания, в которое вступили? Храним ли те обеты, которые дали при крещении? По большей части— нет и нет... Мы носим на себе крест. Неужели этого и довольно для христианина? А располагаем ли мы жизнь свою по примеру распятого за нас Господа, исполняем ли закон Христов? Говорят: "Мы ходим в церковь святую и молимся Богу: как же мы не христиане?" Так. Ходим в церковь, но часто ли, и всегда ли, когда должно? Ходим в церковь, но так ли, как следует? Надо ходить в церковь с верой, благоговением и страхом Божиим; ведь церковь — дом Божий, тут Сам Бог невидимо присутствует. Надо и стоять в церкви смиренно, благочинно и благоговейно, как перед лицом Божиим. Но так ли и всегда ли так бывает? Мы молимся, но внимательно ли, усердно ли, сокрушенно ли? Как мы ведем себя в церкви, как изображаем на себе крест, как полагаем поклоны? Не по привычке ли только, не по обычаю ли одному? Не забудем, что Спаситель наш Господь не раз изгонял из храма недостойных и за недостойные дела. Не забудем, что и молитва, по словам пророка, бывает иногда не во спасение, а во грех (Пс. 108; 7). Ходим в церковь и молимся, а много ли жертвуем на церковь? Не более ли — на свои удовольствия? Да, в церковь — копейки, а на удовольствия и забавы — десятки и сотни. По-христиански ли это? "Мы, — говорят, — постимся в известные дни и времена, как установила Христианская Церковь как же мы не христиане?" Постимся? Да все ли и всегда ли? О нет и нет! Многие из нынешних христиан не знают никаких постов, у них "сплошная седмица" во весь почти год, нарушение правил церковных не ставится почти ни в какой грех. Да и те, которые соблюдают посты, недалеко ушли по пути христианского воздержания. Есть одну постную пищу — еще не значит поститься, а ведь наше постничество почти всегда и состоит только в том, что не едим скоромного, а постное едим без простоты и умеренности, и вовсе не заботимся воздержаться от прихотей и страстей.

Говорят: "Мы говеем, и некоторые — не один раз в год, как же мы не христиане?" Так. Действительно, многие говеют каждый год, иные даже по несколько раз в год или во все посты. Но сколько таких, которые не говеют вовсе, не говеют по два, по три, по пяти и более лет? Пусть мы говеем, и говеем часто, но как говеем? С искренним ли раскаянием, с полным ли исповеданием грехов? Желаем ли всем сердцем оставить грехи или, по крайней мере, противиться грехам? Остерегаемся ли после говения повторения прежних грехов? Трудно, братие, сказать, что все это именно так.

А ведь истинное, Богоугодное и душеспасительное говение непременно этого требует. Иначе говение наше может быть для нас без пользы. Мало того, может быть — от чего, Боже, сохрани — и в осуждение. Апостол говорит: «ядый бо (Тело Господне) и пияй (Кровь Господню) недостойне, суд себе яст и пиет» (1 Кор. 11; 29).

Говорят еще: "Мы празднуем христианские праздники: как же мы не христиане?" Точно, празднуем, хотя не все и не всегда. Как и сколь усердно празднуем — об этом уже и не говорим. Бываем в церкви на службе час, два, а может быть, и подольше. А затем? Что делается днем, что — вечером? Со службой церковной у нас решительно оканчивается Божий праздник. День и вечер уже принадлежат другому празднику: простой народ пьянствует, предается веселью, часто самому безчинному, а люди богатые и образованные забавляются роскошными обедами, блестящими балами, языческими представлениями. И это христианские праздники? Не скажет ли и нам Бог, смотря на наше празднование: «праздников ваших ненавидит душа Моя» (Ис. 1; 14).

"Мы — христиане". А какова жизнь наша? Каково поведение наше? О чем вся забота у нас? Знаем ли мы свою веру, свои христианские обязанности? Что у нас читают в домах? По большей части не книги, а книжонки, пустые, бесполезные, часто соблазнительные, а то еще одни только газеты. А Священное Писание? О, это чтение скучное, тяжелое, это чтение для духовных, даже, пожалуй, для одних монахов, — так думаем мы. Что поют у нас в домах? Песни мирские, чувственные, греховные... А песни священные, Божественные? Эти певали, может быть, когда-нибудь в старину.

Какие у нас дела? На что обращены все заботы, все труды? На то ли, чтобы служить Богу, прославлять Его благочестивой и добродетельной жизнью? Не на одни ли земные житейские нужды? Еще апостол Павел говорил о христианах своего времени: «вси бо своих си ищут, а не ямсе Христа Иисуса» (Флп. 2; 21). Что же должно сказать о нас? Говорить ли о делах наших, противных закону Божию, посрамляющих нашу веру святую? И в этих срамах у нас недостатка нет.

А если еще проверить наши мысли, намерения, движения сердечные, то видно будет, что мы живем только плотью, руководимся только законом греховной природы нашей, а не законом Божиим. Где же подвиги против греха, где чистота и непорочность? А ведь это все необходимо каждому христианину. Сам Господь требует этого от нас: «Святи, — говорит, — будите, яко Аз свят есмь» (1 Пет. 1; 16), А нам редко и на ум приходит вечность, мало мы думаем и о том, что будет с нами по смерти. Судите сами, братие, какие же мы христиане?

Может быть, скажут мне: "Христианин ведь человек же, не ангел, нельзя же ему быть безгрешным; да и Господь, ведая немощь природы нашей, милостив к нам, грешным. Нельзя христианину быть безгрешным"... Так что же будет значить благодать Христова? Что же будет значить закон Божий, заповедующий нам чистоту и непорочность? Не требуют от нас чистоты

Ангельской, заповедуется чистота, свойственная только человеку, такая, которая при всех наших немощах по благодати Божией возможна, что и оправдали в жизни своей тысячи, миллионы истинных христиан. "Господь милостив". Да, слава милосердию Его! Он уже явил нам столь великую милость, сколь велика бесконечная благодать Его. Но разве Он отступил уже от Своей правды? Разве отменил уже муку вечную? А если не отменил и не отменит, как в истине непреложный, то для кого же она, как не для грешников, и особенно грешников из христиан? Хорошо бы, по милосердию Божию, быть в раю; а что, если, по правде Его, за грехи наши придется быть в муке?

"Не весь же, — скажут, — христианский мир так развращен; не всегда же и не везде бывает так, как мы видим у нас". И сохрани, Господи, если бы все были таковы, и всегда и везде было бы так. Тогда бы последовал и долготерпению Божию конец, тогда бы наступила кончина мира, Страшный Суд и вечное осуждение нечестивым. Но Господь долго терпит. Значит, есть, есть истинные последователи Ему, живут они посреди соблазнов мира, как розы среди тернов, цветут и благоухают христианскими добродетелями. Господь долго терпит. Значит, ожидает еще покаяния и исправления грешников. О, если бы мир оправдал на себе долготерпение Божие! Если бы христиане показали себя достойными великого своего призвания! Если бы дух истинной веры оживотворил сердца верующих и закон Христов соединил все христианские народы в одно святое семейство избранных и искупленных рабов Божиих! Как бы тогда боголепно и величественно было благохваление наше: Боже наш, слава Тебе! Аминь.

(Из книги "Сеятель Благодетия" протоиерея В. Нордова)

569. Праздник входа Господня в Иерусалим в Церковных песнопениях

Величаем Тя, Живодавче Христе, осанна в вышних, и мы Тебе вопием: благословен грядый во имя Господне!

Изыдите, языцы (народы), изыдите и людие, и видите днесь Царя Небеснаго, яко на престоле висоце, на жребяти худе во Иерусалим входяща... Приидите, уготовим Господеви к сретению, ветви добродетелей носяще Ему. Тако бо Его примем в душе нашей, как во граде Иерусалиме покланяющесе и поюще Его. Яко из горы Елеонския, от высоты милостыней, секуще ветвие добродетелей, приидите, людие, уготовим к нам мысленно пришествие Христово, поюще, благословяще Его и превозносяще во вся веки. Принесем, братие, ваиа (ветви) добродетелей Христу Богу, волею грядущему нас ради человечески пострадати, Божества крепостию всем бессмертие даровати.

Прежде шести дней Пасхи глас Твой услышася, Господи, во глубинах адовых: темже и Лазаря четверодневна воздвигл еси; дети же еврейския зываху: осанна Боже наш, слава Тебе. Честное воскресение Твое прообразуя

нам, повелением Твоим, Блаже, из гроба воздвигл еси умершаго, бездыханнаго Лазаря друга, четверодневна, смердяща, темже и на жребя восшед образно (знаменовательно), как на колеснице носим, языки (народы) укротевая, Спасе; сего ради и хваление приносит возлюбленный Израиль из уст ссущих (грудных) и младенец незлобивых, зрящих Тя, Христе, входяща во святыи град, прежде шести дней Пасхи.

Камень ожесточения отвали, Господи, от моего сердца; умерщвленную страстьми воздвигни душу мою, Благий, во умилении принести Тебе ваиа добродетелей, яко Победителю ада, Владыко, сподоби; яко да вечный живот улучу, песнослова Твою державу и благоутробие Твое, едина Человеколюбче.

Се, предвозгласил еси, Иисусе, взыдем ко граду святому, и руками убийц воистинну предамся кресту, убитися плотию.

Пророков проповедания исполняя, в пророкоубийственный град, Христе щедрый, пришел еси убиен быти волею, убиенна мя тлею спасая.

Со страхом пою Твое страшное смотрение, еже осанна взываю Тебе: мене бо грядеши спасти, благословенный Господи.

Имея престол небо и подножие землю, Бога Отца Слово и Сын соприсносушный на жребяти бессловеснем смирился днесь, в Вифанию пришел; темже дети еврейския, ветви руками держаще, хваляху гласом: осанна в вышних, благословен грядый Царь Израилев!

На престоле на небеси, на жребяти на земли носимый, Христе Боже, Ангелов хваление и детей воспевание приял еси, зовущих Ти: благословен еси, грядый Адама воззвати!

На Серафимех страшных в вышних, Христе, носимый, яко Бог же и всех Творец, Сам на жребя на земли всести идеши, яко сый по нам человечески: Вифания веселится, приемши Тя, Спасе, Иерусалим радуется, яко чайя Тя прияти; смерть умертвися, предошутивши Лазаря приити из мертвых; и мы с ваиами (пальмовыми ветвями) сретение совершающе, в радости воспеваем державу благодати Твоея, Господи.

Внегда хотел еси достигнути в Вифанию, Христе, двоицу ученик Твоих посылавши привести Тебе жребя, на неже никтоже от человек вседе: кроме бо Тебе, Спасе, никтоже бессловесныя языки повину (никто не может подчинить себе неверные народы).

Всесвятыи Дух, апостолы научивый глаголати иными странными языки, Той детем еврейским неискусозлобным (невинным) повелевает звати: осанна в вышних, благословен грядый Царь Израилев!

Хотящу Ти внити во святыи град, Господи, ветви садов людие ношаху, Тебе поюще всех Владыку, и зряще Тя на жребяти сидяща, как на Херувимех зряху, сего ради сице вопияху: осанна в вышних, благословен еси пришедый и паки грядый во имя Господне!

От незлобивых младенец, Христе, на жребяти сидя, приял еси победную песнь, грядый ко страсти, трисвятым пением от Ангел воспеваемый.

Множество народа, Господи, постилаху по пути ризы своя; друзии же резаху ветви от деревьев и ношаху; предъидущии же и последующии зовяху глаголюще: осанна Сыну Давидову, благословен еси пришедый и паки грядый во имя Господне!

Собезначальный и соприисносущный Сын и Слово Отчее, на жребяти бессловеснем седя, прииде днесь во град Иерусалим; Его же Херувими со страхом зрети не могут, дети восхвалиша, с ваием и ветвьми, хвалу таинственно воспевающе: осанна в вышних, осанна Сыну Давидову, пришедшему спасти от прелести весь род наш!

Прииде Спас днесь во град Иерусалим исполнити Писания, и вси прияша в руки ваиа, ризы же подстилаху Ему, ведуще, яко Той есть Бог наш, Ему же Херувими вопиют непрестанно: осанна в вышних, благословен еси, Имеяй множество щедрот, помилуй нас!

Днесь благодать Святаго Духа нас собра, и вси взявше крест Твой, глаголем: благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних!

Слава Тебе, Христе, в вышних сидящему на престоле и ныне чаемому с честным Твоим крестом!.. Темже веселится дщи Сионова (Иерусалим), радуются языцы (народы) земнии, ветви держат дети, ризы же ученицы, и вся вселенная научися вопити Тебе: благословен еси, Спасе, помилуй нас!

Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже: темже и мы, яко отроцы, победы знамения носяще, Тебе, Победителю смерти, вопием: осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне.

Спогребшися Тебе крещением, Христе Боже наш, бессмертныя жизни сподобихомся воскресением Твоим, и воспевающе зовем: осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне!

Понеже ада связал еси, Бессмертне, и смерть умертвил еси, и мир воскресил еси, с ваиами младенцы воспеваху Тя, Христе, яко Победителя, зовуще Ти днесь: осанна Сыну Давидову! Не ктому бо заклани будут младенцы за Младенца Мариина, но за вся младенцы и старцы Един распинаешися. Не ктому на нас вместится меч, Твоя бо ребра прободутся копием. Темже радующесея глаголем: благословен еси грядый Адама воззвати!

Бог Господь и явися нам, составите праздник, и веселящесея приидите, возвеличим Христа, с ваиами и ветвьми, песньми зовуще: благословен грядый во имя Господа, Спаса нашего!

Пядию измеривый небо, дланию же землю, Господь прииде: Сион бо избра, во немже жити и царствовати изволи, и возлюбил люди, верно вопиющия: слава силе Твоей, Господи!

Радуйся и веселися, граде Сионе; красуйся и радуйся, Церкви Божия, се бо Царь твой прииде в правде, на жребяти седя, от детей воспеваемый: осанна в вышних, благословен еси, Имеяй множество щедрот, помилуй нас!

Веселися, Иерусалиме, торжествуйте вси любящии Сиона, царствуй бо во веки Господь Сил прииде; да благоговеет вся земля от лица Его и да вопиет: благословите вся дела Господня, Господа.

Сионе Божий, горо святая, и Иерусалиме, окрест очи твои возведи, и виждь собранная чада твоя в тебе: се бо приидоша издалеча поклонитися Царю твоему. Мир на Израиля и спасение языком (для всех народов).

Восхвалите согласно, людие и языцы: Царь бо Ангельский взыде ныне на жребя, и грядет, хотяй на кресте поразити враги, яко силен; сего ради и дети с ваиами взывают песнь: слава Тебе, пришедшему Победителю; слава Тебе, Спасу Христу; слава Тебе, благословенному единому Богу нашему!

Воспойте, людие, боголепно в Сионе, и молитву воздадите Христу во Иерусалиме: Сам бо грядет во славе со областью (со властью), в Немже утвердися Церковь, зовущи: осанна, благословен еси грядый!

С ветвьми воспевше прежде, с древесы последи яша Христа Бога неблагодарнии Иудее; мы же верою непреложною присно почитающе яко Благодетеля, выну вопием Ему: благословен еси, грядый Адама воззвати!

Страшно еже впасти в руке Бога жива: Сей Судия есть помышлений и мыслей сердечных. Никтоже да внидет искушаяй веру непорочную, но в кротости и в страсе Христу приступим, да примем милость, и благодать обрящем, во благовременную помощь".

570. Слово о тайной вечере Христовой

Смотрю я на премудрые творения Создателя, — как они дивны и изумительны! И все это премное и чудное сотворил Господь глаголом уст Своих. Он распростер это превысочайшее небо и украсил его бесчисленными звездами, поставил на нем два великих светила, владычествующих днем и ночью. Он устроил землю, неодолимо тяготеющую, великое множество вод собрал в обширные вместилища и положил им пределом песок. И все эти неизмеримые громады, все эти ничем не поддержанные тяжести стоят твердо и неизменно. Из каких мест выходят ветры и куда скрываются? А сколько живых творений и на земле, и в морях, и в воздухе! И все их неисчислимое множество живет и питается!

Но я спрошу вас, возлюбленные, чему больше должно удивляться: премудрым ли делам Создателя или Его безмерному смирению? От велелепной славы, с пресветлого неба Он сошел на землю. Владыка всяческих, подобно рабу, «воста от вечери и положи ризы, и приемь лентион, препоясая; потом вляя воду во умывалницу и начат умывати ноги учеником и отирати лентием, имже бе препоясан» (Ин. 13; 4-5). О, кто ныне из верных не удивится умом, не умилился душой и не ужаснется сердцем, видя безмерное человеколюбие и благодать Иисуса Христа, великого Бога нашего! Прежде совершал Он премногие чудеса и благодеяния злодеям и убийцам Своим; теперь смотрите, что творит Он ученикам Своим! Преклонив Свои

пречистые колени, Он, перед Которым склоняются небо, земля и преисподняя, Он, Которому Херувимы предстоят с ужасом, Серафимы, закрывая лица свои, и все Силы бесплотные раболепно повинуются, — наклоняется пред прахом подножия ног Своих, исполняет самое последнее, нижайшее служение: омывает ноги учеников! О, Владыка вселенной! Чудно это дело Твое больше всех дел Твоих! Вонми, небо, и внуши земле: созовите ныне обитателей ваших и смотрите на Творца своего, Который словом привел вас из небытия в бытие! Ныне Господь умывает ноги рабов Своих и Создатель преклоняет колени перед созданием.

«Начат умывати ноги учеником... Прииде же к Симону Петру...» Но Петр стал сопротивляться, он ужаснулся душой, умилился сердцем и потому со слезами и рыданием сказал: «Господи! Ты ли мои умывши нозе?» Как Ты прикоснешься к ним Своими пречистыми руками, которыми отверзал очи слепых, исцелял прокаженных, воскрешал мертвых?

Но Господь остановил Петра: что ты делаешь, Петр? Зачем прекословишь Создателю твоему? «Еже Аз творю, ты не веси ныне, уразумевши же по сих» (Ин. 13; 6-7), когда Я восприиму смерть, воскресну из гроба, вознесусь на небо и сяду одесную Отца Моего, где был Я и прежде. Пред лицом Моим трепещут небо и земля, а ты, Петр, стоишь предо Мною без страха, с дерзновением прекословишь Мне, когда Небесные невидимые Силы со страхом и трепетом предстоят Мне и благоговейно исполняют Мои повеления? Ты осмеливаешься сказать: «Не умывши ногу моею во веки» Неужели ты еще и теперь не вразумился? Разве забыл ты слова, некогда сказанные тебе: «иди за Мною, сатано?» (Мф. 16; 23). Но знаешь ли, что если не умою ног твоих, то «не имаши части со Мною» — ты больше не ученик Мой?

Что сказал на это "теплый и горящий"? Воспрянул со словом, скорый как молния: «Господи, не нозе мои токмо, но и руце и главу!» (Ин. 13; 9). Видно, страшно показалось ему быть отлученным от пресладкого Учителя, ибо знал, что Он есть Сын Божий, Свет миру, Жизнь и Воскресение всех. Не позволял он Учителю своему умыть ноги себе по причине горячей веры своей, но скорый на сопротивление, скор был и на послушание, ибо то и другое было в нем от великой любви.

Когда возлежал Господь на последней вечере с учениками Своими, Он, «приемь... хлеб и благословив преломи, и даяше учеником, и рече: приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И приемь чашу и хвалу воздав, даде им, глаголя: пиите от нея еси, сия бо есть Кровь Моя, Новаго Завета, яже за многия изливаема во оставление грехов» (Мф. 26; 26-28).

О сладчайший Иисусе, Царю всесвятый! Ты даровал ныне нам спасительную вечерю в воспоминание пречистых Твоих страданий, — вечерю, которой многие цари и пророки желали бы сделаться участниками, вечерю бесценную, дивной премудростью и светом Трисиятельного Божества сияющую. Поистине это великая и таинственная вечеря: на ней закалается Агнец Божий за всех верных и приносится в жертву

Богу Отцу Своему. О святая и преблагословенная вечеря, на которой предлагается небесная и бессмертная манна! И блажен тот, кто вкусит ее сладости: он жив будет вовеки! Даровал нам Господь вкусить сладости манны небесной, этого хлеба, для Ангелов возделенного, хлеба небесного, хлеба живота вечного. Иудеи часто хвалились манной, которой отцы их питались в пустыне. Но Господь сказал им: «отцы ваши ядоша манну в пустыни, и умроша», но кто будет с верой вкушать хлеб, который Я дам ему, тот «не умрет, но жив будет во веки» (Ин. 6; 49-51).

Есть и ныне между нами много таких неверующих: это новые фарисеи — лицемеры. В гордости своей они обезумели, дерзают возражать Господу, а верных учеников Его поносят, и вслед за иудеями зловерными говорят: "Как может быть в хлебе Тело Сына Божия, а в вине — Кровь Его?" Ты же, православный воин Христов и Сын Церкви Сионской, так должен спросить у злочестивого хулителя Святых Таин: "Может ли Бог совершить что-нибудь выше сил и разума человеческого?" А когда он ответит: "Конечно может", то ты скажи ему: "Почему же Он не может дать Плоть Сына Божия в снедь? Что для тебя неудобно, то для Бога весьма удобно и возможно. Если мне не веришь, спроси у Ангела, и он тебе скажет: «не изнеможет у Бога всяк глагол» (Лк. 1; 37). «Той рече и быша — произошло все видимое и невидимое. Словом Господним небеса утвердишася» (Пс. 32; 6). Тем же словом Божиим претворяются хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы для причащения верных.

Христос, Сын Божий, как все исполняющий, и по земле ходил, и на кресте страдал, и во гробе возлежал, но в то же время и в преисподнюю сходил, ад разрушал, пленников его освобождал. Но со Отцем никогда не разлучался, а всегда был во славе Его. То же самое Тело Сына Божия приносится на престол и раздается верным; хотя и делится, но остается целым; хотя с нашим телом совокупляется, но от Христа не отделяется и само не умаляется; с немощными пребывает, а само не болезнует; приемлющих укрепляет, а само не изнемогает.

Если тебя удивляет, как это Христос и на небе, и на жертвеннике один и тот же, то дивись и тому: как это солнце в одно время и нас здесь освещает и согревает, и на небе светит, одно и то же оно и на небе и на земле, и на востоке и на западе, и во всех странах мира? Если таковы свойства и действия твари, то тем более Творец везде действует властью Божества Своего. И потому Христос в одно и то же время присутствует и на небе, и на земле в Пречистых Таинах, как Всемогущий и Всесильный.

Еще: если ты дивишься тому, как во многих частицах пребывает единый и целый Христос и всем верным равно подается, то удивляйся и тому, как это мой голос и у меня в устах, и в ваших ушах один и тот же. Если таково свойство твари, то что сказать о Творце? Когда разобьется зеркало на многие осколки, почему образ человека в зеркале не раздробляется, но во всех осколках отражается весь, как и в целом зеркале? Как от одной свечи ты можешь зажечь тысячи свечей и свет первой свечи от этого не убавится?

Разумей все это, маловерный, и не испытывай непостижимого Таинства, но только принимай его с верой и воздавай благодарение Страшному и Всемогущему за неисповедимые Дары Его".

Мы же, христоролюбцы, будем веровать несомненно и удивляться премудрым судьбам Божиим — тому, как со делал Господь спасение наше. Сам Господь наш Иисус Христос, истинный Бог, узаконил эту Безкровную Жертву, самое преславное чудо из чудес Его, а верным Ему — отраднейшее утешение. Зная это, возлюбленные, не возгордимся таким великим даром Божиим. Не умедлим приступить к нему, но и не дерзнем принимать его недостойно. Молю вас, возлюбленные, пусть каждый из вас сначала испытает свою совесть, а потом приступает. Говорю это не для того, чтобы вы совсем не приступали, но для того, чтобы приступали со страхом и верой. Причащаться без рассуждения о величии Дара — беда, а не причащаться этой трапезы — голод и смерть. А я, недостойный, желаю вам и исправления жизни, и причащения Святых Таин, и после этой временной жизни вечного соединения со Христом. Аминь.

(Из древней рукописи "Статир" по изданию протоиерея И. Яхонтова)

571. Что претерпел за нас Господь наш?

«Вси проходящи путем, обратитесь и видите: аще есть болезнь, яко болезнь Моя?» (Плач. 1; 12).

Христос Спаситель наш собирает нас под крест Свой, чтобы мы могли видеть, какие болезни претерпел Он ради нас, грешных: «обратитесь, — говорит Он устами святого пророка Иеремии, — и видите: аще есть болезнь, яко болезнь Моя?» Но кто измерит, кто постигнет всю тяготу крестных страданий нашего Господа? Остановим наше благоговейное внимание хотя бы на некоторых событиях из истории Его спасительных страданий.

Начало болезней Христовых было еще в Гефсиманском саду: еще там Он начал скорбеть и тосковать, начал ужасаться и говорить: «прискорбна есть душа Моя до смерти» (Мк. 12; 33-34). Там молился Он с воплем крепким Отцу Своему, там видны были капли пота Его, «яко капли крове каплющая на землю» (Лк. 22; 44). Там вооруженные оружием и дрекольем слуги фарисейские, как волки лютые, бросились на Него, Агнца Божия, связали Его и повлекли на заклание вольное. Из сада Гефсиманского привели Его к первосвященнику Анне, и здесь Он, Архиерей вечный, прошедший небеса, предстал перед злочестивым архиереем, связанный по рукам и ногам как злодей, здесь заушен был в ланиту от последнего слуги, и исполнилось тогда на Нем пророческое слово: «покры срамота лице Мое» (Пс. 68; 8). Анна послал Его к Каиафе, где уже собрались все книжники и фарисеи, «вкупе на Господа и на Христа Его» (Пс. 2; 2), где эти алчные львы с нетерпением ждали своей давно желанной добычи, и —какой язык изречет, какие уста в состоянии поведать, сколько претерпел страданий в этом

мучилище Иисус Христос? Воистину там мог Он сказать о Себе пророческое слово: «ищущий злая Мне глаголаху суетная и лъстивным весь день поучахся. Аз оже яко глух не слышах и яко нем не отверзаяй уст Своих...» (Пс. 37; 13-14). Когда все лжесвидетельства против Него оказались бессильными, тогда встал со своего места сам незаконный судья, сам заклинал Его, сам судил, и свидетельствовал, и Невинного признал повинным смерти. И лишь только вышло из его богомерзких уст это лукавое слово: «повинен есть смерти», как нечестивые воины схватили пресладкого нашего Господа Иисуса, отвели Его во двор и там всю ночь издевались над Ним: били по пречистому лицу Его руками, оскорбляли Божественный слух Его ругательствами, плевали в Его Божественные очи... И сбылись на Нем слова пророческие: «плещы Мои вдах на раны и ланите Мои на заушения, лица же Моего не отвратих от студа заплеваний» (Ис. 50; 6).

Поистине достойно удивления: как Силы Ангельские, взирая на все это, не поразили незаконных Иудеев? Как земля не поглотила их, подобно тому, как поглотила она Дафана и Авирона? Или огонь не сошел с неба и не истребил их подобно тем воинам, которые пришли взять пророка Илию? Но не было на это изволения Божия, потому что в предвечном совете Божиим было predeterminedено пострадать за мир Сыну Божию.

Но и это все было только преддверием более тяжких страданий Христовых. Лишь только солнце показало лучи свои, как старцы и книжники Иудейские повели Господа к Пилату, чтобы тот осудил Его на распятие. Пилат увидел злобу Иудеев, не раз пытался отпустить Христа, не раз заявлял им: «аз не обретаю в Нем вины», но в ответ слышал только неистовые крики: «распни, распни Его!» Тогда Пилат подвергает Его бичеванию. И вот с Него совлекают одежды, и Он, краснейший паче сынов человеческих, стоит весь обнаженный среди этих незаконников, и сбывается на Нем слово пророческое: «Аз на раны готов» (Пс. 37; 18). Его привязывают к столбу, бьют бичами до тех пор, пока, по пророчеству Исаии, «от главы и до ногу (не остается) в Нем целости» (Ис.1; 6). Его венчают тернием, ударяют тростью по голове, преклоняют пред Ним колени и насмеваются...

Наконец Пилат передает Его Иудеям на распятие. О, как возрадовался тогда злоба Иудейская! Вот когда было бы прилично повторить слово пророка Иеремии: «Отерзоша на Тя уста своя еси врази Твои, позвиздаша (свищут) и поскрежеташа зубы своими, и реша: поглотим Ю: обаче сей день, егоже чаяхом»—только этого дня мы и ждали, и дождались наконец (Плач. 2; 16). С какой поспешностью готовят они крест, гвозди, молотки, лестницы, веревки, губу, оцет, желчь... С каким злорадством возлагают они крестное древо на Христа, уже кровью истощенного и от бесчисленных ударов изнемогшего, от холода трясущегося, и гонят они Его, и сами поспешно идут на Голгофу; и идет Он, новый Исаак, неся Сам на Себе древо Свое, и падает в изнеможении под этой ношей — Тот, Кто небо и землю держит дланью, и нуждается в помощи Симона Кириянина Тот, Кто легко исполняет всякое прошение наше.

Но вот и Голгофа. Воины водрузили крест, подняли на него Господа, пронзили руки и ноги Его острыми гвоздями. Кто постигнет эту муку нестерпимую? Но и тут еще не конец Его страданиям: Ему подают на трости оцет, с желчью смешанный, над Ним ругаются и, кивая главами своими, кричат Ему: «э, разорили церковь и тремя денми созидай, спасися Сам!..» (Мк. 15; 29).

Какие страдания человеческие могут сравниться с этими страданиями Христовыми? Соберем ли все страдания всех святых мучеников? Но и их страдания в сравнении с болезнями Иисусовыми — то же, что прах мелкий против всей тяжести земной. Ведь они страдали Его же благодатью подкрепляемые, а Он Сам говорил о Себе: «ждах соскорбящаго... и не обретох» (Пс. 68; 21), Он к Самому Отцу Своему вопиет: «Боже Мой, Боже Мой, векую Мя еси оставил?» (Мф. 27; 46). Кроме того, ведь Он предвидел тогда, кто и какие муки за Него будет терпеть, и Он все эти муки тогда на Себе чувствовал, за всех страдал, чтобы для всех исходатайствовать у Отца Своего благодать терпения в этих муках.

И от кого же Он предан был на эти страдания? От одного из двенадцати учеников Своих, которого Сам избрал на апостольство, которому наравне с другими апостолами дал власть "целити всяк недуг и всяку болезнь", которому наравне с другими вчера ноги умыл... Поистине Он мог с Давидом сказать Своему предателю: «аще бы враг поносил Ми, перетерпел бых убо... ты же... знаемый Мой, иже купно наслаждался еси с Мною», не только брашен гибнущих, но и бессмертной Моей трапезы причастником был (Пс. 54; 14-15).

А кто те, которые так бесчеловечно мучили Его? Это — народ избранный, это дети тех, которых Он же питал манной в пустыне, которым дал землю, текущую медом и млеком, о которых Сам Он говорил: «несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилева» (Мф. 15; 24). Какая мука, какая болезнь может быть больше такой неблагодарности? Воистину Он мог сказать Своим распинателям: людие Мои, что сотворил Я вам? Слепцов ваших Я просветил, прокаженных очистил, мертвых воскресил, отцам вашим в пустыне хлеб ангельский посылал, воду из камня источал... А вы, за все эти благодеяния, воздаете крестом и смертью. «Слыши, небо, и внуши, земле: сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене» (Ис. 1,2), «и воздаша Ми лукавая за благая» (Пс. 34; 12). «Видите, аще есть болезнь, яко болезнь Моя?»

А когда мы, братие, помыслим еще, за кого так пострадал и умер Господь наш, то еще лучше пойдем, что нет, не было и не может никогда быть болезни больше болезни Христовой. Слышите ли, что говорит нам возлюбленный ученик Его, вместе с пречистой Матерью Его, стоявший под крестом? «Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть» (Ин. 3; 16). За мир грешный страдал Господь наш, за врагов Своих пролил Он бесценную кровь Свою, а страдать за врага, умирать за врага — дело от века неслыханное. Плакать нам, окаянными, надобно, плакать

неутешно, что грехами своими стали виновны в смерти Христовой, но вместе и радоваться надобно: Господь пролил Свою пречистую Кровь, чтобы нас омыть ею от грехов, Он умер, чтобы нам даровать вечную жизнь.

Убоимся же, возлюбленные, как бы нам не оказаться неблагодарными за такие великие благодеяния Господа нашего: ведь тот, кто остается нераскаянным грешником, тот еще раз распинает Сына Божия и уже навеки лишается Его милости. Возблагодарим же Господа, нашего Спасителя, возопием Ему в умилении сердца: Господи, Спасителю наш! Мы простерли руки к плоду запрещенному, а Ты за нас простер руки Свои на кресте; мы вкусили заповеданный плод, а Ты запил его оцетом и желчью. Благодарим Тебя, Господи, и молим: сподоби нас отныне жить для Тебя, умершего за нас, чтобы каждый из нас мог сказать о себе неложно: «живу не к тому аз, но живет во мне Христос» (Гал. 2; 20). Аминь.

(Из "Поучительных Слов" Гедеона, епископа Псковского)

572. Плач над гробом Христовым

В час пополуночи, в Великую Субботу, Святая Церковь собирает чад своих во храм Божий, чтобы здесь, над Святой Плащаницей, воспеть погребальные песнопения Господу нашему Иисусу Христу.

Вот прочитано шестопсалмие: вот после великой ектении запели трогательные тропари: «Благообразный Иосиф... Егда снизшел еси к смерти, Животе Бессмертный... Мироносицам женам...». Священнослужители в черных облачениях вышли на середину храма и встали вокруг изображения Господа, лежащего во гробе. Окончены тропари, при каждении всей церкви начинается погребальное пение — кафисма седмаянадесять с похвалами во славу Христа Спасителя. Как умилительны эти надгробные песнопения Господу Жизнодавцу! Как прекрасно изображается в них и безмерное смирение Господа, смирившегося даже до смерти крестной, и безумная жестокость врагов Христовых, и благоговейный трепет всех созданий — от небесных чинов ангельских до самой бездушной твари — при виде Творца мира во гробе, и плач Богоневестной Девы-Матери над бездыханным телом Ее Сына и Бога, и глубокая скорбь Иосифа с Никодимом, и, наконец, сердечные вопли души грешной, рыдающей у гроба своего Спасителя, и в чувстве сокрушенного покаяния изливающей свою благодарную любовь ко Спасителю! Сто семьдесят шесть стихов заключает в себе семнадцатая кафисма; сто семьдесят шесть кратких молитвенных воззваний присоединяются к этим стихам. Они читаются попеременно: один священнослужитель или чтец возглашает стих псалма, другой ему отвечает похвалой или молитвенным воззванием. Приводим здесь некоторые из этих похвал; пусть благочестивый читатель хоть несколько стихов повторит у себя дома, наедине; мы уверены, что его сердце отзовется на эти боговдохновенные песни молитвенным вздохом ко Господу Спасителю и он

пожелает достать книгу "Служба Страстной седмицы" или "Постная Триодь", чтобы еще и еще раз прочитать целиком эту дивную надгробную песнь Господу Иисусу Христу, нас ради пострадавшему, и восчувствовать всю сладость сердечного умиления, которым она преисполнена. "Величаем Тя, Иисусе Царю, и чтем погребение и страдания Твоя, имиже спасл еси нас от истления. Поклоняюся страсти, воспеваю погребение, величаю державу Твою, Человеколюбче, имиже свободихся страстей тлетворных. Гряди, вся тварь, песни исходные принесем Зиждителю!"

Кто изречет образ страшный, воистину новый (дело небывалое)? Владычествуя бо тварию днесь страсть приемлет и умирает нас ради. Обрученный (Христу, но) строптивейший роде еврейский, почто осудил еси Христа? В одежду поругания Украсителя всех облакаеши, Иже небо утверди и землю украси чудно. О пребезумия и христубийства пророкоубийц... Ударение рук даша Христовой ланите, рукою человека Создавшего и челюсти зверя (диавола) Сокрушившего. Судия яко судим предста пред Пилатом судиею, и смертью неправеднаго осужден бысть — древом крестным. Троицы един во плоти нас ради поносную (позорную) смерть претерпе: ужасается же солнце и трепещет земля.

Изменяшесь вся тварь страстию Твоею: вся бо Тебе, Слове, сострадаху, ведуще Тя, Содержителя всех. Сотрясесь страхом, Слове, вся земля, и денница лучи скры сокровенному, в земли величайшему Твоему свету. Раздирается церковная завеса Твоим распятием, Слове, покрывают светила свет, скрывшуся Тебе, Солнцу, под землю. Красный добротой паче всех человек, естество красивый всех, яко беззрачен мертв является. Велие и ужасное видение ныне зрится: живота Сый виновный смерть подыят, хотя оживити всех. Владыка всех зрится мертв, и во гробе новем полагается истощивый гробы мертвых. Животе, како умираеши? Како и во гробе обитаеши, смерти же царство разрушаеши и от ада мертвыя возставляеши? Яко Человек убо умираеши волею, Спасе; яко Бог же смертныя возставил еси от гробов и глубины греховныя.

Меры земли положивый, в малем гробе обитаеши днесь, Иисусе Всецарю, от гробов мертвыя возставляяй.

И во гроб зашел еси, Христе, и недр Отческих никакоже отлучился еси: сие странное и преславное купно! Недр Отческих неисходен (неразлучен) пребыв, Щедре, и человек быти благоволил еси, и во ад снисшел еси, Христе. Тебе положену во гробе, Создателю Христе, адская подвигошася основания и гроби отверзошася человеков.

Умных (бесплотных) воинств стекается множество со Иосифом и Никодимом, погребсти Тя, Невместимаго, во гробе мале. Умных чини зряще Тя, Спасе, простерта мертва нас ради ужасахуся, покрываемы крылы. Ангельская радость быв, Спасе, ныне печали сим был еси виновен, видим плотию бездыханен, мертв. Горе (на небе) Тя, Спасе, неразлучна со Отцем суща, доле же мертва простерта на земли зряще, ужасаются Серафими. Живота Сокровище како зрится мертвый? — ужасающеся Ангели взываху:

како же во гробе заключается Бог? Како умная чиновачалия поют Тя, Спасе, нага, окровавлена, осуждена, терпяще дерзость распинателей?

Ты, Слове, яко сый живота Датель, на крест прострыйся, не умертвил еси Иудеев, но воскресил еси и сих мертвья. Вознеслся еси на древе, и живущия человеки совозносиши; под землею же быв, лежащия под нею воскрешаеши.

Иисусе Христе мой, Царю всех, что ища, к сущим во аде пришел еси? Или (хощеши) род отрешити (освободить) человеческий? На землю сшел еси, да спасеши Адама, и на земли не обрет сего, Владыко, даже до ада снисшел еси ищай.

Убояся Адам, Богу ходящу в раи; радуется же, ко аду сошедшу, падый прежде и ныне воздвигаем. Послушав Отца Твоего, Слове, даже до ада лютаго сошел еси и воскресил еси род человеческий. Зашел еси под землю, Светоносец правды, и мертвья как от сна воздвигл еси, отгнав всяку тьму, сущую во аде. Аще и во гробе погребаешися, аще и во ад идеши, но и гробы истошил еси, и ад обнажил еси, Христе. О радости оныя, о многия сладости, ихже во аде наполнил еси, во днах мрачных свет возсияв!

Как светильник, ныне плоть Божия под землю яко под спуд крыется, и отгоняет сущую во аде тьму.

Ад како стерпит, Спасе, пришествие Твое, а не паче болезнует омрачаем, зарею блистания света Твоего ослеплен? Адова убо царствия сокрушаеши погребен, Христе, смертию же смерть умерщвляеши, и тления свобождаеши земнородныя. Живодавче Спасе, слава державе Твоей, ад разорившей!

Снем с древа иже от Аримафеа, плащаницею обвив, во гробе Тя погребают. Во гробе новем благоговейно Тя сокрывая, Иосиф песни исходныя боголепныя поет Тебе, Спасе, смещенныя рыданьми. "Око сладкое и устне Твои и како заключу, Слове? Како же Тя мертволепно (подобно мертвым) погребу? Ужасаюся", — вопияше Иосиф. "Виде Тя Бога сотник, аще и умертвился еси. Како Тя убо, Боже мой, осяжу руками? Ужасаюся", — вопияше Иосиф.

Песни надгробныя Иосиф и Никодим поют Христу умершему ныне: поют же с ними и Серафими — миром Тя, Христе, ныне новолепно помазующе, Никодим и Благообразный вопияху: "Ужаснися вся земля!"

Мироносицы приидоша, мира Тебе, Христе мой, носящия премудро. Миро неистошимое воистину еси Ты, Христе Слове, темже (посему) Ти и мира приношаху, яко мертву живому, жены-мироносицы. Приидите, плач священный воспоим Христу умершему, яко древле жены-мироносицы, да и "радуйтесь" услышим с ними.

Величаем Тя, Живодавче Христе, нас ради вчера претерпевшаго, погребеннаго и оживляющаго преславно мертвья. Достойно есть величати Тя, Живодавче Христе, врата адова стершаго и насилие диавола разорившаго. Роди вси песнь погребению Твоему приносят, Щедре. Песньми Твое, Христе, ныне распятие и погребение вси вернии празднуем, избавльшеся смерти

погребением Твоим. Воспеваем, Слове, Тебе, всех Бога, со Отцем и Святым Твоим Духом, и славим божественное Твое погребение!

Под землю скрылся еси яко солнце ныне, и нощию смертною покровен был еси, но возсияй светлейше, Спасе! Солнце свет возсиявает по нощи, Слове, и Ты же воскрес, просияваеши по смерти ясно, яко от чертога. В гробе нове положился еси, Христе, и естество человеческое обновил еси, воскрес боголепно из мертвых. Волею явился еси, Слове, во гробе мертв, но живеши и человеки, как предрекл еси, воскресением Твоим, Спасе мой, воздвизаеши. Уснул еси мало и оживил еси умерших, и воскрес — воскресил еси спящих от века, Блаже. Мир Церкви, людем Твоим спасение даруй востанием Твоим. Любовь же и страхом страсти Твоя почитающим даждь прегрешений разрешение.

573. Светлая радость Воскресения Христова

"Христос воскресе..."

Что это за чудесные слова! Как от них изменяется все вокруг нас и в нас самих! Два эти слова обнимают две жизни, сливают два мира, соединяют небо с землей, тварь с Творцом, человека с Богом. "Христос воскресе!" — поют Ангелы с неба; "воистину воскресе!" — отвечают верные на земле, и без умолку повторяются эти слова ныне, полные жизни и вечной радости и неразрывно связанные друг с другом. В церкви достаточно священнослужителю начать слово: "Христос воскресе", как навстречу ему, в тысяче звуков, со всех сторон несется: "Воистину воскресе!" В этих словах и победная весть, и призыв к радости, и приветствие любви, и пожелание мира. Чувствуешь, что слова эти были когда-то изливанием таких сердец, которые от безутешной скорби вдруг перешли к нескончаемой радости. Слушая их, как бы своими глазами видишь блаженных учеников Христовых, как они после долгих дней тяжкого мучения и ужаса в сладостном волнении встречаются друг с другом, смотрят друга на друга умиленным и глубоко проникающим взором и радостно и трепетно, прерывающимся голосом говорят друг другу: «Христос воскресе! — Воистину воскресе!» И минута неизреченного, святого восторга венчается лобзанием братской любви. С тех пор эта благодатная весть через столько веков пронеслась в этих самых звуках, из уст в уста, от слуха в слух, из рода в род! Сколько душ и сердец радовала! Сколько верующих окрыляла сладостнейшей надеждой воскресения и вечной жизни! Сколько неизреченных утешений пролила она на все человечество! Наконец она и до нас донесла ту же самую чистейшую и совершеннейшую радость, печать которой теперь у всех на лице, луч которой у всех во взоре. Мы, позднейшие ученики Христовы, так же радостно говорим друг другу: "Христос воскресе! — Воистину воскресе!" Мы слышали в Святой Церкви, как Ангелы и воины, мирноносицы и апостолы, гроб и землетрясение, камень и пелены — все говорило нам: "Христос

воскресе!" И мы всему отвечали и словом и мыслию: "Воистину воскрес!" Сердце мое и плоть моя возрадовастся «о Боже живее» (Пс. 83; 3).

У нас не было трепета и ужаса, которые испытывали апостолы, не было плача и рыданий, которые лились у мироносиц; мы полны мира и восторга, и не знаем, и не чувствуем, и сказать не умеем ничего, кроме одного: "Христос воскрес! — Воистину воскрес!" Мы не боимся разглашать предивную и прерадостную весть воскресения, благовествуем ее всем и везде: и в церкви и дома, и на пути и при встрече, и утром и вечером, и за трудом и за пищей, мы тысячекратно повторяем ее, и чем больше ее слышим, тем больше даем ей живой, вседушевной веры: "Христос воскрес! — Воистину воскрес!"

Воскресение Христово уверило нас в прощении нашем, которое от гроба воссияло, утвердило в надежде нашего воскресения и вечной жизни: все это даровал нам воскресший Спаситель. «Приидите, возрадуемся Господеви, воскликнем Богу Спасителю нашему!» (Пс. 94; 1). Приидите, приблизимся к Нему очами духа и веры, послушаем ушима нашими хоть несколько слов из того, что говорит Он в этот день.

Вот Он является Марии Магдалине у гроба Своего и говорит ей: «жена! что ты плачешь? иди к братьям Моим...» (Ин. 20; 15). Вот Он встречает жен-мироносиц и говорит им: «радуйтесь!.. Не бойтесь!.. Идите, возвестите братии Моей...» (Мф. 28; 10).

Вот Он является ученикам Своим в заключенной храмине и говорит: «мир вам!.. Что смущени есте!..» (Лк. 24; 36, 38). «Мир вам! Примите Дух Свят!..» (Ин. 20; 19, 22). О братие! Какое блаженство несут слова Его душе нашей! Что плачешь?.. Не бойтесь!.. Мир вам!.. Сколько любви, милости, отрады, утешения заключается в этих словах! Мы уже привыкли к ним, слыша с детства эту дружескую речь. Евангелие так сблизило нас с Господом, Богочеловеком, что нас уже не удивляет кроткая речь Его. Но когда подумаешь, что эти тихие и полные любви слова говорит Победитель ада и смерти, приивший всякую власть на небеси и на земли, то невольно замираешь в благоговейном трепете. О, если бы Он так же стал говорить с нами, когда мы будем с Ним, то есть перед Ним, на Страшном Суде Его! Ибо воскреснем некогда и мы, чтобы каждому получить по делам его. Спасителю и Судие наш! Прииди тогда к душе трепетной и отчаявающейся, скажи ей Свое тихое и милостивое слово: «что плачешь?» Приступи ко всем, которые хоть когда-нибудь, хоть какую-нибудь каплю мира слезного несли ко гробу Твоему, и скажи им: «радуйтесь!.. Не бойтесь!..» Явился посреди собиравшихся некогда во имя Твое на славословие Тебе, стань в кругу их, Твоих учеников, и скажи им: «мир вам!». О Божественного, о любезного, о сладчайшего Твоего гласа! Какое глубокое чувство благодарности проникает, братие, в душу при словах Его: «иди же ко братии Моей и рцы им: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему...» (Ин. 20; 17). Слышите, возлюбленные? Его первые слова по воскресении говорят о братии, то есть сначала о Его учениках, Им избранных и Ему преданных, потом о всех и каждом, которые через них уверуют в Него, следовательно, и

о нас с тобой, возлюбленный брат! Вот новая радость, полная величайшей тайны. У нас один с Ним Отец, один с Ним Бог. По Своему человеколюбию и милосердию Он сошел на землю, не устыдился называть нас братьями, разделял с нами всю долю многоплачевной жизни человеческой, во всем уподобился братьям (Евр. 2; 17), страдал и умер; с памятью о братии Он воскрес; благословляя братию, вознесся; утешая братию, послал им Духа Святого; храня братию, устроил на земле Церковь Свою Святую; освящая братию, зовет нас к Себе, в вечные обители, уготованные Им. О братие! Дано нам более, нежели мы понять можем! Сделаем, по крайней мере, то, что понимаем — просветимся торжеством и друг друга обымем, рцем: братие, и ненавидящим нас простим вся воскресением!..

Какое благоговение объемлет душу при словах Его: «примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся!» — вот последние слова Господа на нынешний день (Ин. 20; 23). Но Господи наш! Еще Тебе Самому говорили еврейские законоведцы (и мы дерзаем повторить с ними): «кто может оставлять грехи? Токмо един Бог» (Мк. 2; 7). И это право Божества Ты даешь Своим ученикам, а через них — и служителям Твоим во все века. Ты соединяешься с ними, пребываешь в них Духом Своим, живешь в них и действуешь в них. Ты даруешь людям власть, приличествующую одному Богу — умирать наши совесть и сердце. Ах, братие! Тут изнемогает всякое слово; тут чувствуешь себя в состоянии только пасть и поклониться Воскресшему, как Богу.

Но, может быть, кто-нибудь скажет при этом: "Как, однако, жаль, что мы не можем видеть Господа Воскресшего: тогда бы радость наша была еще светлее, благоговейная благодарность еще полнее". Нет, не думай этого, брат мой. Видели Его воскресшего, видели долго два ученика — и не могли узнать Его в прославленном образе. Посмотрели на Него — и ужаснулись Его ближние друзья, думая, что видят духа. Дивное таинство! Что же после этого наше зрение? А кто может сказать, что между нами нет Господа только потому, что мы Его не видим? Кто может в этом усомниться, когда Он Сам сказал: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их?» (Мф. 18; 20). Пусть взор и дух наш смотрят на Господа Иисуса, как на всюду Сущего и всех нас содержащего. Пусть сердце и мысль наша слушают, что Он говорит: «блаженны не видевшие и веровавшие». Не видя Христа, веруй в Него, люби Его и будешь не только радостен, будешь блажен.

Наконец, вникните, братие, еще в одно слово Его, сказанное перед страданием: «паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше» (Ин. 16; 22). Дивное слово. По нашему понятию следовало бы сказать: вы Меня увидите, и возрадуется сердце ваше, — но Господь сказал наоборот: «Я увижу вас, и возрадуется сердце ваше», то есть все зависит от того, что Он увидит учеников Своих, а не они Его. Подобно тому как солнце светит нам и греет нас, хотя мы на него и не смотрим, хотя мы его и не видим, так и свет душ и радость сердец исходят из очей Сына Божия Иисуса Христа: все дело состоит

в том, чтобы узрел нас воскресший Господь, узрел светлым оком благодати, пламенным оком любви.

Братие возлюбленные! Разве не чувствуем и мы теперь особенного просветления в своей душе и особенной теплоты в своем сердце? Значит, духовное солнце взошло и над нами. Так, Господь несомненно среди нас, радующихся Его востанию из гроба. Этого мало: Господь указывает нам условие, при котором взор Его «всегда может на нас опочить. На кого воззрю, — взывает Он через пророка: — токмо на кроткаго и молчаливаго, (или сокрушенного духом), и трепещущаго словес Моих?» (Ис. 66; 2). Если не можешь более, имей только кротость, смирение, сокрушение духа, страх Божий, и Господь воззрит на тебя, и исполнит данное апостолам и, в лице их, всем обетование; «узрю вы, и возрадуется сердце ваше». Молим Бога, да сопровождает Он Сам вас, братие, повсюду и Своим словом, и Своим образом да исполнит вас лучшей, совершеннейшей радости. Только вы не препятствуйте Божественной радости, только не прогоняйте или не подавляйте ее: она будет сама собой продолжаться, возрастать, совершенствоваться, пока наконец не превратится в блаженство, сначала временное, здесь, потом в бесконечное, в невечернем дни царствия воскресшего Спасителя. Аминь.

(Из слов Филарета, митрополита Московского, и архимандрита Антонина)

574. Христос Спаситель – наш Учитель

«Прииде Иисус и ста посреде, и глагола им: мир вам!» (Ин. 20; 19)

Горько, невыносимо тяжело чувствовать себя одиноким среди людей, не встречать ни от кого сердечного участия к своему положению, не слышать ни от кого сочувственного слова среди трудных обстоятельств жизни. Зато как отрадно иметь такого друга, который не только в счастье, но особенно в несчастье неотлучно находился бы при нас, был бы ангелом-утешителем при всех невзгодах жизни, ободрял бы и удерживал нас от уныния и печали. Трудно найти такого друга между людьми; но зато есть у нас более нежели друг — есть у нас Господь и Спаситель наш Иисус Христос.

Когда Он, Господь наш, предан был Иудеями на распятие, умер и был погребен, его ученики и апостолы пребывали в великой скорби. Самая жизнь их была в опасности: «страха ради Иудейска» они собирались в один дом и тут оставались при заключенных дверях. Так было и в самый день Христова воскресения, вечером, хотя они уже слышали от святых мироносиц, от апостолов Петра, Луки и Клеопы о явлении им воскресшего Спасителя. И вот, когда они были в таких трудных обстоятельствах, не зная, на что решиться и что делать, вдруг «прииде Иисус и ста посреде и глагола им: мир вам! И сие рек, показа им руце (и нозе) и ребра Своя». О, как они возрадовались, увидев перед собой прободенного, изъязвленного Учителя!

Какой светлостью просияли их лица, какое тяжелое бремя спало с их скорбных душ! «Возрадовашася убо ученицы, видевше Господа» (Ин. 20; 19-20).

Братие христиане! Часто и нас постигают трудные обстоятельства в жизни, бываем и мы иногда в безвыходном положении. Безотраднa была бы наша участь, если бы мы были одни, не имея Спасающего и Помогающего. Но, слава Богу, мы не одни. «Иисус Христос вчера и днес Тойже, и во веки» (Евр. 13; 8). Как Он недалек был от Своих учеников, так Он недалек и от каждого из нас, Своих последователей. Во время каждого нашего бедствия, при каждом нашем испытании Он готов явиться к нам, подать нам руку помощи, лишь бы мы сами помнили о Нем так, как помнили о Нем ученики Его в то время, когда Он находился в бесславии и поругании, когда Он умирал на кресте и почивал плотию во гробе. Не отчаивайся же, возлюбленный брат мой, когда беды и напасти со всех сторон угрожают тебе. Господь не оставит тебя Своей помощью, Он явится к тебе невидимо и ты сердцем почувствуешь, что Он тут, около тебя, только бы ты не отходил от Него мыслью и верой.

Утешив учеников Своим явлением, преподав им еще раз мир, Иисус Христос заповедал им продолжать дело, для которого Сам сходил на землю: «мир вам, — сказал Он, — как посла Мя Отец, и Аз посылаю вы». Затем Он дал им власть вязать и разрешать грехи и стал невидим. Так утешил Господь скорбящих учеников Своих. Но был один из них, лишившийся этого утешения: «Фома же, — повествует Святое Евангелие, — един от обоюнадесяте, глаголемый Близнец, не бе (ту) с ними, егда прииде Иисус» (Ин. 20; 21, 24). Можно представить себе скорбь его, когда ему сказали другие ученики: «видехом Господа!» В досаде на самого себя, на свою безвременную отлучку от святого содружества учеников Господних он воскликнул: «аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего в язвы гвоздинныя, и вложу руку мою в ребра Его, не иму веры!» (Ин. 20; 25). Прошло восемь дней. Ученики опять были все вместе, и Фома на этот раз был с ними. Двери были заперты. Вдруг является Господь: «ста посреде (их) и рече: мир вам! Потом глагола Фоме: принеси перст твой семо и виждь руце Мои; и принеси руку твою и вложи в ребра Моя, и не буди неверен, но верен» (Ин. 20; 27). Как бы так говорил Сердцеведец Фоме: "Ты хотел осязать Меня? Осяжи. Ты хотел коснуться язв на руках Моих? Смотри, вот руки Мои. Ты хотел вложить руку в язву ребер Моих?"

Вот и ребро Мое. Простирай же свою руку, влагай в язвы Мои. Все это позволяю тебе, только не оставайся в неверии: не буди неверен, но верен". О, какой пламенной любовью дышат эти слова! Как, должно быть, вострепетало сердце ученика от этого голоса, нежно укоряющего в неверии и влекущего к вере, отечески обличающего и отечески прощающего! «Господь мой и Бог мой!» — воскликнул Фома в благоговейном восторге (Ин. 20; 28).

Не будем же отчаиваться и унывать, братие, когда скорби постигают нас, не будем сомневаться в Божием милосердии, какие бы несчастья ни

постигали нас! Печаль ли и уныние тяготят нашу душу, страждем ли на одре болезни, впадаем ли в какое-нибудь тяжкое прегрешение и чувствуем мучительные угрызения совести, враги ли, ближние или домашние оскорбляют нас, замышляют недоброе, строят против нас козни: при всех этих нуждах и злключениях не будем унывать и предаваться отчаянию. Будем всегда помнить, что с нами Господь, Который нежданно, невидимо готов явиться к нам со Своей благодатной помощью, Который Сам сказал: «И призови Мя в день скорби твоя, и изму тя, и прославиши Мя» (Пс. 49; 15).

Он оставил престол славы для бедных яслей, оставил благоговейное служение Ангелов для оскорбления от людей, блаженство неба — для смертельной скорби в саду Гефсиманском, для бесславия на кресте. Что побудило Его к этому? Конечно, Его бесконечная любовь к людям, любовь, которая и на нас изливает щедро свои дары и благодеяния. Тот, Кто столько сделал для всего рода человеческого, неужели забудет тебя одного, бедствующий брат мой? Нет, возлюбленный, и к тебе так же, как ко всем людям, относятся эти утешительные слова, сказанные Господом через пророка Исаию: «как мати утешает, тако и Аз утешу вы» (Ис. 66; 13). «Еда забудет жена отроча свое, еже не помиловати изчадия чрева своего? аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе» (Ис. 49; 15).

Не оставляй же нас, Господи, Своей помощью и утешением среди постигающих нас тяжких испытаний жизни, как Ты не оставял Своих учеников, да не погибнем люто от уныния и печали! Аминь.

(Поучение в Неделю 2-ю по Пасхе, апостола Фомы, "Херсонские Епархиальные Ведомости", 1876)

«Господь мой и Бог мой!»

«Господь мой и Бог мой!»—так апостол Фома исповедал Господу Иисусу Христу свою веру в Него, свою любовь, свою преданность и благодарность, свою радость, когда воскресший из мертвых Спаситель показал ему пробитые гвоздями руки и ноги Свои и пронзенное копием ребро Свое. Какое высокое и сильное, какое искреннее и полное исповедание! Сколько и для нас в нем назидания!

В скорбях, когда болит сердце, когда тяжело смотреть на мир Божий, когда слово точно замерло в груди, кто даст силы и ослабу? Кто утешит? Друзья и знакомые? Но все так мало от них, все непрочно и ненадолго. Обратись тогда к Спасителю, открой Ему душу, и услышишь: «призови Мя в день скорби твоя, и изму тя, и прославиши Мя». Услышишь, — и исчезнут скорби, и ты воскликнешь к Сладчайшему Иисусу: «Господь мой и Бог мой!» В малодушии и нетерпении человек не смеет и приступить к Тебе, но воззови ко Господу, и услышишь: Аз есмь, не бойтесь (Ин. 6; 20), и смело

пойдешь по волнам моря житейского, по волнам неудач и тревог, и падешь к ногам Иисуса с исповеданием: «Господь мой и Бог мой!» И будешь спасен.

Когда терпишь несправедливость от людей, тебе говорит Всеведущий: «блажени плачущии... блажени изгнани правды ради... блажени есте, егда поносят вам и ижденут ирекут всяк зол глагол на вылуше, Мене ради» (Мф. 5; 4,10,11). Только вслушайся сердцем в этот Божественный голос, и будешь свидетельствовать: «Господь мой и Бог мой», — и волос с головы твоей не погибнет.

В болезни, когда истаяло сердце твое, высохли кости, упала грудь и все силы оставили тебя, взывай к Всемогущему: «Господь мой и Бог мой!» Взывай и веруй, и услышишь: «держай, чадо, отпускаются ти греси твои» (Мф. 9; 2), «се здрав еси» (Ин. 5; 14). И будь спокоен: имя твое будет написано в книге жизни — это следует само собой за отпущением грехов.

В бедности, когда от бесчисленных нужд жизнь сделалась тебе невыносимой, собери силы, оживи веру, отрешись от суеты, приступи ко Христу, и ты станешь говорить: «Господь мой и Бог мой!» И весь мир будет как бы принадлежать тебе, ибо сказано: «возверзи па Господа печаль твою и Той тя препитает» (Пс. 54; 23).

В лишениях вспомни Спасителя с исповеданием: «Господь мой и Бог мой!» И всегда, когда тебе будет трудно, тяжело, неудачно, исповедай Всемогущему, что Он Господь твой и Бог твой, что Он все для тебя. В мире все мимолетно, все ненадежно, все изменится: один Господь пребудет вовеки. Ты Господь наш и Бог наш! Ты Спаситель наш, Иисусе, помилуй и спаси нас! И спасет, православные. Аминь.

(Из поучений протоиерея И. К. Романова)

575. Долина Суда или Иосафатова

Нет в мире долины, которая говорила бы так много поучительного сердцу человеческому, как мрачная долина Иосафата. Она тянется вдоль восточной стены святого града Иерусалима, с севера на юг, отделяя город от горы Елеонской, и носит разные названия: от севера до моста, ведущего в Гефсиманию, она называется долиной Кедронской, дальше — долиной Иосафата или долиной Суда, а в южной части — долиной Царской или Силоамской. В самой глубине ее извивается высохшее ложе Кедронского потока, шага в три шириной; только в зимнее время от дождей оно наполняется водой красновато-мутного цвета. Слово Кедрон значит темный, и поток назван так потому, что протекает он в темной, мрачной долине. Это скалистое ущелье тянется далеко и считается продолжением Плачевной юдоли святого Саввы, которая оканчивается у Мертвого моря. Когда в первый раз увидишь долину Иосафата, сердце наполняется невольной тревогой: невольно вспоминается глас Божий, который говорит устами пророка Иоила: «соберу все народы, и приведу их в долину Иосафата, и там

произведу над ними суд» (Иоил. 3; 2). Отсюда и произошло предание, что в этой долине будет последний Страшный Суд Божий в последний день мира. Тогда, — говорит это предание, — по долине Иосафата потечет река огненная, о которой предсказал пророк Даниил (Дан. 7; 9-10).

И как будто в подтверждение этого предания все в этой долине вызывает печальные чувства и размышления: повсюду в ней царствует какая-то мертвенность и пустота; ее дикие скалы, составляющие ее бока, изрыты пещерами и обожжены; поток, который прорезает ее, давно высох; горы, в которых она замкнута, обнажены и покрыты развалинами; надгробные камни, которыми она усеяна, поломаны и разбиты; несколько масличных деревьев, которые могли бы служить ей украшением, опалены солнечным жаром. Только и видишь везде следы смерти и запустения: кладбище, надгробные памятники пророков и мучеников, сад Гефсиманский, напоминающий начало смертельной муки Спасителя, — все это невольно поражает душу и волнует сердце. Будучи засыпана камнем, она более похожа на ущелье, чем на долину. Против золотых ворот Иерусалима она имеет ширину не более 200 шагов. В северной части она расширяется до 1000 шагов. Со всех сторон света стремятся сюда евреи, чтобы сложить здесь свои кости, и дорого платят за позволение похоронить себя тут.

Между тысячами надгробных памятников особенное внимание пришельца обращают на себя древние гробницы царя Иосафата, Авессалома и Захарии. Гробница Иосафата — совершенное подземелье, только двери, высеченные в скале, находятся поверх земли, да и то наполовину так засыпаны, что только ползком можно войти внутрь гробницы. Пещера совершенно пустая. Рядом с ней — памятник мятежного сына Давида Авессалома: это четырехугольный небольшой покой с тяжелой крышей из камня, похожей на сахарную голову. Известно, что Авессалом был убит в сражении за Иорданом и брошен в лесу в глубокий овраг, "и наносили на него большую кучу камней". Но он еще при жизни своей поставил себе памятник в долине Царской и называл его своим именем. И еврейское предание говорит, что скорбящий Давид, оплакивая утрату хотя и недостойного, но все же любимого сына, приказал перенести тело его в этот гроб, приготовленный им себе еще при жизни. Думал ли честолюбивый юноша, что этот памятник будет памятником его позора, его черной неблагодарности к родителю? Прошла не одна тысяча лет, и каждый прохожий, без различия пола и возраста, считает своей обязанностью бросить на его гроб-памятник камушек как бы с проклятием на этого неблагодарного сына, который восстал против нежно любившего его отца, сына, от которого отец принужден был бежать и переходить Кедрон босыми ногами и с покрытой, в знак горькой печали, головой, ища убежища в пустыне с малым числом преданных ему слуг.

Вот еще гробница или просто пещера, высеченная в скале: тут, по преданию, укрылись апостолы, когда Спаситель был взят в саду Гефсиманском. Впоследствии, как говорит то же предание, здесь был

погребен апостол Иаков, брат Божий, когда иудеи сбросили его с кровли храма Иерусалимского.

Наконец, четвертый гробовой памятник, очень похожий на гробницу Авессалома, — это гробница Захарии, сына Варахиина, убитого между алтарем и храмом.

Вся возвышенность над этими памятниками и далее к югу покрыта новыми гробами или камнями и называется еврейским кладбищем. Чтобы получить несколько пядей земли на этих обнаженных скалах для своих бренных останков, евреи во множестве переселяются сюда из далеких стран, где родились и выросли, и проводят в Иерусалиме остаток жизни иногда в крайней нужде. А под самыми стенами Иерусалима — кладбище турецкое. Все только гробы и могилы.

Но вот в южном конце этой скорбной долины два источника: они пробуждают в душе светлые воспоминания. Первый из них носит название источника Пресвятой Девы Марии: сюда, по преданию, Она, Преподобная, ходила за водой; другой — знаменитый источник Силоамский, куда Христос Спаситель послал исцеленного Им слепорожденного. Оба эти источника соединены подземным каналом в 250 сажен длиной. В купели Силоамской в память совершенного Господом чуда исцеления слепорожденного не только христиане, но и магометане умывают себе глаза.

В древние времена здесь стояла башня или столп, к которому относятся слова Спасителя, сказанные Им при известии о внезапном падении этого столпа: «или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете!» (Лк. 13; 4-5). Какое грозное предостережение и нашей беспечности!

Близ купели Силоамской показывают место, называемое гробом пророка Исаии. Там растет шелковичное дерево, обложенное вокруг камнями. Этот великий пророк понес мученическую смерть за смелые обличительные речи к нечестивым жителям Иерусалима: его перепилили надвое деревянной пилой по повелению царя Манассии; такова судьба большей части провозвестников правды, их сначала замучают, а потом ублажают. Кто останется холодным при воспоминании об этом пророке, которого справедливо называют евангелистом Ветхого Завета? Кто не вспомнит его чудных предсказаний о Христе Спасителе: «се, Дева во чреве прищлет... Тойже язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша... язвою Его мы изцелехом» (Мф. 1; 23, Ис. 53; 5).

В конце Иосафатовой или Силоамской долины находится колодезь огня, или Неемии: в этом колодце левиты сокрыли священный огонь с жертвенника Иерусалимского храма, когда вавилоняне повели евреев в плен. Прошло семьдесят лет. По возвращении из плена, Неемия, зная об этом из предания, послал в колодезь за огнем, но вместо огня там нашли только грязь. Неемия приказал зачерпнуть этой грязи и облить ей жертвы. Когда это

было исполнено и показалось солнце, дотоле скрывавшееся в облаках, то жертвы вдруг запылали (2 Мк. 1; 18-22).

Это чудо воспоминает и Новозаветная Церковь в своих песнопениях, когда поет: "из пламене преподобным росу источил еси (отрокам в Вавилоне) и праведнаго (Неемии) жертву водою попалил еси, вся бо твориши, Христе, токмо еже хотети..."

Такова эта знаменитая по своим скорбным воспоминаниям долина Иосафата. С тяжелым чувством проходит по ней путник, направляясь к подножию священной горы Елеонской, где он надеется отдохнуть душой в дорогой его сердцу Гефсимании, у гроба Пренепорочной Девы Богоматери, или на крутых склонах этой горы, послуживших последней земной стезей для восходящего к Отцу Своему Сына Божия.

576. Небошественная икона Богоматери

Как солнце пресветлое воссияла над северными пределами Русской земли небошественная икона Богоматери, именуемая Тихвинской; как любящая Мать посещала Царица Небесная этой иконой земнородных чад Своих, освящая воздух Своим шествием, благословляя грады и веси Русской земли, повсюду проливая реки благодатных исцелений всем с верой и любовью притекающим к Ее святой иконе.

Это было в 1383 году. На великом Ладожском озере рыбаки закидывали свои сети. Вдруг осиял их необычный лучезарный свет. Взглянув к небу, они увидели, что над водой по воздуху шла икона Богоматери с Предвечным Богомладенцем на левой руке. Икону окружал свет, подобный сиянию солнечному. Рыбаки бросили свое занятие и с удивлением и радостью смотрели вслед иконе, желая видеть, куда она идет и где остановится. Но икона скрылась из виду и явилась за 30 верст от озера, на месте Смольнове. Здесь поставили для нее часовню; многие болящие получили исцеление от нее, но скоро святая икона невидимо скрылась и оттуда. Ее увидели версты за две от Смольнова, близ села Вымоченицы; она и здесь стояла на воздухе и блистала светом солнечным. Со всего села собрались жители посмотреть на это чудное явление и стали молить Матерь Божию, чтобы Она даровала им икону Свою. Икона спустилась на землю, и народ с благоговением поклонялся ей и лобызал ее. Скоро тут поставили часовню, а потом и церковь, но святая икона недолго оставалась в новом храме; и отсюда Божественной силой она скрылась, чтобы обрадовать своим милостивым посещением и осенить своей небесной благодатью другие места. Она явилась, так же преславно, как и прежде, за 79 верст от Вымочениц, над горой Кукова. Народ, увидев ее на воздухе, стал усердно молить Владычицу снизойти к ним Своей святой иконой, но Царице Небесной угодно было только осенить это место Своим прехождением и остановиться за версту оттуда, на месте Кожела. По молитвам жителей, святая икона спустилась на

землю; тотчас же построили для нее часовню, а вскоре и церковь в честь Покрова Богоматери; но и здесь пребывание небожественной иконы Владычицы было только временным: как легкое облако, небесная странница, носимая по воздуху, явилась на горе близ Тихвина.

И тут собралось множество народа, чтобы видеть чудное явление; из соседних сел вышли священнослужители с крестами и псалмопением и вместе с народом взывали к иконе Богоматери: "Прииди к нам, Царица, прииди, Владычица! Призри на нас, недостойных рабов Твоих, посети нас свыше, и светозарным Твоим пришествием просвети нас, омраченных грехами!" Так молились они, и святая икона сошла с высоты воздушной к ним на руки; с благоговейной любовью они лобызали ее, а Мать Божия изливала на них чудеса Своего милосердия. Немедленно было положено основание храму на месте чудного явления святой иконы: стали рубить лес и в тот же день срубили три венца. На ночь была поставлена стража у святой иконы, и все разошлись по домам.

Всю ночь не спали стражи, но к утру заснули крепким сном, а когда проснулись, то увидели, что нет ни иконы, ни начатого сруба. Собрался народ и в скорби сердечной из-за потери такого бесценного сокровища рыдал и взывал к Богу: "О Владыко Человеколюбче! Яви нам снова Божественный дар Твой! О Владычице, милосердия Мать! Куда Ты удалилась от нас, недостойных? Вчера Своим пришествием Ты исполнила нас радости, а ныне удалением повергла нас в горькие слезы. Явись нам опять, Свет наш, обрати печаль нашу в радость".

С плачем и рыданием разбрелись все по горе и по соседней роще и искали желанное сокровище благодатное и в воздухе, и на земле. Вдруг заметили свет к востоку, за рекой Тихвинкой, среди болотной пустыни, версты за две от горы. Идут туда — и видят святую икону, начатый сруб, все деревья, приготовленные для постройки храма, и даже малые щепы — все в целости, будто сюда перенеслось само место из-за реки. Святая икона стоит в срубе, среди восточной стены его, на воздухе, ничем не прикрепленная к стене, и сияет пресветлыми лучами. Со слезами радости припал народ к чудной иконе и в благодарности сердца взывал: "Слава Тебе, Христе Боже! Слава Тебе, Мати Божия! Ты не оставила нас, не оставь же нас и до конца!"

Стали строить начатый храм во имя Успения Богоматери и тогда же послали в Новгород к архиепископу Алексию с известием о явлении чудотворной иконы. Святитель сообщил известие в Москву великому князю и митрополиту и по их соизволению поставил для нового храма священнослужителей, которые и освятили церковь в праздник Успения Богоматери.

Много чудес совершила Мать Божия Своей святой иконой при освящении храма; еще больше было чудес от этой иконы в продолжение более чем пятисот лет после того. Три раза пожар истреблял храм, в котором стояла святая икона, но сама икона каждый раз оставалась неповрежденной. Царь Иван Васильевич после третьего пожара повелел строить каменную

церковь; церковь была построена, стали уже отделять паперти, как вдруг обрушились своды и завалили двадцать рабочих. Все считали их погибшими, но когда, спустя три дня, разметали камни, то нашли всех живыми, по милости Царицы Небесной.

В 1560 году, по велению царя Ивана Васильевича Грозного, при храме Успения Пресвятой Богородицы устроен был монастырь. Одним из славных чудес Богоматери стала защита этой обители от шведов.

В тяжкую для Русской земли годину междуцарствия, когда поляки и литовцы уже завладели Москвой, шведы захватили северные города — Новгород и Тихвин. Отряд шведских войск уже занял и обитель Тихвинскую, но при помощи Царицы Небесной она была очищена от врагов. Более года шведы старались овладеть ею снова, до семи раз делали приступы; вели несколько месяцев правильную осаду, но Мать Божия не попустила им овладеть Своим достоянием. Не раз являлась Она осажденным во сне, повелевая обнести Свой образ по стенам монастырским; вразумляла забывшихся, угрожая бедой; ободряла унывающих. Когда в обители произошли смуты и некоторые хотели бежать в Москву с чудотворной иконой, то никак не могли сдвинуть ее с места. Малодушные вразумились, стали умолять Мать Божию о защите. На другой день пришел в обитель один русский и сказал, что он был в плену у шведов и шел вместе с ними к Тихвину. Враги грозили разрушить святую обитель до основания, рассечь саму икону, а храм раскидать по камню. Но когда они дошли до берега реки Сяси, то увидели на противоположном берегу бесчисленное воинство русское и в страхе побежали назад. В обители радостно праздновали освобождение ее от врагов. Это было в 1615 году.

Таким образом, скромная обитель Тихвинская была для Новгорода таким же крепким оплотом, каким славная Сергиева лавра была для Москвы незадолго перед этим. И Москва, и Новгород были уже в руках вражеских, а святые обители иноков заступлением Матери Божией и Ее избранника, преподобного Сергия, отстояли свою свободу, а через это отстояли и свободу родной земли. Под стенами Сергиевой лавры был заключен мир с поляками, а под стенами обители Тихвинской был заключен мир со шведами. По заключении мира в Столбове царские послы пришли в Тихвин, пали пред иконой Богоматери и называли Ее Миротворительницей и Заступницей Русской земли.

Но откуда пришла святая икона Матери Божией в пределы Новгородские? Древнее предание говорит, что в то время, когда прославилась в Тихвине эта чудотворная икона, в Царьграде были новгородские купцы и беседовали с патриархом. Патриарх спросил их: "Нет ли в России слухов о чудотворной иконе Богоматери, сокрывшейся незадолго перед тем неизвестно куда?" Купцы рассказали ему об иконе Тихвинской, и патриарх решил, что это и есть та самая икона, которая не раз скрывалась из Царь-града, но через некоторое время опять являлась на своем месте: "А теперь, — сказал патриарх, — за гордость нашу и неправды она вот и совсем

оставила нас". Он отвел купцов в храм и показал место и киот, где стоял святой образ, на правой, западной стороне, у столпа. Возвратясь из Царьграда, купцы рассказали об этом в обители Тихвинской, и святая икона была поставлена на том же месте в храме Тихвинском, на каком стояла она в Царьградском храме.

577. Желаем ли мы на небо? («Господь же убо, по глаголании Его к ним, вознесся на небо» (Мк. 16; 19))

Вы, братья мои, по смерти своей желаете ли на небо, в Царство Небесное, где теперь Господь наш Иисус Христос? Конечно, скажете, желаем. Из чего же видно, что желаете? Кто чего желает, тот о том и думает: а мы часто ли думаем о небе? Кто чего желает, тот о том и говорит: а мы часто ли говорим о небе? Кто чего желает, тот для того и работает, трудится: а мы для неба ли работаем, трудимся? Кто чего желает, тот всего больше о том и Бога просит: но Царства ли Небесного всего больше просим мы у Бога, когда молимся? Вот и теперь ради Царства ли Небесного пришли мы в храм молитвы?

Ах, братья мои, по жизни нашей почти невидно, что мы желаем быть на небе. Чего же мы желаем? Где же по смерти мы будем? В жизни будущей только и есть два отделения, два места: небо и ад, Царство Небесное и тьма кромешная; значит, кто не вознесется по смерти на небо, тот ниспадет в ад. Без всякого сомнения, мы не желаем быть в аду. Да избавит Господь Бог всех от места, уготованного диаволу и ангелам его.

Итак, чего же мы желаем? О чем заботимся, для чего трудимся, из-за чего беспокоимся? Сами не знаем. Да, наша жизнь иногда мало походит на жизнь созданий разумных; еще меньше она походит на жизнь учеников Христовых, Христовых последователей. Какие мы последователи Христа, если не стремимся туда, где теперь Он, Господь наш? Какие же мы разумные создания, когда не хотим даже подумать о том, где мы по смерти будем? — Так, и подумать о своем спасении, пожелать себе спасения, а не то что достигнуть его, мы не можем, Господи, без Твоей нам помощи.

Христе Иисусе, вознесися на небо, вразуми меня Твоей благодатью, что я не ведаю сам, что творю, и хочу ли, или не хочу, спаси, направь меня на путь к Небесному Твоему Царствию! Аминь.

Готовы ли мы на небо?

«Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему (Ин. 20; 17). Иду уготовати место вам. И аще уготовлю место вам, паки прииду и пойму вы к Себе, да, идеже есмь Аз, и вы будете» (Ин. 14; 2, 3). «В дому Отца Моего обители многи суть» (Ин. 14; 2). Так говорил Господь наш

Иисус Христос, возвещая апостолам о Своем вознесении. Так говорит Он и каждому из нас, братья мои, каждому православно верующему в Него. Для всех у Него есть место в просторных обителях Отца Небесного: есть там место и апостолу Петру, который отрекся было от Него, но потом горько оплакал свое отречение; есть там место и блуднице, которая омыла слезами ноги Господни, а вместе с тем омыла и свою душу от грехов; есть там место и тому мытарю, который пол имения своего не пожалел для бедных, лишь бы только загладить все прежние неправды свои; есть место и разбойнику, который принес свое покаяние уже на кресте; найдется место и для блудного сына, лишь бы он пришел в чувство и решился обратиться к милосердному Небесному Отцу; будет место и для всех кающихся грешников... Всех нас зовет туда, к Себе, Господь наш Иисус Христос; ко всем взывает Он с высоты небесной сладчайшим гласом милосердия Своего: «Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11; 28).

Итак, братья, Царство Небесное готово для всех нас, дело только за нами: сами-то мы готовы ли войти туда? А кто не готов, того туда и не пустят. «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное» (Мф. 7; 21), говорит Сам Господь наш. Будут и такие, которые станут стучать в двери и взывать: «Господи, Господи, отверзи нам» (Лк. 13; 25), но Господь скажет им в ответ: «не вем вас, откуда есте, отступите от Мене, вси делателие неправды» (Лк. 13; 27). Да если бы и можно было кому из таких недостойных войти туда, то он услышал бы от Небесного Домовладыки: «друже, како вшел еси семо, не имый одеяния брачна?.. Связавше ему руже и нозе, возьмите его и вверзите во тьму кромешнюю: ту будет плач и скрежет зубом» (Мф. 22; 12, 13).

Но что же, Господи, нужно для того, чтобы войти в чертог Твой небесный? Отвечает Господь: «аще ли хочещи внити в живот, соблюди заповеди» (Мф. 19; 17). Только тот, кто творит волю Отца Моего Небесного, войдет в Царствие Небесное (Мф. 7; 21). «Не льстите себе — не обманывайте себя: предостерегает нас и святой апостол Павел: ни блудницы, ...ни татие, ни лихоимцы, ни пияницы, ...ни хищницы — словом, никакие грешники Царствия Божия не наследят» (1 Кор. 6; 9,10). Итак, кто хочет войти в Царство Небесное, тот должен соблюдать заповеди Божии. Одно имя христианина не спасет тебя: надо жить по-христиански. Иначе и тебе скажет Господь: "Напрасно ты носил имя Мое, напрасно назывался ты христианином, Я не знаю тебя. Получил ты от Меня во святом крещении чистое одеяние брачное, но оглянись на себя: где эта чистота? Не раз и после крещения Я омывал тебя в другой купели — в Таинстве Покаяния, но ты опять и опять осквернял одеяние души твоей нечистотами греховными: как же дерзаешь ты стать предо Мною в нечистотах твоих? Ты — не Мой ученик, ты раб диавола: иди же от Меня, делатель беззакония, в огонь вечный, уготовленный диаволу и ангелам его."

И вот, вместо того чтобы взойти на небо, такой мнимый христианин низвержен будет в муку вечную. Да избавит нас Господь от такой страшной

участи! Но Господь избавит только тогда, когда мы сами позаботимся об этом. В самом деле: что, если бы нас позвали к царю земному? Ведь, конечно, мы позаботились бы явиться к нему в одеждах чистых, приличных. А вот нас зовет к Себе не земной царь, а Царь Небесный, зовет не в земные палаты, а к Себе на небо, в Царство Небесное; зовет не на час какой-нибудь, а на всю вечность: как же нам не позаботиться очистить себя покаянием, как не постараться запастись добрыми делами, исполнить заповеди Божии так, как повелевает это Сам Господь наш? Или для нас земля и грехи наши дороже вечной жизни? О, тогда, конечно, мы не стоим помилования: мы достойны муки вечной, а не Царства Небесного.

Братья мои! Ведь мы на земле гости, мы здесь только странники и пришельцы. Скоро ли, долго ли, а надо будет все оставить, все бросить: и сокровища, и родных, и все, что здесь так утешает нас, что так привязывает нас к здешней жизни. Так не лучше ли теперь же, заранее, добровольно каждому из нас расстаться с тем, что мешает ему войти в Царство Небесное? Искушает ли тебя похоть плотская, одолевает ли пагубное пристрастие к вину: вспомни слово апостола: не льстите себе: «ни блудницы, ...ни пьяницы Царствия Божия не наследят», и брось свой губительный порок; покайся, проси у Господа помощи в борьбе с этим пороком, и Господь не оставит тебя: Он готов подать руку помощи всякому кающемуся грешнику и поможет тебе победить страсти твои. Вспомни, с какой любовью принимал Он таких грешников, как Мария Египетская, Пелагия и многое множество других. Овладела ли твоей душой гордость, честолюбие или тщеславие, хочется ли тебе стать выше других, властвовать над другими, слышать ото всех похвалы твоим мнимым достоинствам? Смирись, гордый человек! Вспомни слово Самого Христа: «всяк возносяйся смирится, и смиряяйся вознесется. Иже хочет в вас быти первый — буди всем раб». Иначе ты недостоин носить имя христианина, иначе не надейся войти на небо к Христу Спасителю, кроткому и смиренному сердцем, и никогда не обретешь покоя душе твоей.

А если привязалось сердце твое к презренному металлу, если все помыслы твои, все желания устремлены на золото и серебро, то вспомни другое слово Христово: «чада, (вещал Он возлюбленным ученикам Своим), како неудобь уповающим на богатство в Царствие Божие внити! Удобее бо есть вельбуду сквозь иглине уши пройти, неже богату в Царствие Божие внити» (Мк. 10; 24, 25). Перестань же служить идолу сребролюбия и поделись своим богатством с теми, кого Сам Христос называет Своими братьями. Считай себя только приставником Божия достояния и не прилагай сердца к праху земному. Это сердце дано тебе на то, чтобы любить Бога и ближнего, а золото и серебро — на то, чтобы творить дела любви и этими делами заслуживать себе Царство Небесное.

Так каждый приготавливай себя к небу, к Жизни Вечной, и тогда Господь, у Него же обители многи суть, по скончании нашего земного странствования примет нас в вечные Свои обители небесные. Аминь.

(Из Поучений протоиерея Родиона Путятинна на Вознесение Господне)

578. Святительская исповедь

Святитель Филарет, архиепископ Черниговский, скончавшийся 9 августа 1866 года, оставил по себе вечную память не только своими архипастырскими трудами, но и многими своими сочинениями: "Историей Русской Церкви", поучениями, житиями святых, "Догматикой" и другими. Но ни в каких сочинениях не видна так ясно и открыто его душа, как в его сердечных письмах к другу его жизни, Александру Васильеву Горскому, который был потом ректором Московской Духовной академии. Читая эти письма, невольно думаешь, что сам Святитель пришел к вам в дом и ведет с вами беседу о том, что больше всего полезно для вашей души. Приведем несколько прекрасных отрывков из этих дружеских писем, в которых Святитель как бы исповедуется перед своим другом.

"Каждому надобно знать свой путь. Безопаснее идти путем, который Господь назначил, чем избирать самому путь, хотя бы он казался и более близким ко спасению. Господь Иисус, владеющий сердцами, да управляет путями жизни нашей. Что человек? Слепец, готовый споткнуться на каждом шагу. Там, где думает видеть добро, встречает опасность для души. «Скажи ми, Господи, путь, в онъже пойду!» Будем молиться друг о друге, будем просить Господа один за другого, чтобы благодать любвеобильного Спасителя нашего вела нас по пути, имже сама весть, спасала нас, имиже весть судьбами, исправляла слабости наши, исцеляла раны наши, как сама премудро знает. Без Господа Иисуса, без благодати Его святой ничего истинно доброго никто еще не делал и не может делать.

Если бы захотели спросить моей мысли, я бы, грешный, сказал: опасно отказываться от призвания властей, Господом назначенных.

Радости и несчастья идут чередом: не ныне, то завтра придут. А спасение души — вот это не так легко совершается, тут череды нет, если сам не забочусь, тогда дело останавливается или даже возвращается назад.

Но все то хорошо, что мне кажется хорошим. Один Господь знает все, что на пользу душе.

Надобно владеть собой. Зачем нам обижать свою душу? О, как грех обижает нас! О какое ужасное зло — грех! Боже мой! Когда избавимся мы от самих себя? Грех — мы сами, самолюбие наше. Куда деваться от него? Друг мой! Как лукаво и сильно самолюбие наше!

Странно, как все на земле, и великое и малое, идет туго, с остановками, с зацепами... И хотелось бы иногда провести время в забытьи, а вдруг зацепа на дороге, и невольно говоришь себе: кайся!..

Жизнь на свете одинакова: грехи да скорби, скорби да грехи; ошибки и вразумления чередуются. И когда бы после каждой ошибки умудрялись вразумлением!.. Святые Божии о том помнили, о том заботились, для того

трудились, как бы избавиться от страстей, как бы дать свободу душе жить для неба. Не покрывают облака забот мрачных, земляных, тяжелых, но бесплодных. Работаем, трудимся — а не видно, не ощутительно, сколько из того плода для вечной, блаженной жизни. Господи, Господи! Просвети очи наши, да не когда уснем во грехах в смерть.

Лета прибавляются, лета приближают к гробу. А душа не лучше, несмотря на приближение грозного отчета. Опытность научает многому для житейского обихода, а для душевного спасения и она не прибавляет ничего. Человек был грешником, грешник и теперь. Страсти владеют всем по-прежнему. Одни засыпают, другие пробуждаются; одни слабеют, другие становятся сильнее. Что это за страшное зрелище — человек! Не отвергни меня, Господи, во время старости моей, когда оскудевать будет крепость моя! Силы телесные ветшают, а что приобретено для вечности?

Не знаю, случалось ли вам испытать на себе, а мне, грешному, много раз пришлось испытать, хотя и доселе еще не вразумляюсь испытанием: после каждого случая, когда сильно бываю раздражен против кого-нибудь, Бог посылает тяжелые неприятности. Не умею решить для себя: так ли Господь милостив ко мне, грешному, что Он благоволит именно в назидание и наставление посылать мне такие обстоятельства и именно при таком расположении души моей? Только это случалось со мной много раз. Одно несомненно, что гнев и раздражение мои точно дурны.

О, когда бы не пропустить без пользы уроков, преподаваемых Благостью Небесной, призывающей ко спасению! Уроки суровые, но, без сомнения, они нужны грешной душе моей, расстроенной страстями.

Странно и достойно слез, что мы, грешные, скорее видим в других худое, чем доброе, иногда и в таких случаях, когда другие не имели и в мыслях худого.

Что делать с грехами? Они у меня везде... Надобно меньше мечтать о глупостях и искренне судить свои недостатки. Иначе гордость бьет сама себя. О грех, недобрая собственность моя! Ты более и более становишься сильнее над душой моей бедной... Кресте всечестный! Огради мя силою твоею!

Прекрасен цветок — чистота телесная. Но как он редок! Как он дорого достается! Друг мой, береги душу твою! Смотри за ней зорко. Ах, легко быть может, что прекрасный цветок внезапно погибнет от ветра жгучего!

Понемногу, но будем идти вперед по пути спасения, многого — где нам ожидать от себя? Но будем побуждать себя к немногому, надобно давать отчет в жизни, надобно отвечать за все, даже за слово праздное, даже за мысль блуждающую. Грех обольстителен, но тяжело отвечать за него, так тяжело, так страшно, что куда годятся все прелести времени перед вечной казнью?

Благословение Божие нужнее всего на свете. С ним надобно жить и за гробом. Без него худо и на земле. Скучно, горько, если вся жизнь наша, все дела наши — не по воле Божией, не благословляются Господом. Куда гожусь

тогда? Что будет с душой без благословения Божия? Без Христа Господа что жизнь наша земная? Что все дела наши? Что труды и заботы? Куда придем мы? О Господи Иисусе, не брось нас, грешных, безумно-грешных!

Господь восставил на покаяние. Только плохо приношу покаяние. То же нечувствие, та же суетность мирская в замыслах, та же беззаботность о вечности. Когда же будет исправление? Его не видно, вовсе не видно. А видно только преспеяние во грехах. Господи Иисусе! Спаси грешную, погибающую душу! О Боже мой! Имиже веси судьбами спаси меня, грешного!

Молитва лучше всего может поддержать в душе теплоту и жизнь духа. Нелегко молиться так, как надлежало бы молиться. Иногда, грешный, стою как деревяшка, как болван или же брожу мыслями по разным сторонам. Что то за молитва? Но надобно же молиться. Как же быть? Как достигнуть того, чтобы и молиться, и молиться так, как должно? Понуждать себя к молитве, бранить без пощады за дурную молитву, употреблять к возбуждению молитвы тот способ, какой кому полезнее. Будем чаще посещать храм Божий, повторять сердцем простые молитвы Церкви. В молитвах церковных много жизни и теплоты; они просты, но те из них и сильнее действуют на душу, которые более прочих просты. Попались две-три молитвы, сильно поражающие бесчувственную душу — повторяйте их с поклонами. Согреетесь.

О вечность, вечность! Как грозна мысль о тебе для грешной, немощной, ленивой, гордой, тщеславной души моей! Господи, Господи! Умилосердися над нами, грешными! Научи нас творить святую волю Твою! Воспламени нас огнем любви Твоей, да не погибнем на целую вечность!

О Боже мой, Боже мой! Как мы грешны пред Тобой! И как немощны! Надобно творить угодное пред Тобой для себя и других. А что у нас? Куда годятся дела наши? Скажут ли они что-нибудь в защиту нашу? Найдется ли что полезное для братьев? Господи, Господи! Ты Сердцеведец, Ты управляешь сердцами людей. Ты ведаешь полезное для души. Ты и пылинкой двигаешь горы. А что мы? О, грешно и вспомнить о себе, когда думаешь о Твоем величии, о Твоей святости! И тогда, как поставляю себя вблизи других, и тогда стыд покрывает лицо мое за мое ничтожество перед другими, и тогда чувствую грусть и уныние души при мысли о моей пустоте. Безответен я, Господи, пред Тобой! Безответен я перед братьями моими. Безответен перед самой землей, которую попираю ногами, сам достойный попракия всеми.

От грешника чего ожидать, так только грехов? Господи, не вниди в суд с рабом Твоим! Накажи, но и помилуй! Накажи здесь, но помилуй там — в вечности. Нужно наказание, необходимо нужно: я много забылся, много растерялся, многое оставил, чего не надлежало бы оставлять, ко многому привык, к чему не надо бы привыкать. Умножились грехи мои, как вода при таянии снегов. Умножились нечестия сердца, как волосы на диком воле. Помилуй меня, помилуй меня, Господи! Научи меня творить волю Твою!

Господь наказывает меня за грехи мои. Достоин, Господи, достоин гораздо большего, чем терплю. Так много грехов, так много беззаконий, так много нечистоты, лености, самозабвения, ожесточения, невнимания к себе и к воле Твоей святой, Господи! Прости, прости и помилуй по великой Твоей милости!

Господи Иисусе, Спасителю грешников! Спаси нас не ради грехов наших, а ради крестной любви Твоей к нам, грешным!

Господи, не оставь меня! Прости грехи мои! Их так много, так бесчисленно много, что каждый шаг — грех. Дажь мне слезы сокрушения о грехах моих! Пошли свет и истину Твою, чтобы мне видеть грехи свои и плакать о них... Все гнило, изъедено страстями. Душа опустела, опустошенная заботами и помыслами многомятежными. Единого на потребу нет в виду, нет в душе.

Господи Иисусе, спаси меня, грешного! Нищ и убог я, как никто другой. Сорок лет на земле. А что готового для вечности? Что благодарного Тебе? Нет сил, нет желания служить Тебе. Все истрачено. Все высохло. Все опустошено. Безответный повергаюсь пред Тобой. Твори что хочешь!

Переменяет человека только благодать. А я худшим становлюсь день ото дня. Господи, вразуми меня во спасение! Скажи грешному путь Твой! Господь Иисус, благий и милостивый, да будет со всеми нами. Бог мира и любви да сохранит сердца наши!"

Вот о чем любил говорить в своих письмах Черниговский Святитель. Вот чем полна была душа того, о котором, когда он был еще малюткой, старец Серафим Саровский пророчески говорил: «Сей отрок будет великим светильником Церкви и прославится по всей Руси как ученый муж». Вот как веровал и умел молиться этот ученый муж, которому одному, при пострижении его в монашество, великий Святитель Московский дал свое имя! Вот как смирялся и обвинял себя многострадальный трудолюбец и благоговейнейший Святитель, который в служении своем, бывало, забывал все окружающее, плакал, вздыхал и молился, рыдая... Когда прочтешь подобные молитвенные воздыхания Святителя, этот поистине покаянный канон, да оглянешься на себя, невольно с тяжелой грустью подумаешь: если такой человек столько скорбит и сокрушается о себе, что же мне-то остается делать? Одно лишь приходит на мысль и на уста: «Господи, помилуй» — да молитва: Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, Архиепископа Филарета, и молитвами его прости и помилуй меня, грешного, аминь.

Надеемся, что эту молитву повторит с нами и читатель этого листка.

579. Тайна Пресвятой Троицы

Вы знаете, братья, что есть у нас великий праздник — Троицын день. Что это за праздник? Это праздник в честь Всесвятой Живоначальной Троицы. Истинная вера христианская состоит в том, чтобы веровать в

единого Бога, во Святой Троице славимого, почитать и поклоняться единому Богу, в Троице исповедуемому. Приступим ныне, братья возлюбленные, к этому великому учению Церкви, о вере и поклонении Богу в Троице. Приступим к учению о Святой Троице со всяким благоговением и страхом Божиим; приступим не для того, чтобы постигнуть ее высокое учение — оно непостижимо — но для того, чтобы совершенно веровать и с глубочайшим смирением поклоняться Богу единому в Троице.

Боже в помощь нашу вонми и вразуми нас во учение сие! Как же учит Православная Церковь наша о Боге Троице? Слушай: Православная наша Церковь учит, что Господь Бог наш есть Бог един и вместе Бог троичен. Бог есть един по существу и троичен по Лицам или Ипостасям. Сколько же Лиц, или Ипостасей, Святой Троицы? Три Лица, потому и говорится, и в святых книгах пишется: «Триипостасному Божеству поклонимся».

Какая суть Лица Пресвятой Троицы? Первое Лицо есть Отец, второе Лицо — Сын, третье Лицо — Дух Святой: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Достоинно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней». И Отец есть Бог, и Сын есть Бог, и Святой Дух есть Бог, но неразумно и нечестиво думать о Боге Троице, что три Бога. Не три, а един Бог, в трех Лицах славимый и поклоняемый. Потому и молимся так: «слава Богу единому», в Троице Святей славимому, Отцу и Сыну и Святому Духу. Эти три Лица различны между Собой, они различаются тем, что Отец ни от кого не рождается; Сын от единого Отца предвечно рождается; Святой Дух от единого же Отца предвечно исходит. Верую во единого Бога Отца; и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; и в Духа Святаго, Господа Животворящего, Иже от Отца исходящего. Святой Афанасий Великий учит: "Каков Отец, таков и Сын, таков и Святой Дух. Например: несоздан Отец, несоздан Сын, несоздан и Святой Дух. Непостижим Отец, непостижим Сын, непостижим и Святой Дух. Вечен Отец, вечен Сын, вечен и Святой Дух. Однако не три вечные, но един Вечный; не три несозданные, но един Несозданный, не три непостижимые, но един Непостижимый. Вседержитель есть Отец, Вседержитель есть и Сын, Вседержитель и Святой Дух. Бог есть Отец, Бог есть Сын, Бог есть Дух Святой. Господь есть Отец, Г^осп^одь есть и Сын, Господь и Святой Дух. Но не три Вседержителя, а един Вседержитель; не три Бога, а един Бог; не три Господа, а един Господь". Веруем и исповедуем в трех Лицах одно Существо, одно и то же Божество. И эту великую тайну Божества можно выразить двумя словами: БОГ ТРИЕДИННЫЙ. Но надобно, чтобы ты при этих словах тотчас припоминал их смысл и объяснение. Повторяю еще для памяти: 1) Веруй и исповедуй в трех Лицах Пресвятой Троицы единого Бога, одно Существо, одно Божество, а не два и не три. 2) Веруй и исповедуй в одном Божестве три Лица, а не одно и не два Лица, — Отца и Сына и Святого Духа, — Отца нерожденного, Сына, рожденного от Отца прежде всех век, Духа Святого, от Отца исходящего. Тако Троица во

Единице, и Единица в Троице да почитается. И если кто вздумает иначе мудрствовать, иначе своим глупым умом толковать об этом непостижимом таинстве Святой Троицы, то погибнет на веки, сам себя предаст вечной анафеме, сам себя осудит на вечные муки, как еретик и богохульник. Если кто не соблюдает этой святой веры во всей ее чистоте, во всей целости и неповрежденности, тот, без всякого сомнения, навеки погибнет.

Скажете: нельзя понять этого учения. Это верно, что нельзя никак понять непостижимой тайны Божества, а потому не должно отнюдь и пытаться понять ее, а должно просто веровать и верой принимать. Но должно пытаться понимать: это великое учение, эта великая тайна превыше всякого ума, даже ангельского; эту тайну ведает один только Он, Бог Троиединый. Но ее должно верой принимать, потому что это учение не человеками выдуманно, не от человек произошло, но от Бога, Самим Богом открыто людям. "Так научены мы от Самой Истины вечной, от Иисуса Христа Спасителя нашего; так приняли от святых апостолов; так, а не иначе учили, нам предали и утвердили вселенские и поместные соборы и учителя Церкви. То же самое содержит Православная Кафолическая Церковь наша. За эту веру святые мученики проливали кровь свою. Так и мы должны веровать от всего сердца нашего, не имея никакого сомнения, и сохранять эту веру твердо и непоколебимо; даже когда потребует необходимость умереть за нее" (Православное исповедание, часть 1, вопрос 93).

Итак, повторяю вам, православные: всяк из вас твердо знай и всегда помни, что Бог наш есть Бог един по существу и троичен в Лицах. Трудно ли это помнить? Никакого труда нет. Церковь непрестанно всякому напоминает о почитании, поклонении и прославлении Бога, единого в Троице. Все мы крещаемся во имя Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа — Бога единого. Все мы исповедуем и произносим Символ Веры: "Верую во единого Бога Отца... и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия... и во единого Духа Святого. Господа Животворящего, Иже от Отца исходящего".

Все свои службы Православная Церковь начинает, продолжает и оканчивает призыванием Святой единосущной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа — Бога единого. Если вы слушаете, то всего чаще услышите это славословие: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу... Слава Святей, единосущней, животворящей и нераздельней Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу...» Яко свят еси Боже наш, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу... и прочее. Всякое дело христианское должны вы начинать и продолжать призыванием того же великого и славного Имени Божия — Бога единого, в Троице славимого: во имя Отца и Сына и Святого Духа. Есть у нас и святые иконы, указывающие на Пресвятую Троицу, есть храмы, посвященные достопоклоняемому

Имени Святой Живоначальной Троицы, есть праздники Господни, в которые Православная Церковь особенно прославляет Бога единого, в Троице поклоняемого: таковы Богоявление и Троицын день. Но самое

близкое указание, самое скорое напоминание о Пресвятой Троице — Боге едином вы имеете в сложении перстов для крестного знамения: по учению Церкви три первые перста, воедино сложенные и прямо держимые, знаменуют Бога единого, в Троице почитаемого. Поэтому каждый раз, когда поднимаешь ты руку для крестного знамения, тут же вспоминай, тотчас держи в уме имя Бога, единого в Троице.

Когда молишься Богу Отцу: Отче наш, Иже еси на небесех; или Богу Сыну: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас; или Богу Духу Святому: Царю Небесный, Утешителю, Душе истины... спаси души наша», — то знай и помни, что ты молишься не трем, а одному и тому же Богу истинному. Ибо Отец, Сын и Святой Дух не три Бога, а един Бог, Троица едино.сущная и нераздельная. Опять же, когда слышишь первую заповедь Божию: «Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози инии разве Мене»: то и поминай эту заповедь так, что у тебя, христианина, нет и не должно быть никаких иных богов, кроме единого истинного Бога, во Святой Троице поклоняемого.

"Все силы души моей, все мысли сердца моего, все чувства тела моего, приидите поклонимся Богу, в Троице единому, Отцу и Сыну и Святому Духу!"

"Поклоняюсь Тебе, Пресвятая, Единосущная, Животворящая и Неразделимая Троице, Отче, Сыне и Святой Душе: верую в Тя и исповедую, славлю, благодарю, хвалю, почитаю, превозношу Тя и молю: помилуй мя, непотребного раба Твоего!"

"Пресвятая Троица! Боже наш, слава Тебе!" Аминь!

(Из "Бесед сельского священника к прихожанам")

580. Берегите малюток

«Блюдите, да не презрите единаго от малых сих, глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небесного» (Мф. 18; 10).

Так говорит Господь: смотрите, не презирайте малюток. И поистине счастливо и благословенно то семейство, в котором есть малютки. Счастливо и благословенно потому, что Господь особенно любит малюток; счастливо и благословенно потому, что в этом семействе вместе с детьми пребывают и Ангелы Божии, охраняющие их. Сам Господь, обещавший наградить всякого, кто примет дитя во имя Его, награждает такое семейство, в котором любят и берегут детей. На такое семейство Он ниспосылает Свое небесное благословение; в таком семействе царят мир, благополучие; Ангелы Божии, пребывающие при младенцах, охраняют это семейство от всяких бед и несчастий! Поистине дети — великая милость Божия. Если ты считаешь за счастье принять у себя в доме вельможу царского, человека, близкого к царю земного, то подумай, как же счастлива та семья, тот дом, где постоянно живут дети — эти любимцы Царя Небесного, и при каждом из них — Ангел

Господень, их охраняющий! Вот как смотри, православный христианин, на малюток, детей своих, береги их, как залог Божия к тебе благоволения, помни, что твои детки — дети Божии, и за них ты Богу ответишь.

Так ли, друзья мои, бывает у нас? Не говорю о том, в каком небрежении растут наши деревенские дети: пока родители дома, они, по крайней мере, сыты, если нельзя сказать, что одеты, за ними есть хоть какой-нибудь присмотр. Но вот наступает летняя рабочая пора, время уборки сена и хлеба; все способные к работе, от мала до велика, переселяются в поле, и по всей деревне остаются только дряхлые старики да малые дети и грудные младенцы, оставленные на попечение какой-нибудь старухи, которой самой требуется уход, или неопытной малолетней девочки, которую и дома-то оставить небезопасно. Сколько страданий выпадает тогда на долю несчастных малюток — младенцев грудных. Вместо сродной им пищи — молока матери их кормят холодным молоком, иногда уже окисшим; им дают сырые огородные овощи, ягоды и тому подобное. От такой не пригодной для детского желудка пищи ребенок заболевает. От болей в желудке он плачет и кричит. Но кому какое дело до этого детского плача и крика? Не слышит этого крика родная мать, а чужому человеку — старухе няне, у которой много таких детей на попечении, нисколько не больно от этого крика. И кричит этот бедный ребенок, всеми оставленный и заброшенный, кричит до тех пор, пока, обезсиленный болью и криком, не впадет в забытье, чтобы снова проснуться для новых мучений. И никто не слышит этого крика и не видит, как страдает младенец, лишь только незримый никем Ангел хранитель этого малютки, неотступно при нем находящийся, и видит, и слышит эти муки невинного дитяти, и возмущается человеческим бессердечием. И вот приходит смерть и беспощадно поражает малюток, и каждый день их умирает по несколько. Войдите в летнюю пору в храм Божий: и в праздник, и в будни, за всякой службой вы увидите там гробики с умершими младенцами, так что невольно приходит на мысль слово пророка: «слушайте, женщины, слово Господа; и да внимает ухо ваше слову уст Его; и учите дочерей ваших плачу, и одна другую — плачевным песням. Ибо смерть входит в наши окна, вторгается в чертоги наши, чтобы истребить детей с улицы» (Иер. 9; 20, 21). И присмотритесь внимательнее к этим исхудалым, обострившимся личикам лежащих в гробиках младенцев, и вы поймете, что все они умерли от истощения. Отцы и матери этих младенцев! Неужели вы можете равнодушно, спокойно смотреть на ваших детей умерших? Неужели каждый малютка не говорит вам из своего гробика красноречивее всякого слова: "Отец мой, мать моя, что я вам сделал? Чем прогневал вас, что вы не захотели, чтобы я был с вами? Меня Бог послал вам на радость и утешение, а вы оставили меня без пищи, без помощи. Мать моя, я плакал, звал тебя, протягивал к тебе мои руки, глазами искал тебя, но ты не пришла ко мне... Язык мой прилипал к гортани от жажды, а ты не пришла напоить меня... Я страдал и мучился от боли, но ты не пришла утешить и успокоить меня своими ласками... Вместо тебя пришла ко мне смерть и унесла меня от вас. И

вот я теперь у Отца моего Небесного, где нет ни печали, ни муки; я молюсь Ему за вас, чтобы Он не наказал вас за вашу жестокость. Не плачьте обо мне, но о себе рыдайте, чтобы вам избавиться от геенны" (Чин погребения младенцев). Кто не бережет своих детей, у того Господь отнимает их, а с ними лишает и Своих милостей. У одной вдовы было три дочери-малютки; мать очень сурово обращалась с ними. Однажды, когда она била их, старшая малютка сказала: "Мамаша, за что ты бьешь нас? Ведь мы не виноваты, что папаша умер. Он говорил нам, что после него у нас останется другой отец — Отец Небесный; вот мы и будем просить Его, чтобы Он взял нас к Себе на небо; только тебе ведь без нас будет очень грустно". И что же случилось? Три девочки в тот же вечер, в садике, усердно молились Богу со слезами и были застигнуты проливным дождем. Ночью открылся у них жар, а на другой день доктор нашел их в злокачественной скарлатине. Через несколько дней все три девочки умерли, а мать их повредилась в уме. Вот как скоро до Бога сердечная молитва детей невинных (Душевное чтение, 1890, декабрь).

Вот как Бог наказывает жестоких родителей! Грудной младенец сам еще не может молиться, а за него молится, за него может Богу пожаловаться его Ангел хранитель. Больно, други мои, подумать, что вот приходится учить любви к детям людей, да еще православных христиан, учить и увещевать, тогда как и животные неразумные в том не нуждаются. Подумайте, братья, что ведь, по слову Божию, «и чудовища подают сосцы и кормят своих детенышей» (Плач. 4; 3), а тут люди оставляют собственных детей своих без присмотра и тем обрекают их на болезни и смерть!

И кого же? Невинных младенцев, омытых во святой купели крещением, искупленных кровью Иисуса Христа, усыновленных Самому Богу! Страшно и подумать, какой ответ дадут они Богу на Страшном Суде Его за такое нерадение. Не скажет ли им тогда Господь в праведном гневе Своем: "Идите от Меня, Я не знаю вас! Я вам велел любить даже врагов, а вы не любили и собственных детей ваших; Я вам велел всякого алчущего кормить, жаждающего поить, а вы не накормили своих детей; Я вам велел за больными ходить, а вы оставили без всякого ухода больных детей ваших... Не знаю Я вас: идите от Меня!"

Что скажут тогда на это жестокие родители? Или скажут: "Что же нам было делать? Не для пустого дела мы их оставляли, а для работы: время не терпит, работа не ждет". Но неужели твоя работа для тебя дороже жизни твоих детей? Да и какая будет польза от твоей работы, если на ней не будет Божия благословения? Ведь не напрасно же слово Божие говорит: «если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» (Пс. 126; 1). Если бы ты, мать, поменьше работала в поле, да о малютках своих побольше заботилась, то и при малой работе Господь послал бы вам изобилие. Он Сам сказал: «ищите прежде Царствия Божия», соблюдайте Мои заповеди, и сия вся, все земные блага, «приложатся вам».

Подумайте, братья, как тяжело согрешают такие люди: Господь посылает им в детях Свое благословение, а они не дорожат этим благословением, даже довольны бывают, когда дети умирают. Слава Богу, говорят, Господь прибрал, лишним ртом стало меньше. Что эти слова показывают? То, что ты тяготишься кормить собственных детей, боишься, что они объедят тебя. Господь и птиц небесных питает, неужели же Он не позаботится о твоих детях?

Однако, в самом деле, как же быть в рабочую пору? На кого оставлять детей? Хорошо бы вы сделали, православные, если бы выбрали одну добрую женщину, на которую можно было бы вполне положиться, и пусть бы она пеклась о ваших малютках в продолжение вашего трудового дня, а вы бы потрудились отработать за нее в поле на ее полосе. Ведь есть же такие сердобольные женщины в каждой деревне: если уж самим вам нельзя дома остаться, то, по крайней мере, не поручайте детей кому попало: ведь целым миром нетрудно сжать одну полосу бедной женщины-соседки, а между тем ваши детки будут ею накормлены и прикрыты с материнской любовью. Сумейте только выбрать такую добрую труженицу, а если одной мало, то и двух. Смотрите, говорит Спаситель, не презирайте, не оставляйте без попечения малых сих, чтобы за них не пришлось отвечать Отцу Небесному! Аминь.

581. Отголоски древнерусской проповеди против пьянства

Были ли на Руси такие блаженные времена, когда не знали бы никакого одуряющего питья, когда не слышали бы, что такое вино, что такое пьянство? Увы, кажется, что нет! Ведь еще великий князь Владимир, наше Красное Солнышко, заметил, что русскому человеку трудно отказаться от вина, что "Руси есть веселие пити". И как бы хорошо было, если бы русский человек пил только для "веселья": выпил бы одну-две чашицы, одну — во здравие, другую — для веселья, и только. Но нет: ему, на великое горе его, не веселье нравится, а безумное опьянение, он пьет и упивается, пока скоту не уподобится.

И вот от самых древних времен, с первых дней христианства на Руси уже раздается грозная проповедь пастырей Церкви и святых подвижников против пьянства. Послушаем, как наши древние проповедники обличали пьянство в своих простых, но сильных и близких к жизни поучениях.

Так, преподобный Феодосий Печерский больше трех чашиц не позволяет пить: "а и сами, говорит он, в писании (в житиях святых) пытайте, како ти Богородица к святому Василию рекла: аще Мя заступницу в бедах иметь хочешь, друг Ми любимый будешь: пития многа отвергнися и не молитвуй пьян — не будеши услышан, но и паче разгневиши Бога". Далее преподобный Феодосий, изобразив пьяного, который не может держаться на ногах и ползает на коленях, делаясь для всех посмешищем, говорит: "Иереи

сотворят молитву над бесноватым и проженут беса, а над пьяным аще бы со всея земли сошлись попове и творили молитвы, того не "смогут прогнати самовольного беса запойства злаго".

В поучении о том, как жить христианам, говорится: "Когда человек поднимает что-нибудь через силу, то сам себе вредит: вот так же вредит и лишняя пища и питье: телу приносит немощь, а душе пагубу. Избегайте пьянства. Апостол Павел говорит: «не упивайтесь вином»; много зла во многом питии. Ради смрада пьянственного отступает от человека его Ангел Хранитель, а бес приходит и сеет в сердце всякую злобу; оттого и происходят ссоры, гнев и брань. В пьяном виде открываются все тайны, и многое питье мало дает смысла. Берегитесь вы, которые любите выпить: как бы вам не погибнуть, а по смерти не попасть в муку вечную".

В одном древнем слове о праздновании дня Воскресного говорится: "Питие на веселие дано, а не на пьянство; а мы, когда начнем пить, то и в церковь уже нейдём, и рады бываем захлебнуться вином. Но что отвратительнее пьяного? Он сидит как безумный, не зная что делает. Если уже и тело наше так страдает от многого питья, то коль паче губим мы душу! Слышите, что говорит Писание? «Кому свары? Кому сини очи? Кому сокрушение вотще? Не пребывающим ли в вине и назирающим, где пирове бывают?» О братья! Зачем мы так губим свои души, живя по-скотски? Иной несчастный всю ночь проводит без сна, пьёт, пляшет и творит много всякого зла. Он потерял свой ум, сам не знает, что творит, не знает, что и говорит. Сколько наговорит постыдного — и не стыдится, пристаёт к чужим женам и говорит много такого, чего никак бы не стал говорить трезвый. Это ли не заслуживает горьких слез? Ах, какое это отвратительное зло — напиваться до беспамятства! Братья мои! Убойтесь муки вечной, перестаньте пьянствовать! Ведь если кто умрет в таком виде, пьяный, то осужден будет с идолопоклонниками в огонь неугасимый".

Так убеждает неизвестный проповедник своих слушателей. А вот выписка из слова, приписываемого в старых наших рукописях святому Иоанну Златоусту: "Приидите, братья-христороубцы и отцы; пока мы еще живем на этом свете, оставим худые свои привычки; кошунство, игры, ночные попойки. Многим злым и скверным делам научает нас диавол в пьянстве, а наипаче в ночных попойках. В такое-то время бесы особенно возбуждают в нас похоть блудную. Ведь пьяный, потерявший ум, подобен бывает бесноватому: как тот сам не знает, что говорит, не знает, что делает, только кричит без ума, скривляет глаза, лает, как пес, срамословит, бесстыдно обнажается и знать не хочет родителей, так и пьяница. Разница только в том, что первого мучит бес Божиим попущением, а последний сам себя отдаёт бесу, беснуется по своей собственной воле. Поэтому справедливо божественные книги говорят, что пьяный хуже бесноватого. Враги наши бесы, когда мы теряем ум в пьяном виде, смело приближаются к нам, как к своим пленникам, и одного поучают к ссоре, в другом разжигают блудную страсть, а иного доводят до драки. Итак, умоляю вас, братья: берегитесь пить

вино, чтобы ума не погубить и не впасть в руки врагов наших. Ведь и мертвец подивился бы такому чуду, если бы пьяный сохранил себя от греха. Пейте вино со страхом Божиим, умеренно, и стерегите час молитвы. Молитесь Богу вечером, утром и в полдень. Умоляю вас, братья, всячески берегитесь пьянства и всякого бесчинства".

Святой Златоуст говорит: "Кто весь день проводит в пьянстве и в объедении, тот находится в рабстве у дьявола. Если ты молод, то избегай вина, как змея. Если и в гостях придется тебе быть и если даже станут там угощать тебя с закланием и с поклонами, не обращай никакого внимания на эти заклания и поклоны. Сатана часто поучает, чтобы принуждали юных пить вино, он хорошо знает, что вино нас отводит от Бога. Разве не знаешь ты, сколько зла происходит от объедения и пьянства? От него и бесчинный смех, и слова непотребные. Или не знаешь, что пьянство есть отец уныния и радость для дьявола?"

Вот еще несколько выписок из одной древней рукописи: "Пьянство многих загубило, многие души от тела разлучило. Многих лишило оно святого покаяния, отлучило от Святого Причастия. Сколько от него погибло людей внезапной смертью, сколько лишилось Христианского погребения! Оно препятствует размышлять о полезном, гонит прочь всякую мысль о духовном. Оно отгоняет из сердца страх Божий и помрачает разум в человеке. Оно изгоняет святое смирение из души и скромное молчание обращает в велеречие. Оно надмевает гордостью и обнаруживает тайну, дотоле хранимую. Оно лишает богатства и поселяет в дом убожество. Оно снимает с человека последнюю его одежду и облекает в рубище. Оно делает тело его дряхлым, лицо опухшим; помрачает его ум излишней склонностью ко сну. Оно препятствует идти в храм Божий и широко растворяет двери в корчемницу. Оно не дает человеку читать полезные книги, а располагает его к празднословию и кощунству. Оно возбраняет хранить пост и творить поклоны, зато учит плясать и делать все, угодное дьяволу. Оно уничтожает бодрость духа и умножает леность, слабость и уныние. Пьяница, если и рано встанет, идет мимо церкви Божией и спешит в кабак, чтобы там пропить с себя последнюю рубашку. Из уст его исходит зловоние, а руки — он и сам не знает, когда их умывал. Водку он пьет с такой жадностью, что едва не проглотит саму чарку. Он готов есть и соленое, и кислое даже из сосуда нечистого. В кабаке — вся его радость, все его утешение.

Через меру вино пить — значит себя губить. Мудрый меру эту знает: он выпьет одну чашицу, ей себя подкрепит и затем больше пить себе не позволяет. А безумный пьет без меры и через то наживает себе всякие болезни. Мудрый встает рано и в церковь Божию спешит, а безумный встает поздно и скорее спешит заглянуть в сткляницу: не осталось ли там вина? У мудрого и жена, и дети живут безбедно и занимаются рукодельем, а у безумного они умирают с голоду. Мудрый пропитывает себя с избытком и даже откладывает в запас; а безумный и последнее пропивает, и заставляет жену и детей работать сверх сил. Мудрого каждый уважает и, когда он идет

мимо, все ему кланяются; а безумного все зовут пьяницей, все стараются отогнать его от себя подальше. Его и в дом к себе боятся впустить, от ворот гонят прочь, смотреть на него не хотят, все над ним смеются. Само имя его становится бранным, никто ни в чем ему не верит и в долг не дает. Никто его и ночевать к себе не пускает, и он валяется в грязи. Жалким образом он кончает свою жалкую жизнь, и память его погибает с шумом".

Эти поучительные строки писаны лет пятьсот-восемьсот тому назад, но как они идут к нашему времени! Видно, ужасный порок пьянства искони был распространен на Руси, и не было времени, когда не было бы у нас пьяниц несчастных. Но в древние времена все же не слыхивали о пьяницах женщинах, о пьяницах детях. А теперь и это стало не редкость. Малютка в пять-шесть лет уже знает вкус в водке, в семь-восемь лет уже напивается допьяна: слыханное ли дело такое уродство в древние времена? А в наше время отцы — сами отцы родные! — учат малюток пить водку: кто бы поверил этому в старину? Кто не назвал бы такого отца безумцем, развратителем собственного детища? А теперь и это стало возможно! Господи, Господи, до чего мы дожили! Что же еще дальше-то будет? И подумать страшно, читатели мои...

582. Смирись, гордый человек

«Приидите ко Мне, еси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое (но не иго гордости и возношения) на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11; 28, 29).

Нигде не найдешь ты покоя, человек, как только в смирении, и не испытываешь такого смущения, как в гордости. Если хочешь иметь покой и тишину, то будь смирен; а если не так, то в молве и смущении, в скорби и печали изнуришь жизнь свою и всегда будешь подвергаться падению. Пред всеми смирайся — и будешь возвышен Господом. Мало пользы от того, что станешь сам превозноситься, а не Бог возвысит тебя. Твое превозношение есть отпадение от Бога, а возвышение от Бога совершается Его благодатью. Если ты станешь сам возноситься — Бог унизит тебя, а будешь смиряться — Бог возвысит тебя. Но и при таком возвышении будь, однако, смирен, и Господь возвысит тебя на всю вечность. «Смиритесь пред Господом, и вознесет вас» (Иак. 4; 10) — говорит Апостол. Помни образ смирения: плоть твою ты получил из земли и в землю отойдешь опять. Сам себя ты не призвал к жизни и не знаешь, куда переселишься от этой временной жизни. Будь же смирен, чтобы с Пророком всегда говорить: «Господи, не надмевалось сердце мое и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недостижимое» (Пс. 130; 1). И еще: я «червь, а не человек, поношение у людей и презрение в породе» (Пс. 21; 7). Ибо как тебе не смиряться, когда ничего не имеешь от себя самого? Как тебе превозноситься, когда без

Божией помощи ничего не можешь сам сделать доброго? Так смиряйся, как смиренным Бог сотворил тебя. Бог сотворил тебя смиренным, а ты превозносишься! Бог попустил, чтобы без Него не мог ты ничего сделать доброго, а ты себе все приписываешь и превозносишься собою! «Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» (1Кор. 4; 7) — говорит Апостол.

Смиренно думай, смиренно мудрствуй, смиренно делай все, чтобы не спотыкаться на всяком пути. Помни, откуда взялись у тебя тело и душа. Кто сотворил их и куда пойдут опять, и про себя сознавай, что ты весь — прах. Вникни в себя и познай, что все в тебе суетно. Кроме Господней благодати ты — ничто, словно трость пустая, дерево бесплодное, трава сухая, годная только на сожжение, сосуд греховный, пространноеместилище для всех скверных и бессловесных страстей. Ничего не имеешь сам по себе доброго, ничего богоугодного, только грех и преступление. Не можешь ни одного волоса сделать белым или черным (Мф. 5; 36).

Не возносись саном, если имеешь его, ни старшинством: там будут смотреть не на сан, а на любовь к добродетели: не на величавость, гордость и знатность, а на кротость и смирение. Ибо не в гордости и величии, но «в унижении нашем вспомнил нас Господь и избавил нас от врагов наших», говорит Пророк (Пс. 135; 23, 24). Весьма многие, здесь незнатные, там явятся знатными. А здесь славные и честные там будут в великом бесчестии; благородные этого мира там окажутся отверженными, а хунородные — принятыми; гордые и превозносящиеся — с бесами, а смиренные — с Господом. Там нет лицепрития, как бывает здесь: там Господь каждого поставит в Своей праведной и верной мере.

Итак, гонись за смирением — и будешь возвышен Самим Господом. Насколько велик твой сан, настолько имей и смирения. Насколько люди почитают и славят тебя, настолько считай себя бесчестным. Не превозносись какой-либо добродетелью, чтобы Бог не отвергнул тебя. Не думай, не говори: "Я сделал это, я сделал то", чтобы все твое добро не рассыпалось внезапно перед твоими же глазами. А если что сделал доброе, говори: "Не я, но благодать Господня со мной". Наше спасение — не столько в исправлении нашем, сколько в милости Христовой. Богу все приписывай, чтобы и Он во всем добром был тебе скорым помощником. Не желай старшинства и никакой чести на земле и не считай себя честным и достойным во всем, но лучше почитай себя хуже всех. Тогда будешь честен и достоин, когда признаешь себя малым, тогда только и будешь чем-нибудь, когда будешь считать себя за ничто. Господь показал тебе Свой образ смирения: Он смирил Себя, будучи послушлив даже до смерти, смерти же крестной. От смирения рождается послушание, от гордости же — пререкание и непокорство.

Нечем гордиться тебе, человек: ничего хорошего не имеешь ты сам по себе, ничего нет у тебя своего. Был ли ты когда прежде в этом мире? Не был. Знаешь ли, когда мать зачала тебя в утробе? Или ты своим промыслом родился? Постигаешь ли, к какому концу ты придешь? Если же всего этого

не знаешь и не постигаешь, то зачем напрасно не в своем, а в Божием гордишься? Будь же смирен и благоразумен. Если люди приписывают тебе что доброе, относись все это к Богу, ибо от Него все, Он сотворил все. От тебя, без Божией помощи, может происходить не добро какое-нибудь, а всякое зло, так как ты в беззакониях зачат, и во грехе родила тебя мать твоя (Пс. 50; 7). Как ветви без корня не могут ничего производить от себя: так и ты ничего доброго не пожелаешь и не сделаешь без Божией благодати. Господь есть корень, а ты ветвь: доколе можешь делать что-либо богоугодное, пока пребываешь с Богом, а когда от Бога отступишь, то попадешь во всякое зло. «Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Господе» (Ин. 15; 4), ибо Сам Господь говорит: «без Мене не можете творить ничесоже. Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж» (Пс. 126; 1).

Старайся и трудись в добре, но на себя не полагайся, а молись Богу всегда и усердно ищи помощи Его. Если поможет тебе, дело совершится; если же нет—все рассыплется. Если бы что твое и представлялось добром, а Господу будет неприятно, то какая польза тебе? Если бы в твоём превозношении и захотел ты чем-нибудь похвалиться пред Господом, а Он не примет того, чем поможешь себе? Не скажет ли тебе, как в евангельской притче: «друг! Я не обижаю тебя.. возьми свое и пойдешь» (Мф. 20; 13,14). Если ты считаешь себя чем-нибудь, то ты пред Ним — ничто. Если ты признаешь себя разумным и на что-нибудь годным, то потому самому ты вовсе ни на что не годен. Если ты считаешь себя чистым и праведным, то оттого пред Господом ты являешься еще окаяннее и грешнее всех людей. «Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем», говорит Соломон (Притч. 16; 5). Потому будь смирен, сознавай свою немощь. Помни, что все — Божье, а не наше, все от Бога, а не от тебя. «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов», — говорит Апостол (Иак. 1; 17). Помни, что все — в милости Христовой, а не в твоей силе и власти. Знай, что без Божией помощи ты готов на всякое зло, что без Его благодати все твои исправления — словно паутиная сеть. Не будь же горд и самомнителен, чтобы не уподобиться бесу. Бес отпал от Бога тем, что себе все приписывал, а не Богу, сотворившему все. Потому и отпал от всего и лишился благодати Господней. Без смирения ты — ничто пред Богом. А во смирении возрастает и всякая добродетель.

Не высокоумствуй о себе, не думай, что ты превзошел других своим умом и мудростью и можешь все объять, но подумай, как велик мир и все концы земли, в которых находится несчетное множество достойных всякой славы и чести лиц, которых благодать Пресвятого Духа пречудно умудрила, которым ты не подражал, и которых ты даже не знаешь, и разумом постигнуть не можешь, какое бесчисленное множество тысячами тысяч превосходит тебя. Бегущий думает, что бежит скорее всех; когда же присоединится к другим бегущим, тогда сознает свою немощь. Вот тебе мера

смирения: когда будешь лучше всех, признавай себя хуже всей твари, всякого создания. Считай себя хуже всех, чтобы Господь признал тебя лучше всех. Что такое смирение? Смирение есть познание самого себя и самоуничижение. И праведно признавать себя ничем: ведь ты и сотворен из ничего. И не считай себя чем-либо, ибо нет у тебя ничего собственного, своего. Сотворены мы из ничего и не знаем, куда пойдем и как Господь устроит нас. По воле Господней мы рождены и потом обратимся в смрад, прах и пепел, а душа наша будет устроена, как знает Сам Господь, всех Творец и Зиждитель.

Пусть придут все земнородные, и пусть рассуждают все мудрецы и удивятся Божиим чудесам: как дивен Господь, как силен, как милостив и праведен в советах, паче всех сынов человеческих. Он создал человека, и от него ничего не требует, только разума правого и покаяния истинного, чтобы, познавая благодеяния Его, прилеплялся к Нему любовью и, сознавая себя ничем, всегда пребывал смиренным, за все благодарным и славословящим.

(Из Творений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

583. Богу нужно наше сердце

Все возможно Богу всемогущему. Только ты всем сердцем пожелай себе спасения, а Он уже спасет тебя, имиже Сам весть судьбами. Потому и говорит Он в святом слове Своем: «даждь Ми, сыне, твое сердце» (Притч. 23; 26). Скажешь: немощен я духом и телом?". Но слышишь, что Сам Господь глаголет апостолу Павлу, который тоже жаловался на свои немощи: "Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя в немощи совершается" (2 Кор. 12; 9). Или скажешь: уж очень я грешен, вся жизнь моя была отдана греху, я послушный раб страстей моих? Но вот апостол Павел уверяет тебя, что, где особенно усиливается грех, там-то и проявляет себя во всей славе всепобеждающая любовь Божия, всемогущая благодать Господня. Только бы ты сам взыскал ее, только бы всем сердцем обратился к Господу с покаянием, а Он придет к тебе на помощь, Он примет твое исповедание сердечное, как принял покаяние Петра, который отвергся от Него, как принял покаяние многих грешников. Он Сам зовет нас к покаянию, зовет неисповедимыми путями, только бы мы внимали гласу Его.

Кто был апостол Павел до своего обращения? Сам он свидетельствует о себе, что он был "хулиитель и гонитель и обидчик" (1 Тим. 1; 13); не зная учения Христова, он со слов фарисеев считал учеников Христовых нечестивыми нарушителями закона Моисеева, которому он был предан всей душой. Когда святого первомученика Стефана повлекли на убиение, юноша Савл (так звали прежде Павла) не только не пожалел невинного страдальца, но и одобрял убийство и, стоя невдалеке от места казни, стерег одежды убийц, которые сняли с себя плащи, чтобы удобнее совершить кровопролитие. Вид этой страшной расправы разгорячил молодое сердце

Савла; ему захотелось то же самое сделать и с другими христианами. Я думал, говорит он, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея. Это я и делал в Иерусалиме: получив власть от первосвященников, я многих святых заключал в темницы и, когда убивали их, я подавал на то голос. И по всем синагогам и многократно мучил их и принуждал хулить Иисуса (Деян. 26; 9-11). Я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал ее, и преуспевал в иудействе более многих сверстников моих, будучи неумеренным ревнителем моих отеческих преданий" (Гал. 1; 13,14).

Таков был Павел, пока Господь не благоволил призвать его к апостольскому служению. И вот этот гонитель Церкви идет в Дамаск, восточный город, с теми же полномочиями от первосвященников, чтобы и там преследовать учеников Христовых. Думал ли он, что сам придет в Дамаск послушным учеником Христовым? Но так судил Господь, и Его всемогущая благодать внезапно претворила этого жестокого гонителя Церкви в ревностного распространителя учения Христова.

Он уже приближался к Дамаску, как вдруг осиял его с неба свет паче солнечного. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: "Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?" Ужаснулся Савл, затрепетало его сердце, но он мог еще собраться с силами и спросить: "Кто Ты, Господин?" Господь отвечал: "Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна". Трепещущий Савл еще дерзнул спросить: "Господи, что повелишь мне делать?" И Господь ответил ему с неба: "Встань и иди в город; там сказано будет тебе". И он встал и с открытыми очами ничего не мог видеть, потому что ослеп. Спутники взяли его за руку и привели в город. Они сами были в трепете, потому что слышали голос, но ничего не видели.

В Дамаске был ученик Христов до имени Анания. Ему явился Господь и сказал: "Анания, пойди в такой-то дом и спроси там Савла, родом из Тарса". Анания отвечал: "Господи, я слышал, что этот человек пришел сюда вязать христиан и отдавать под стражу". Но Господь ответил: "Иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое пред народами, и царями, и сынами Израилевыми. И Я покажу ему, сколько сам он должен пострадать за имя Мое".

Анания исполнил волю Господню: пошел к Савлу, возложил на него руки, исцелил от слепоты и затем просветил его святым крещением. Точно другим стал после этого Савл: он тут же стал проповедовать в иудейских синагогах об Иисусе, что Он есть воистину Сын Божий, Христос, Спаситель мира, так что все дивились и не верили своим глазам, зная наверно, что пред ними тот самый Савл, который пришел в Дамаск, чтобы преследовать Христово учение, а не прославлять Христа.

Нечестивые иудеи скоро составили против него заговор, чтобы убить его; но Господь спас его и послал проповедовать святую веру христианскую во все страны, так что весь тогдашний мир узнал Савла, который переименовал свое имя на Павла и с этим именем прославляется Церковью как один из первоверховных апостолов.

Повествуя о своем обращении, сам апостол Павел замечает: "Я не воспротивился небесному видению". Это значит, что он не стал противиться призывающей его благодати Божией, и вот что сделала с ним эта всемогущая благодать. Он противился воле Божией только до тех пор, пока не знал ее; мало того, он думал, что, преследуя христиан, он служит Богу, преследует врагов своей веры, которых почитал врагами Божиими. Он охотно пошел вслед истине Христовой, лишь только она просияла перед ним. Господь смотрит на сердце человека. Он видел в сердце Савла искреннее желание послужить Ему, видел, что Савл готов на все ради Господа, только не ведает пути истинного, и вот Господь милостиво снисходит к его неведению и указывает ему этот путь.

А книжники и фарисеи шли открыто против Христа Спасителя, шли по злобе, не хотели и слышать Его божественного учения, не хотели и видеть Его дивных чудес, потому и благодать Божия не нашла доступа к их гордым сердцам и они погибли в своем упорном сопротивлении учению Христову.

В самом деле, сколько чудес, самых поразительных, совершил пред их очами Господь наш! Вспомните только воскрешение Лазаря: это ли не чудо Божия всемогущества? И это дивное из чудес совершено было открыто, перед множеством людей, его не могли скрыть сами враги Христовы; но смотрите, что они умышляют? «Совещаша архиереи, да и Лазаря убьют, яко мнози его ради идяху от Иудей, и вероваху во Иисуса» (Ин. 12; 11). Послушайте, что их особенно беспокоит. «Что сотворим! — рассуждают они, — яко Человек сей многа знамения творит» (11; 47). Вот до чего может дойти злоба человеческая, вот как может она ослепить человека! Сами чудеса в их глазах теряют свою силу: они смотрят на них как на обыкновенные дела человеческие, как будто и сами они легко могут их совершать. Казалось бы, простой здравый разум должен был их предостеречь: что вы делаете? Кто может творить такие чудеса, кроме Бога? Смотрите, не идете ли вы против Самого Господа? И конечно, совесть их, хотя робко, но говорила это, и все же они ничего не хотели знать и шли против Христа Спасителя. Что же после этого могла сделать для их обращения благодать Божия? Ведь и Бог насильно не спасает; если ты хочешь и ищешь спасения, то Он готов спасти тебя, а если ты упорно сопротивляешься благодати Божией, зовущей тебя ко спасению, то и она не будет насиловать тебя: погибай, если не хочешь спастись.

Вот почему и погибли книжники и фарисеи: они и не думали о своем спасении. Не таков был юный Савл, он о себе не думал, он об одном заботился: как бы Богу послужить. Зато вот Господь и соделал его сосудом избранным, первоверховным своим апостолом.

Не отчаивайся и ты, брат возлюбленный, как бы ни были велики твои грехи, лишь бы было с твоей стороны самое искреннее желание спастись, лишь бы всем сердцем возненавидел ты грех и обратился к Господу с воплем покаяния: "Иисусе Сладчайший, призови мя, унывающего, как древле Павла, гонящего Тя!" И Он призовет тебя, Он подаст тебе силу сопротивляться

греху, который овладел тобой, и укажет тебе путь спасения. Да Он уже и зовет тебя, прислушайся к голосу твоей совести, не ясно ли слышится в ней отечески вразумляющий упрек: подумай, человек, что ты делаешь? Зачем идешь против заповедей Моих? Что пользы тебе от того? Савле, Савле, что Мя гониши? Зачем ты гонишь благодать Мою из души твоей? Ведь ни в чем и нигде не обрести тебе покоя, кроме смиренного послушания воле Моей, так зачем же напрасно трудишься, ищешь какого-то счастья в греховных удовольствиях? Не найти тебе там, чего ищешь. Трудно тебе противу рожна прати.

Счастлив тот, кто внимает гласу сему: Господь не оставит его Своей милостью. Кто не хочет себе погибели и ищет спасения, того Господь спасет, непременно спасет и помилует, имиже весть судьбами. Аминь.

584. Юный постриженник

Рассуждение — дар бесценный; по словам преподобного Иоанна Лествичника, оно состоит в том, чтобы точно и верно постигать Божественную волю во всякое время, во всякое месте и во всякой вещи. Оно пребывает в одних только чистых сердцем, телом и устами. Оно рождается от послушания и смирения, после великого подвига в совершенном отсечении своей воли и разума.

Тем более достойно удивления, что преподобный Сергей сподобился этого дара от юности: так чисто было сердце его, так была смиренна и проста его прекрасная душа. Горячо желал он облечься в ангельский образ, однако не спешил с исполнением своего сердечного желания. Он почитал неосновательным делом связать себя обетами монашества, прежде чем приучит себя к строгому исполнению всех уставов монашеской жизни. Только тогда, когда он достаточно испытал себя во всем этом, он стал усердно просить Господа, чтобы удостоил его столь давно желанного ангельского образа.

В одной из обителей близ Радонежа жил смиренный старец-игумен по имени Митрофан. Варфоломей попросил Митрофана прийти к нему в пустыню и несказанно обрадован был его посещением. Он встретил игумена как дорогого гостя, Самим Богом посланного, и усердно просил его пожить с ним сколько-нибудь в его келье. Добрый старец охотно согласился на это, и Варфоломей, взирая с благоговением на добродетельную жизнь его, прилепился к нему всей душой, как к родному отцу.

Спустя немного времени блаженный юноша в смирении склонил голову перед старцем и стал просить его о пострижении.

"Отче, — так говорил Варфоломей, — сотвори любовь ради Господа, облаки меня в чин иноческий; возлюбил я этот чин от юности моей и с давнего времени желаю пострижения!" Не стал противоречить старец-игумен его благочестивому желанию; он пошел немедленно в свой монастырь, взял

все, что нужно было для пострижения, и вместе с несколькими братьями возвратился к отшельнику.

7 октября 1342 года в убогой церкви пустытника совершилось пострижение двадцатитрехлетнего юноши. В этот день Церковь празднует память святых мучеников Сергия и Вакха: по обычаю того времени Варфоломею и было дано имя Сергий. Окончив обряд пострижения, Митрофан совершил Божественную литургию и приобщил нового инока Святых Христовых Таин. И исполнился благодати Святого Духа новопостриженный, и повеяло в церкви неизреченным благоуханием, и распространилось это дивное благоухание даже за стенами храма пустынного. Так впоследствии рассказывали об этом событии сами свидетели этого чуда, прославляя Бога, превозносящего угодников Своих.

Семь дней новопостриженный Сергий провел неисходно в своей церкви; каждый день старец-игумен совершал Божественную литургию и приобщал его Святых Христовых Таин, и во все эти семь дней Сергий ничего не вкушал, кроме просфоры, даваемой ему от постригавшего. Чтобы сохранить бодрым и неразвлеченным ум свой, Сергий уклонялся в это время от всякого поделяя; с его уст не сходили псалмы и песни духовные; утешая себя ими, он славословил Бога. Ликовала тогда душа Сергиева и горела Божественным огнем.

Семь дней протекли как один день; настало время Сергию расстаться со старцем-игуменом. "Вот, отче, — с тихой грустью сказал тогда юный иннок своему отцу евангельскому, — ты уже уходишь и оставляешь меня одиноким в этой безлюдной пустыне. Давно я желал уединиться и всегда просил о том Господа, вспоминая слова пророка: «се удалился бегая, и водворился в пустыни». И благословен Бог, не оставивший без исполнения молитвы моей; благодарю Его благодать, что не лишил меня этой милости: жить в пустыне и безмолвствовать. Ты уходишь отсюда, отче: благослови же меня, смиренного, и помолись о моем уединении! Вразуми меня, как мне жить теперь в одиночестве, как Господу Богу молиться, как избегать вреда душевного, как противиться врагу и помыслам гордыни, от него всеваемых? Ведь я еще новоначальный иннок, я должен во всем просить у тебя совета".

Подивился старец смиренномудрию своего новопостриженника: "Меня ли, грешного, вопрошаешь о том, что сам не хуже меня знаешь, о честная глава!" — сказал Митрофан. — Ты уже приучил себя к подвигу; мне остается только пожелать, чтобы Господь Сам вразумил тебя и привел в совершенную меру возраста духовного". Старец побеседовал с ним еще немного о разных случаях в жизни духовной и собрался в путь; Сергий припал к стопам его и еще раз, на прощанье, просил благословить его и помолиться за него. "Молись, молись, отче, — говорил он, — чтобы Господь послал мне силы противостоять брани плотской и искушениям бесовским, чтобы сохранил Он меня и от лютых зверей среди моих пустынных трудов".

"Благословен Бог, — сказал ему старец, и крепкая вера слышалась в его речах, — Он не попустит нам искушений выше сил наших; Апостол говорит

за всех нас: «вся могу о укрепляющем мя Господе Иисусе». Отходя отсюда, я предаю тебя в руки Божии; Бог будет тебе прибежище и сила, Он поможет тебе устоять против козней вражеских. Господь любит тех, кто благоугождает Ему; Он сохранит и твое вхождение, и исхождение отныне и до века".

В заключение своей беседы Митрофан сказал Сергию, что на месте его пустынножителства распространит Господь обитель великую и именитую, из которой пронесется слава имени Божия во все стороны. Потом он сотворил краткую молитву, благословил своего постриженника и удалился.

И остался Сергей один в своей излюбленной пустыне, остался без сподвижника, без наставника и без помощника, с единым Богом вездесущим и никогда не оставляющим тех, которые для Него все оставили, и светла была его добрая душа, проста и открыта благодати Божией, и Бог тайными внушениями Своей благодати Сам руководил молодого подвижника в его борьбе с искушениями, которые, по плану Божественного домостроительства нашего спасения, неизбежны и для самых чистых душ.

И поистине Сергей явился мужем «Богомудрым», как именует его Святая Церковь: проходя путем древних святых Отцов пустынников — первоначальников жития монашеского, он, подобно им, был умудряем не столько от людей, сколько от Бога Самого и, обогатившись небесным сокровищем мудрости Божественной, умудрял потом и других во спасение.

(Рассказ из Жития преподобного Сергия)

585. Каким перстосложением молились наши прадеды до патриарха Никона

Любят наши глаголемые старообрядцы (называющие себя старообрядцами) ссылаться на своих дедов и прадедов, когда идет речь о столь любимых ими якобы старых обрядах. Послушаем же, что говорят люди древних времен, наши прапрадеды, о том, какое было перстосложение у них до времен Патриарха Никона. Вот что пишет православный русский простолудин Иван Тихонович Посошков, живший при Петре I, родом москвич. Он не получил никакого школьного образования, но обладал замечательным природным умом, великою наблюдательностью, многими опытами и разнообразными талантами и изъездил всю Россию вдоль и поперек. Это был человек богобоязненный, благочестивый, истинный христианин. Свое свидетельство он заверяет даже такой клятвой: "Аще кто речет, яко аз сие известие вписах своим вымыслом... да приму и часть со лженачальником диаволом в вечном мучении". Что же он пишет? "Аще и грешен есмь паче всех человек, обаче любитель есмь правды. И видя правду отвержену и попрану, возжелах ю, елико Бог даровал есть, объявити. Буди всем сие известно, еже и аз изначала хромах недугом раскольничи болезни, и знаменахся двуперстным сложением, но не мудрствовах тако, яко

всесовершеннии раскольницы мудрствуют, глаголя, будто в том их двуперстном сложении все спасение. И тако мудрствуя, что все свое спасение заключают в сложении перстов, аз надеялся что это быти предание древнее. Но Бог не остави мя в неведении быти. Ибо, по смотрению Божию, вологжанин, посадской человек, жития своего имый вацще шестидесяти лет, до московского морового поветрия (а это поветрие было в самом начале царствования Алексея Михайловича, в 1645 году) родившийся лет за двадесять и вацщи (следовательно, около 1625 года), зовомый по прозванию Патрикиев, рече о себе, глаголя: "Аз на своем роду в сложении перстов нажил третью перемену: из младенчества моего (выходит между 1530 и 1540 годами) отец мой и матери моя учили меня креститься тремя персты, то есть троеперстным сложением. А незадолго до морового поветрия стали учить меня снова еже бы двома персты креститься, а ныне де паки по прежнему велят креститься тремя же персты". И то слышав, много уверихся, яко то есть правда. Понеже той человек бе не книгочей и не спорщик, но самый муж правдивый и постоянный, и не краснослов, и ни от кого о сем не наученный, но от самого простого сердца ту истину изъяви, не по вопрошению какову, но по разглагольству (в случайном разговоре) между иными. И это слышав, вельми возрадовахся. Ибо бысть мне оно весьма имоверо. И по Божию изволению, а не по моему хотению, не по мнозе времени учинися у мене о сложении перстов разглагольство (разговор), и в том разглагольстве стал я сказывати то, еже слышах от того вологжанина. И новгородец, посадской человек, нарицаемый Феодор по прозванию Ташлыков, имый от рождения своего вацщи семидесяти лет, и того вологжанина старее лет десятию или и вацщи (значит: родившийся около 1620 года), то мое слово слышав, рече: "То де правда, и мы де со младенчества (то есть между 1620 и 1630 годами) учены были креститься тремя же персты". И то слово слышав, я наипаче уверихся, яко то есть самая правда. И та беседа моя и разглагольство мое не ныне (Посошков писал свое сочинение в 1709 году), но близ двадесяти лет уже прейде (значит беседа была в 1690 году).

А ныне слышал я, что есть в дальних городах от Москвы, — и много таковых стариков еще памятуяют о сем, — яко изстари знаменалися в России троеперстным атожением, токмо аз в лице их не видех и словес от них никаких не слышах. Обаче аще и самое се древнее предание, еже знаменатися тремя персты; но за преумножение от диавола испущенных в мир лжеучителей изсяче от народа троеперстное сложение. И аще кто рече, яко аз сие известие от вышеупомянутых двух свидетелех вписах своим вымыслом, а не истинно от них глагол той изыде, то да прииму я часть со лженачальником диаволом в вечном мучении. И по тому достоверному свидетельству яве есть, яко троеперстное сложение в России не от Никона

Патриарха началось быти, но издревле. Посему не Никоново сие законоположение, зане вси православнии народи, греки, сербы, во-лохи, мылтане, молдавы, грузинцы, меретийцы и малая Россия, киевляне и вси черкасы, и в венецейстей земли обретающиеся благочестивой веры

христиане — все одинаково и неизменно из самой застарелости знаменаются троеперстным сложением. А дуперстным сложением знаменаются только отпадшие от правоверия еретицы Армении да наши российсти раскольницы. А по всему сему яже есть, яко в нашу Россию сей плевел всеял только враг не гораздо в давних летех. А посему яже есть, яко издревле в России знаменались с прочими православными странами единогласно тремя персты." Так пишет Посошков. Из этого видно, что в самом начале патриаршества Филарета Никитича, в 1630 годах, наши прапрадеды сами крестились и детей своих учили креститься троеперстно, и только при Патриархе Иосифе стали учить снова, еже бы двома персты креститься. То же самое читаем мы в повести иеродиакона Гурия, который описал жизнь святителя Питирима Нижегородского, а также о монахе Нифонте и отце его: "Монах Нифонт, из Костромских пределов, приведе отца своего, именем Евсевия. Глаголаше же Нифонт: "Отходящу ми, рече, от дому своего на дела каменного строения, и склонен стал от керженских чернцов в раскол. По времени же в дом пришед, и отца своего много убеждая и устрашая, яко в погибели при Церкви пребывающа сказуя и спастися невозможно тем, которые тремя персты крестятся, печатаю антихристовою тое сложение нарицаю и прочая. Чим уstraшенный оный от сына отец глаголаше ему: "Так от своего отца научен тремя персты креститься, а сие новое первые я слышу, и все у нас людие тако персты три слагают". Но он, сын его, много глаголя неправо быти тое содержание, на что склонен стал быти отец, но глаголя ему: "Послушал я тебе, сыне, да не как бы и паки не стал ты разучивати! А мы старое все держали". И когда Питирим обрати Нифонта монаха от раскола, тогда той Нифонт воспечаловал о своем отце, поиде к нему в дом, и стал своего отца паки учить, и о сложении трех перстов православное и древнее святых апостолов и святых отцов предание Восточные Церкви сказуя. Тогда, яко укоряя отец сына, сказа: "Не рех ли тебе, сыне, чтобы и паки разучивати не стал ты! То есть, по-моему и сталося. Слава Богу, что по старому тремя персты стали мы креститься!" И поиде с ним, сыном своим, в Успенский Белбашской монастырь, бысть монах и, добродетельно пожив, скончался о Господе в лето 1710, пожив всех лет 94. По этой повести выходит, что Евсевий, скончавшийся в 1710 году, родился в 1616 году, и сей-то инок говорил сыну: "Я тако от своего отца научен тремя персты креститься, а сие новое (креститься дуперстно) первые я слышу, и все у нас людие тако персты три слагают". Это было в Костромских пределах. В том же сказании Гурия, в "Повести о Кодратии Тимофееве", Гурий пишет: "В Нижнем Новгороде бе человек, ковач меди, имя ему Кодратий Тимофеев. Сей сын Святыя Церкви бяше, но раскольническою прелестию развращен бе, и твердо в том расколе стояще. По отхождении же с знаемым Питирима монахом (самим Гурием, писавшим сие сказание) беседоваше о сложении трех перстов, оный же монах показоваше быти сей обычай древний. Тогда на правый той глагол склонися и таити не возмог оный Кодратий, но тому монаху глаголати начат просторечно сице: "И я,

отче, правду тебе скажу. Бысть у меня дед в сем же Нижнем граде живя, той дед сказоваше мне, что было де время, брали меня и с женою моею того Нижнего града в Духовный приказ, и спрашиван был, которыми персты крещуся, что де и старуха сказали: "Треми персты крестимся". За то сказание троеперстное содержаны были мы в том Приказе некое время, и по многом прошении взята у нас подписка, чтобы не крестилися теми тремя персты, но повелеша двумя персты по новому креститися, и испущены стали от того Приказу". Знатно сие, что в лета Иосифа Патриарха, по напечатании в книгах о сложении двуперстном, указами подкрепляху обычай, троеперстный истребляюще, новый же вводящи. И когда в дом свой пришли, дед мой до конца жизни троеперстным сложением знаменашеся. Той Кодратий бысть лет семидесяти, сие сказуя в лето 1715. Сей Питиримов монах, иеродиакон Гурий, от него самого Кодратия слышаше и по присяжной должности (то есть, по священству) слышанная сия написал есмь...". Так вот что говорят наши прапрадеды о троеперстном сложении: это перстосложение было общеупотребительным даже незадолго до появления раскола, во времена Патриарха Филарета Никитича. Можно по этому судить, как клеветуют расколоучители на святителя Никона, когда говорят, будто он выдумал и ввел это перстосложение! Ясно, что он только восстановил древнее перстосложение и никакого нового не выдумывал.

586. Без примирения нет и спасения

Кто ближнего не любит, тот Самого Бога не любит; кто оскорбляет человека, тот оскорбляет Самого Бога, потому что Бог запретил Его оскорблять. Хочешь с Богом примириться? Примиришься прежде с ближним своим и только тогда проси милости у Бога. Напрасно и молится тот кто, не примирившись с ближним, приступает в молитве к Богу. Сам Господь говорит: «аще убо принесеши дар твой ко олтарю и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой» (Мф. 5; 23-24).

Смотри, христианин, как нужно нам примирение с ближним: Бог не приемлет от нас ни покаяния нашего, ни молитвы, пока не примиримся с ближним нашим. Итак, скорее мирись с ближним: смерть невидимо за нами ходит и нечаянно нас похищает. Что станет с человеком, если она похитит его во вражде с ближним? С чем он явится пред судом Христовым?

Умел ты, возлюбленный, оскорбить своего ближнего: умей же с ним и примириться. Не медли в таком важном деле, не отлагай до утра: ведь ты не знаешь, дождешься ли завтрашнего дня. Бог обещал кающимся милость Свою, но не обещал завтрашнего дня. Сломи себя, сокруши в своем сердце идола гордости и поклонись со смирением своему ближнему, которого ты оскорбил. И когда будешь ему кланяться телом, то кланяйся и сердцем; будешь просить прощения устами, проси и сердцем; каешься языком, кайся и

жалей и сердцем; целуешься устами, целуйся и сердцем. Помни, что Бог смотрит не на наружность, а на сердечное расположение.

Скажешь: мне ли у него просить прощения: Я человек благородный, а он мужик? Но и он все же человек, как и ты; а у Бога, праведного Судьи, и благородный, и простой — все равны. Он как простому запретил оскорблять благородного, так и благородному — простого. Но посмотри во гробы предков твоих: там ты лучше увидишь свое благородство.

Или скажешь: он злой человек. Не твое дело это судить, и неизвестно еще, кто лучше: ты или он? Один Господь испытает и праведного, и нечестивого (Пс. 10; 5).

Скажешь ли: он не простит мне, хотя и буду у него просить прощения. Нет, смирение имеет такую силу, что и жестокосердых преклоняет, потому что через смиренных действует Сам Бог, Любитель смирения. Ты только смирись перед таким человеком и сам увидишь силу смирения. С любовью и радостью он обнимет и облобызает тебя. А если, паче чаяния, он этого не сделает, то уже сам будет виновен в своем несчастье.

Еще скажешь, может быть: он будет гордиться моим смирением. Неправда: видя твое смирение, он и сам смирится. Да если даже и будет гордиться, то все же непременно будет приведен к смирению, по слову Господню: «всяк возносяйся смирится» (Лк. 8; 14). Но оставь все отговорки свои; пусть он делает, что хочет, а ты делай то, что тебе полезно и нужно и что от Господа заповедано.

Скажу и тебе, брат мой, потерпевший оскорбление: прости своему оскорбителю! Неужели и ты скажешь: мне ли ему прощать. Ведь он знает, кто я и кто он? И он, и ты — оба вы грешники. А знаешь ли ты сам, кто ты, и кто Бог, пред Которым ты постоянно согрешаешь? Весь мир пред Богом — ничто, а если так, то что же пред Ним ты, как бы ты велик и высок ни был в глазах людских? И однако ты дерзаешь оскорблять Его своими грехами: суди же сам, что такое грех твоего ближнего перед тобой в сравнении с твоими грехами пред Богом? И ты, человек — человеку, грешник — грешнику не хочешь простить: какой же милости ждать тебе самому от Бога?

Скажешь: я ни в чем перед ним не провинился, он оскорбил меня без всякой причины. Правда, бывает, что нас оскорбляют без всякой причины. Но в чем перед нами виноват Бог? «Праведен Господь и несть неправды в Нем. Тебе, Господи, правда, нам лее стыдение лица» (Дан. 9; 7). И однако мы безумно и бесстыдно согрешаем пред Ним — и тем оскорбляем Его, просим милости — и получаем милость. Слава человеколюбию Его! Слава безмерным щедротам Его!

Итак, если желаешь получить от Бога прощение, то прости и сам согрешившему против тебя, перед которым ты, как говоришь, ни в чем не виноват. А может быть, и виноват: ведь очень трудно в обществе живущим не оскорбить друг друга как-нибудь. Друг другу согрешаем, друг другу и прощать должны.

Скажешь: он меня тяжело оскорбил. Но не может же быть оскорбление более тяжелое, чем какое было нанесено Христу, твоему Спасителю, Которого не только хулили, поругались над Ним, оплевали Его, заушали, били, вязали, терновым венцом венчали, но и ко кресту пригвоздили и, пригвожденного, хулили и умертвили. Кого же? Самого Сына Божия и Господа славы! Что же ты в сравнении с Ним и что твое оскорбление в сравнении с оскорблениями Его? На тебя еще не плюют, тебя еще не бьют по щекам, тернием не венчают. А Христос Господь все это с великой кротостью претерпел. За кого? За меня и за тебя, непотребных рабов Своих. И не только претерпел, но и молился за врагов Своих: Отче, отпусти им (Лк. 23; 31). Смотри же на это зеркало терпения и рассуждай, и тогда без сомнения простишь всякое оскорбление своему ближнему.

Но ты говоришь: я ему делал добро, а он мне отплатил злом за добро. Правда, тяжелое зло — платить злом за добро, но кто делает нам добра больше, чем Бог? И однако, несмотря на то, мы безумно согрешаем пред Ним. Вспоминая это, закрой лицо твое и скажи от всего сердца: согрешив, Господи, помилуй мя! Прощаю я ближнему моему, прости и Ты мне, непотребному рабу Твоему, который так много пред Тобой, Своим Создателем, согрешил!

Но ты говоришь: я уже много терпел от него. А вспомни, сколько ты от юности своей пред Богом согрешал, и Господь терпел тебя? А что бы было с тобой, если бы Бог поступил с тобой по правде Своей? Давно бы душа твоя сошла в ад. Поэтому как Бог долго терпел тебя и миловал тебя, так и ты поступай с ближним твоим.

Скажешь: знаю, что Бог поступает с нами милостиво, но ведь я немощный человек, я не могу так делать. Не можешь, а не хочешь; по водам ходить не можешь, а простить — какая трудность?

Так что же, хочешь мстить своему ближнему? Но это уже не немощь, а просто злоба. Вспомни, что заповедано христианам: «бывайте подражатели Богу, как чада возлюбленная» (Еф. 5; 1).

Ты говоришь: если я ему прощу, то он еще зло мне сделает. Это еще неизвестно. Но хотя и будет зло делать, пусть делает, что хочет, а ты делай свое, что тебе поведено и что нужно для твоего спасения. Он, если не исправится, получит по своим делам: «обидяй да обидит еще» (Откр. 22; 11). Или, может быть, скажешь еще: если я буду все прощать, то люди будут надо мной смеяться. Ты делай то, чему учит Евангелие, а не то, что и как говорят люди. Пусть смеющиеся смеются, но потом они будут горько плакать, хотя будет и поздно. Их же совесть обличит их.

Возлюбленный христианин, идет речь о важном деле, в котором — или вечное твое спасение, или вечная твоя погибель. Мы говорим о прощении грехов, о чем воздыхаем к Богу каждый день, но наши воздыхания и слезы бесполезны нам, когда сами мы не оставляем ближним нашим согрешений их. Вот в этом-то и скрывается лукавство и неправда сердца человеческого: человек хочет, чтобы Бог простил ему грехи, а сам простить не хочет.

Но это ли только заповедано нам, христианам? Нам сказано от Господа нашего: «любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгоняция вы» (Мф. 5; 44). Вот признак, по которому познается истинно христианская душа.

Но ты скажешь: невозможное дело — любить врагов и добро им творить. Неправда. Возможно же это было Давиду, который плакал о погибших врагах своих — Сауле и Авессаломе. А слезы о гибели врагов — явный знак любви к врагам. Возможно было и святому первомученику Стефану молиться за врагов своих, которые побивали его камнями: «Господи, не постави им греха сего» (Деян. 7; 60). Возможно было это и всем святым, значит — возможно и тебе. Ты человек — и они все были такие же, как ты, люди; ты немощен — и они такую же немощь имели. Если бы земной царь повелел тебе: или простить ближнему обиды его и даже послужить ему, или подвергнуться казни, — что бы ты лучше избрал: умереть или простить и послужить ему? Думаю, что ты согласился бы скорее на последнее. А вот Царь Небесный повелевает тебе не только прощать оскорбляющим, но и любить врагов, и добро творить ненавидящим, иначе вечная смерть грозит тем, кто не хочет слушать повеления Царя Небесного. Истинная добродетель состоит в победе над самим собой: делать не то, чего хочет греховная твоя природа, а то, чего хочет святая воля Божия, покорять свою волю воле Божией, побеждать благим злое, смирением — гордость, терпением и кротостью — гнев, любовью — ненависть.

Вот в чем состоит победа христианина, и она славнее всякой победы над народами: «не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое» (Рим. 12; 21). Этого требует от нас Бог. Христос Спаситель говорит: «аще бо отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный. Аще ли не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших» (Мф. 6; 14-15).

Видишь, христианин, как страшно — не отпускать согрешений ближнему. Отпускаешь ты — отпускает и тебе Бог, не отпускаешь ты — не отпускает и тебе Бог. А что такое ты сам пред Богом и что такое молитва твоя? Совершенно ничто! Гневаешься ты на ближнего твоего — за то и сам находишься под гневом Божиим. Но это великое твое бедствие зависит от тебя же самого, от того, что ты гневаешься и не прощаешь ближнему согрешений его. Правда, он согрешил перед тобой, но ведь и ты согрешил и постоянно согрешаешь пред Богом. Он твой должник, а ты должник Божий. Он у тебя просит прощения, а ты просишь у Бога. Ты молишься Богу: «остави нам долги наша, как и мы оставлем должником нашим». Когда ты прощаешь от сердца ближнему твоему, то ты молишься сердечно и истинно, нелицемерно произносишь слова этой молитвы к Богу. А когда не оставляешь от сердца ближнему, то и молишься ты только словом и устами, а потому лицемерно. Поэтому молитва твоя нисколько не пользует тебе, но даже и в грех обращается. Видишь, куда приводит человека гнев и вражда его?

Итак, победи себя, возлюбленный, и, отложив гнев твой, прости все ближнему твоему: тогда и молитва твоя будет нелицемерная, и подастся тебе оставление долгов твоих. Слово Божие верно, истинно и непреложно. Что Бог говорит, то так и есть на самом деле, как Он говорит, что Он обещает, то и исполняется; чем угрожает нам, то и сбудется, если не покаемся. Если мы прощаем ближним их согрешения против нас, то и нам Бог прощает по Своей милости; а если мы не оставляем, то и нам Бог не оставляет. Как мы поступаем с ближними, так и Бог поступает с нами самими. От тебя самого, человек, зависит оставление грехов твоих или неоставление, а от этого — и спасение и погибель твоя. Без прощения грехов нет спасения, сам видишь, как это страшно.

(Из Творений святителя Тихона Задонского)

587. Небесная Воевода русской земли

Кто из православных русских людей, поклоняясь святыням московского Успенского собора, не припадал к чудотворному образу Богоматери, который находится у самых Царских врат, по левую их сторону? Кто не взирал с благоговейным умилением на этот лик Приснодевы, потемневший от времени, но весь сияющий беспредельной материнской любовью и Божественным милосердием? Это так называемая Владимирская икона Царицы Небесной. По общему верованию наших предков она написана святым евангелистом Лукой на доске из того стола, за которым трапезовал Господь наш Иисус Христос со Своей Матерью и Иосифом. С этой святой иконой связано так много благородных воспоминаний о благодеяниях Матери Божией нашему Отечеству, что по всей справедливости ее можно назвать «Возбранной Воеводой православной Русской земли». Вот краткие сведения об этой чудотворной иконе. До 450 года по Рождестве Христове она находилась в Иерусалиме, потом перенесена была в Царьград, а оттуда, уже в середине XII века, была прислана Цареградским Патриархом в Киев, великому князю Юрию Владимировичу Долгорукому. Сын Юрия, князь Андрей, прозванный Боголюбским, перенес эту святую икону во Владимир; с этого времени она и стала известна под именем «Владимирской». Князь питал к ней особенную веру и, когда выходил на войну, всегда брал ее с собой. Так, в 1164 году, в походе против волжских болгар перед сражением он горячо молился пред этой иконой, и враги были разбиты наголову. Когда после битвы князь принес свою благодарную молитву пред этим чудотворным образом, то от Животворящего креста и от иконы воссиял необычайный свет, который озарил весь полк. Память об этом чуде до сих пор сохраняется в празднестве 1 августа, которое тогда же было установлено по желанию Андрея. В 1237 году татары взяли Владимир, сожгли и разграбили соборный храм, но сама икона нисколько не потерпела ни от огня, ни от вражеских рук. В 1395 году Тамерлан вступил в пределы Русской

земли и дошел до Дона, всюду распространяя ужас. Московский князь Василий Дмитриевич решился встретить его с войском на берегах Оки. Но, уповая более на силу Божию, чем на свое оружие, он повелел митрополиту Киприану принести из Владимира в Москву эту чудотворную икону. Вся Москва вышла в сретение ее; народ с воплями и слезами взывал: "Мати Божия, спаси землю Русскую!" И Матерь Божия спасла землю Русскую. В тот самый день, когда в Москве встретили Владимирскую икону Богоматери, Тамерлан задремал в своем шатре и во сне увидел перед собой большую гору, с вершины которой шли Святители с золотыми жезлами в руках, а над ними видел он Жену в лучезарном сиянии, окруженную тьмами молниеобразных воинов. Грозно обратив свой взор на Тамерлана, Она повелела ему оставить пределы Русской земли; в то же время на Тамерлана устремились воины, окружавшие эту благолепную Жену. Вострепетал грозный завоеватель и — проснулся. Созвав вельмож своих, он стал их спрашивать, что значит это грозное видение? Те из них, которые были мудрее, отвечали, что Жена эта должна быть Матерь Бога христианского, Заступница Русских.

"Значит, мы не одолеем их", — сказал Тамерлан и приказал своим войскам идти обратно, откуда пришли.

Нужно ли говорить, с какой радостью узнали об этом жители Москвы? С чудотворной иконой Владычицы встретили они великого князя, когда от возвращался из похода, и благоверный князь пал пред ликом Заступницы, в слезах изливая пред Ней свои благодарные чувства. В память чудесного заступления Богоматери на месте сретения Ее иконы был построен Сретенский монастырь и тогда же был установлен 26 августа праздник в честь Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы.

Спустя 55 лет Москве угрожал татарский царевич Мазовша, жители прибегли опять к помощи Матери Божией, и Мазовша бежал, услышав необыкновенный шум, по которому вообразил, что великий князь идет против него с большим войском.

Прошло еще несколько лет. На Русь двинулся Ахмат, хан Золотой Орды, великий князь Иоанн готовил ему отпор. Только река Угра разделяла оба войска. Татары ждали, пока река покроется льдом. Морозы настали. Угра замерзла. Иоанн велел отступить своим войскам, они оробели и побежали. Татары, вместо того чтобы ударить по бегущим, подумали, что Иоанн заманивает их в засаду, и побежали сами. Так спасена была Москва, и в память этого события был установлен второй праздник в честь Владимирской иконы Богоматери — 23 июня.

В 1521 году татары под предводительством Махмет-Гирея снова двинулись на Русь; опустошая все на своем пути, они дошли до Москвы. Великий князь Василий Иванович ушел из Москвы собирать войска. В столице было смятение, но молитвы не прекращались. Однажды ночью юродивый старец Василий со слезами молился у дверей Успенского собора. Вдруг он услышал в храме шум, двери собора растворились, и чудотворная

икона Владимирская сошла со своего места. От иконы послышался голос: "Выйду со святителями из города сего", и с этими словами вся церковь наполнилась пламенем, который тут же исчез. В ту же самую ночь в Вознесенском монастыре одна слепая старушка-монахиня, сидя в своей келии, узрела в видении, что из Кремля направляется в Спасские ворота как бы в крестном ходу сонм святителей и других угодников Божиих, среди них — Чудотворная икона Владимирская. Вот они вышли уже из ворот, навстречу им — преподобные отцы: Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский. Припав к стопам святителей, они вопрошают их: зачем они уходят из города и на кого оставляют его в такое многоскорбное время? Святители со слезами отвечают: "Много молили мы Всемилостивого Бога и Пречистую Богородицу об избавлении от великой скорби, но Бог повелел выйти нам из города и вынести с собой чудотворный образ Пречистой Его Матери, потому что люди забыли страх Божий и не радят о заповедях Господних. Пусть они накажутся от варварского народа и через покаяние обратятся к Богу". Тогда преподобные стали умолять святителей, чтобы они своим ходатайством умилиствовали правосудие Божие, и тут же вместе с ними стали петь молебен, произнесли молитву Богоматери и, осенив крестообразно город, все вошли в Кремль с чудотворной иконой.

И действительно: молитвами Матери Божией Москва опять была спасена. Летописцы говорят, что татары хотели сжечь посады московские, но увидели вокруг города бесчисленное множество войска русского и сказали о том хану. Тот не поверил и послал посмотреть. Ему подтвердили сказанное. Он в третий раз послал удостовериться. Тогда посланный прибежал, в ужасе взывая: "О царь! Что ты медлишь? Из Москвы выступает на нас войско без числа; побежим скорее!" И татары бежали.

В благодарное воспоминание этого чуда установлен третий праздник в честь иконы Владимирской — 21 мая. Пред этой иконой при избрании святителей клали запечатанные царской печатью жребии, которые после молебна тут же вынимались митрополитом и распечатывались царем, причем объявлялось имя избранного. Пред той же иконой становились древние цари при своем помазании на царство.

588. Праздник Успения Богоматери в Церковных песнопениях

Листок второй

Благоговение Апостолов сопровождающих и Ангелов встречающих восходящую на небо Богоматерь. — Божественный "Должник" Сын, воздающий должную честь Матери Своей. — Боголепная слава Царицы Небесной.

«Величаем Тя, пренепорочная Маши Христа Бога нашего, и всеславное славим успение Твое!

На бессмертное Твое успение, Богородице, Мати живота, облацы Апостолы по воздуху восхищаху, и по миру разсеянные во едином лице (собрании) предсташа пресвятому Твоему телу, еже и погребоша честно, глас Тебе Гавриил поюще вопияху: радуйся, благодатная, Дево Мати безвестная, Господь с Тобою!

Яко на облаце, Дево, Апостольский лик носим к Сиону от конец (земли) собираешся служити Тебе, облаку легкому, от Неяже Вышний Бог сущим во тьме и сени праведное возсия Солнце.

"Апостоли (глаголет Богоматерь) от конец совокупльшеся zde, в Гефсиманстей веси прогребите тело Мое, и Ты, Сыне и Боже Мой, приими дух Мой".

Как воздевши руце исходиши, Всенепорочная, руце, имиже Бога носила еси плотию, со дерзновением яко Мати рекла еси к Рожденному: яже Ми дал еси, во веки сохрани!

Егда преставление пречистого тела Твоего готовляешся, тогда Апостоли, обстояще одр, с трепетом зряху Тя; и ови убо, взирающе на тело, ужасом одержими бяху, Петр же со слезами вопияше Ти: о Дево! вижду Тя ясно простерту, просту, живота всех, и удивляюся, в Неяже велися будущия жизни наслаждение. Но, о Пречистая, молися прилежно Сыну и Богу Твоему — спаситися стаду Твоему невредину.

Опрята (сопровождал) лик Апостольский Богоприятное тело Твое, со страхом зряще и гласом велиим вещающе: в небесныя дома к Сыну восходящи, спасаеши присно, Богородице, наследие Твое.

Богоначальным мановением отовсюду Богоноснии Апостоли, облаки висоце взимаеми, дошедше пречитаго и живоначального Твоего тела, любезно лобызаху. Превышния же небесныя Силы, с своим Владыкою пришедше, Богоприятное и пречистое тело предсылающе ужасом одержими, прекрасно же предыдаху и невидимо вопияху превышним чиноначалием: се Всецарица, Богоотроковица прииде, возмите врата и Сию премирно (превыше мира) подымите, Присносущнаго Света Матерь: Тоя бо ради всеродное человеком спасение бысть, на Нюже взирати не можем, и Той достойную честь воздати немощно: Тоя бо преизящное (превосходство) преходит всяк ум...

Егда изшла еси, Богородице Дево, ко из Тебе Рождшемуся неизреченно, бяше Иаков, брат Божий и первый священноначальник, Петр же честнейший верховник, богословов начальник, и весь Божественный Апостольский лик, явленным богословием песнословяще Божественное и страшное Христа Бога таинство смотрения, и живоначальное и Богоприятное Твое тело погребше, радовахуся, Всепетая. Превыше же пресвятым и старейшия Ангельские Силы, чудеси дивящеся, приникше друг ко другу глаголаху: возмите ваша врата и восприимите Рождшую небесе и земли Творца: славословленьми же воспоем честное и святое тело, вместившее нами Невидимого и Господа...

Лик Богослов от конец (земли), свыше же Ангел множества к Сиону идяxu, всесильным мановением, достодолжно, Владычице, Твоему погребению служаще.

Песньми Твое честное и Богоприятное тело провождающе, Божественнии Апостоли вопияху: камо ныне идеши, Владычице?

Ангели и пастыри пояху Рождество Твое (Рожденнаго Тобою) первее, и ныне Ангельстии чини и Апостольский лик и всяк язык, Дево, успение Твое поют.

В преставлении Твоем, Мати Божия, пространнейшее, Богоприятное (Бога вместившее) тело Твое Ангельская воинства священными крылы трепетом и радостию покрываху.

Взяшася двери небесныя, и Ангели воспеша, и прият Христос девства Своя Матере сосуд; Херувими подьяша Тя веселием, Серафими жее славят радующеся.

Иже странно вселивыйся, Богородице, в чистое чрево Твое воплощаемь, Сей всесвященный дух Твой прием, у Себе упокой, яко должник Сын...

Не колесница огнезрачная от земных Тя престаи, как Илию праведного, но самое Солнце правды, на руку Свою, пресвятую Твою душу яко непорочную прием, в Себе упокой, и преславно Тя, Чистая, престаив, почте в радости паче ума.

Достойно, яко одушевленное Тя небо, Пречистая, прияха небесная, Божественная селения, и предста светло украшена, яко Невеста всенепорочная, Царю и Богу.

Иисус Пребожественный, славы Господь, от Твоего чрева рождейся за милосердие, Сам Тя, Богомати, престаи от земли и душою и телом.

Дает Тебе яже превыше естества Царь всех Бог: в рождестве бо Деву яко/се сохрани, тако во гробе тело соблюде нетленно, и спрослави Божественным преставлением, честь Тебе, яко Сын Матери, даруя.

Земля убо благословися погребением Твоим, воздух же освятися восхождением Твоим, Марие всепетая; Ангели же Тебе двери небесныя отверзоша, идеже ныне предстоящи, Сыну Твоему молишися о мире мира, Мати безвестная!

Всечестное Твое успение, Пресвятая Дево чистая, Ангел множество на небеси и человеческий род на земли ублажаем, яко Мати была еси Творца всех Христа Бога. Того молящи не престай о нас, иже на Тя с Богом упование положших, молимся, Богородице всепетая, неискусобрачная!

Из Тебе Жизнь возсия, ключи девства не рушивши: како убо пречистое и живоначалное Твое тело искушения смерти бысть причастно?

Победныя почести взяла еси на естество, Чистая, Бога рождши; обаче же, подобящися Творцу Твоему и Сыну, паче естества повинуешися естественным законом; темже умерши, с Сыном возстаеши вечнующи.

Блажим Тя еси роди, Богородице Дево, в Тя бо невместимый Христос Бог наш вместитися благоволи. Блажени есмы и мы, предстательство Тя

имущи: день бо и ночь молишися о нас, и скиптры царствия Твоими молитвами утверждаются; тем воспевающе вопием Ти: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою!

Дивны Твоя тайны, Богородице! Вышняго престол явилася еси, Владычице, и от земли к небеси преставилася еси днесь. Слава Твоя Боголепная Богоподобными сияющи чудесы. Девы с Материю Царевою на высоту вознеситесь. Благодатная, радуйся: с Тобою Господь, подай миру Тобою велию милость!

Твое славят успение Власти и Престоли, Начала и Господства, Силы и Херувими, и страшнии Серафими; радуются земнороднии, о Божественней Твоей славе красящиеся: припадают царие со Архангелы и Ангелы, и воспевают: Благодатная, радуйся, с Тобою Господь, подай миру Тобою велию милость!

Глаголом Божественнаго Гавриила последующе, радуйся Тебе зовем, Чистая: Ты убо, Пресвятая и Мати Господня, к Сему преставльшиися, поминай о воспевающих Тя!

Царице всех жен Дево, мольбу принеси Христу о совершающих любовию память Твою сию, и превозносящих во вся веки. От земли на небеса преставльшиися, Твоего наследия, Чистая, не остави, скиптры царствия утверди, языки (народы) укроти и пролей мир в концы мира. В рождестве девство сохранила еси, во успении мира не оставила еси, Богородице; преставилася еси к животу, Мати сущи Живота, и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша.

Побеждаются естества уставы в Тебе, Дево чистая: девствует бо рождество, и живот предобручает смерть (и со смертию сочетается жизнь); по рождестве Дева, и по смерти жива, спасаеши присно, Богородице, наследие Твое. О колика величия Тебе Сильный сотвори! От неплодныя бородилася еси: родила же еси Дева, и Мати паки пребывавши; пребываеши же по смерти, смерти вышши, Чистая, и не оставляющи мира, о мире молишися. Вся непостижима Твоя, вся несказанна воистину страшна таинства! Ты бо была еси Божия Родительница, небеса удобрила еси, просветила еси мир, вся благоухала еси божественной памятию Твоею; темже блажат Тя языцы, темже благословят Тя: радуйся, новый ковчеже священия! Славу по достоянию Тебе Бог подавает, яко Владыка Твой, Дево; мы же что Тебе принесем, худии? Но приими точию усердие, и Тя любовию чтущих яко Богородицу сохраняй. Приими от нас песнь исходную, Мати Живаго Бога, и осени Твоею светоносною и Божественною благодатию, подающи Императору победительная, христолюбивым людям мир, оставление поющим и душам спасение.

589. Наставления царя – отца своему сыну

В истории Церкви немало находится примеров, что светские люди, вельможи, князья, государи писали священные песни, составляли проникнутые духом благочестия завещания, поступали в монахи, умирали истинно по-христиански. Слабому, маловерному сердцу нашему как-то легче становится, когда оно встречает подобные явления в миру, в светском быту. Русскому человеку особенно отрадно читать, например, духовное завещание великого князя Владимира Мономаха (читай "Троицкий Листок № 405), или рассказ о мужественном страдании князя Михаила Черниговского, или о том, какой мирной христианской кончиной умер император Николай. Подобные светлые явления были и в единой верной нам Греции в разные времена. Вот одно из таких явлений за тысячу лет до нас — это наставление греческого императора Василия Македонянина (царствовавшего с 867 по 868 годы) сыну его Льву Философу. Приводим здесь несколько отрывков из этого наставления, которые покажут нам, каким император Василий был верующим, убежденным христианином и любящим отцом. Его наставление может быть полезно каждому из нас.

Сын мой! Старайся сохранить правую веру во Христа: она есть начало и незыблемое основание жизни. Поклоняйся Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущной, нераздельной и неслитной. Веруй в воплощение Бога Слова, через которое люди освобождены от рабства греху. Только такая вера есть высшее из всех благ, совершенство всех добродетелей. Храни же ее, как неизменный залог. В такой вере ты воспитан от самой колыбели твоей; твоим воспитателем был я сам, поэтому прошу тебя: не причиняй скорби мне, отцу твоему, который любит тебя безмерно.

Любезнейший сын Мой! Употребляй все усилия не на то только, чтобы управлять царством земным, сохраняя чистоту нравов, но и на то, чтобы достигнуть Небесного Царства, упражняясь постоянно в добрых делах. Земное царство мы со временем оставим; поэтому будем стараться, чтобы через добрые дела нам заменить его небесным, которое одно не подвержено ни смерти, ни переменам, тогда как все прочее мимо идет и гибнет. Никакое злое дело не избегнет праведного суда Божия, равно и доброе не останется без награды. Люди видят только то, что делает наше тело; а что кроется в душе, то зрит одно всевидящее око Божие. Как днем при солнце ничто не может укрыться, так и пред Всевидящим Богом ничто не может утаиться. Если ты убежден, что все твои действия видит и знает Бог, то не согрешишь вовеки ни явно, ни тайно. Телом ты смертен, душа же твоя бессмертна; все, что относится к телу, так же смертно, а что относится к душе — бессмертно, как и она. Если бы ты покорил оружием всю вселенную, все же займешь не более трех аршин земли. Поэтому правь земным царством как смертный, и в то же время старайся через добрые дела сподобиться Царства Небесного.

Воздавай величайшие почести матери твоей — Церкви, возродившей и воспитавшей тебя Духом Святым. Почитай Церковь, и Бог почтит тебя. Уважай и служителей Божиих, как духовных твоих отцов, которые молятся за тебя Богу. Всякая честь, какую воздаешь священнику, восходит к Богу

Самому, а также всякое пренебрежение и обида, какую нанесешь священнику, возбуждают праведный гнев Божий. Беседуй чаще с духовными врачами, чтобы самому тебе быть здоровому душой. От них ты можешь научиться, чего должно желать, от чего воздерживаться и как жить, чтобы достигнуть прочной добродетели.

Рассуди сам, как все почитают мудрость и как все сильно желают иметь ее. Все хвалят ее, как прекрасный дар, но не все могут достигнуть ее, и трудно найти человека, наделенного ею. Цени таких людей и держи их поближе к себе. Когда ты будешь в трудных обстоятельствах, то мудрый человек облегчит тебя, и ты совершишь через него, с Божией помощью, то, что тебе покажется безвыходным. Пользуйся советами мудрых, на которых, поистине, как на престоле, почивает Бог.

Сын мой! Сохраняй в чистоте от всякой заразы бесстыдства не только тело, но и душу. Бесстыдная жизнь отдаляет нас от Бога, а чистая приближает нас к Нему. Удаляйся собраний, в которых неумеренно предаются вину: хмель — враг здравого смысла. У кого ум помрачен вином, с тем бывает то же, что с неопытным возницей, который, не умея управлять, бросается с лошадьми то в ту, то в другую сторону и тем только смешит людей. Смотри более на красоту душевную и люби душу — Духом. Только та истинная и вечная любовь, которая не исчезает, а все более и более возрастает. Итак, не будь увлечен красотой телесной, не отвращайся и от безобразия. Много на свете таких, которые говорят прекрасно, а поступают дурно: берегись, чтобы и самому тебе не быть подобным, и чтобы близкие к тебе люди не были таковы. Тех приближай и тех люби, которые делами украшают речи свои, а не речами — дела. Что тебе стыдно сделать, то стыдись и говорить; а что стыдно говорить, о том стыдно и думать. Если хочешь, чтобы Бог был к тебе милостив, то будь сам милостив к людям. Хотя ты и поставлен господином над другими, но не забывай, что ты сам раб: мы все имеем единого Господа и все мы созданы из земли, в землю и обратимся. Ни один из людей не безгрешен, ни один не бессмертен, ни один не знает, когда будет конец его жизни, ни один не избегнет суда в том, что совершил в жизни.

Не для удовольствий имей богатство, а для того, чтобы помогать неимущим. Сын мой! Никогда не ропщи на Бога: это признак малодушия. Без выбора принимай все, что только посылает тебе Бог. Если Он дает тебе радость — радуйся; если Он посещает тебя скорбью — будь терпелив; если Он дает тебе благополучие — пользуйся им с благодарностью к Нему; если попускает несчастья — не отчаивайся. Берегись только греха, от него одного должен ты удаляться, потому что он не от Бога, а от лукавого.

В счастье не возносись; в несчастье не унижайся. Если ты в тяжких обстоятельствах сохранишь великодушие, то получишь от Бога награду за свое терпение. Нет ничего надежнее мудрого совета, и нет ничего опаснее, как браться за дело без размышления. Если ты хочешь действовать на верное, то прежде размысли о том, на что решаешься. Что придумал, то можно и

отдумать; а если что уже сделал, то поздно рассуждать о том. Советуйся с тем, кто умеет хорошо распорядиться собственным делом, а кто этого не умеет, тот никогда не даст и другим хорошего совета. Советуйся не с теми, которые льстят тебе, а с теми, которые не станут потакать твоим ошибкам.

Друг — дар Божий: больше радуйся, если есть у тебя искренний друг, чем тогда, когда при тебе есть самый близкий родственник. Родные любят нас по природе, а друзья — по добровольному к нам расположению. Очень часто бывает, что родные из-за ничтожных денег коварствуют против родных, а для истинного друга все богатства мира этого ничего не значат. Ему даже собственная жизнь ни о чем: он готов жертвовать ею за того, с кем связывает его дружеская любовь. Итак, ты во всякое время и во всяком месте сохраняй дружбу людей, истинно тебе преданных; старайся о том, чтобы и они к тебе всегда сохраняли любовь неизменную и чуждую огорчений. Если кого хочешь иметь своим другом, можешь этого достигнуть легко: старайся только говорить о нем за глаза хорошее. Да и о тех друзьях, которых имеешь, не говори ничего дурного. А распознавай друзей в трудных и бедственных обстоятельствах. Кто счастлив, у того много друзей. Те только тебе истинные друзья, которые любят тебя не из-за прибыли, а по чистосердечной привязанности к тебе. Дружба, которая служит только при выгодных для нее обстоятельствах, — не дружба, а скорее промысел.

Да не коснутся слуха твоего язвительные речи. Не слушай злоязычных; не верь лукавым: они часто губят людей честных, распуская о них злые слухи.

Образование есть доброе и преполезное дело не только для царей, но и для всякого человека. Потому-то, милый сын мой, я увещаю тебя: старайся приобрести образование, соединенное с добродетелью, ибо из всего, чем мы можем обладать, одна добродетель бессмертна. Тебе необходимо вполне усвоить все спасительные истины Богодухновенного Писания. Постоянно имей в виду и наставления древних мудрецов; у них ты найдешь много преполезных правил, особенно в сочинениях Соломона и Иисуса сына Сирахова. Из них ты много можешь почерпнуть мудрости. А когда ты будешь совершен в разуме, то исполнишь радости и меня, государя твоего, отца и наставника, и будешь в состоянии и других учить. Как нежное растение, напоенное влагой, прозябает и приносит плоды, так и ум твой, напоенный Божественными глаголами, все более и более будет возрастать и наконец принесет плоды добродетели. Тело поддерживается пищей, а душу — Божественным учением. Но мало того, что ты сам будешь образован: позаботься и о детях своих, пусть они будут верным подобием твоих добродетелей. Сын мой! Послушай отеческого наставления! Ты отблагодаришь меня за воспитание твое, поминая меня добром, которое будешь проводить в свою жизнь.

Так мыслил замечательнейший из византийских императоров, так учил он своего наследника тысячу лет тому назад. И его наследник верно соблюдал заветы державного родителя и заслужил в истории имя

Премудрого. Но всякий видит, что эти уроки царственной мудрости и до сих пор сохраняют всю свою ценность. Что говорил своему сыну этот мудрый император, то может повторить и теперь своим детям каждый добрый отец-христианин.

590. Дом нерукотворенный

Царь индийский Гундафор, хотя себе царские палаты премудре устроить, посла купца своего Авана в Палестинскую страну, да поищет тамо искусного архи-тектонка, иже бы умел здати премудре, и возмогл бы постройте палаты таковым образом, каковым суть палаты Кесарей римских. С тем убо Аваном повелел Господь апостолу Своему Фоме идти во Индийския страны. Ищуще же Авану премудрого зодчия в Кесарии, Фома сретесе с ним, и искусна себе в том деле поведя. Поем же его Аван, вниде в корабль и яшася пути, плывуще с добрым ветром. Достигше же ко индийскому царю Гундафору, внидоша пред него и рече Аван: "Се, господи царю, приведох ти от Палестины зодчия премудра, да устроит палаты, угодны царству твоему". Царь же, видево Фому, возрадовася, и показав ему место, на нем же палаты хотяще имети, и размерив, каково имевше быти основание, даде ему много злата на созидание, сам же отъиде во ину страну. Фома же, прием злато, раздаваше е требующим, убогим и нищим, сам же, труждаяся в проповеди Евангелия, многих к Христовой вере обрати и крести. По дву же летех посла царь ко Апостолу, уведати хотя, скоро ли зиждущияся палаты совершатся. Апостол же возвести, яко покров точию потребен. И радостен бысть царь, мняше бо, яко поистине зиждет ему на земли Фома палаты, и посла еще множество злата, повелевая, да красный зданию покров совершит вскоре. Он же, паки злато прием, и на небо очи и руце возвел, рече: "Благодарю Тя, Господи Человеколюбче, яко различными образы спасение человеком устрояеши". И паки данное злато просящим раздав, прилежаще проповеди Божия Слова.

Времени же некоему мимошедшу, уведа царь, яко ниже начася созидатися повеленное дело, и злато его убогим все раздано, и зиждай не о здании печется, но ходя по градом и весем, нового некоего Бога проповедет и чудеса дивна творит. Разгневався убо царь вельми, посла слуги яти Апостола и, приведена пред себе, вопрошаше: "Создал ли еси палаты?". Он же рече: "Создах зело добре и красне". И рече царь: "Идем убо, да видим здание твое". Отвеща Апостол: "Не можеш в житии сем видети палат тех, но егда от жития сего отъидеши, тогда узриши и, всельшися в них с радостию, жити имаши тамо во веки". Царь же мнев, яко ругается ему, опечалися зело и повел в темницу воврещи его вкупе с приведшим купцом Аваном, дондеже лютою смертию казнит их: мысляше бо кожу с них содрати и огнем их сожещи. Сядящим же им в темнице, Аван укоряше Апостола: "Ты и мене, и царя прельстил еси, поведая, яко зодчий премудр еси, ныне же и злато

царево, и мой живот погубил еси. Се бо тебе ради стражду и зле умрети имам, — лют бо есть царь, и обоих нас убьет". Апостол же, утешая его, глаголяще: "Не бойся, не умрем ныне, но будем живи и свободни, и почтени быти имамы от царя палат ради, яже создах ему в горнем Царствии". В ту же ночь царев брат впаде в недуг и посла к царю, глаголя: "И аз опечалихся, нашедшия ради тебе печали, и от печали тоя прииде ми недуг, и се, ныне умираю". И умре абие.

Царь же, забыв первую печаль, о другой скорбяще и неутешно о смерти брата своего рыдаше. Умершего же душу поем Ангел Божий, вознесе во обители небесныя и, обходящи тамо селение, показоваше ей многия предивныя, красныя и светлыя палаты. Бе же едина паче иных краснейша и светлейша, ея же красоты несть можно изрещи. И вопроши Ангел душу: "В коей из всех тех палате изволяеши жити?" — Душа же, смотрящи на краснейшую ону палату, рече: "Аще бы мне в едином угле палаты сея пребывати было дано, ничтоже более требовали бы". Рече же Ангел: "Не можеш в сей палате жити, брата бо твоего есть, юже странный оный Фома данным ему златом созда". И рече душа: "Молюся тебе, Господи, пусти мя к брату, и аз искуплю от него палату сию, не весть бо он красоты ее. Искупивши же, паки возвращуся семо". Тогда Ангел возврати душу в тело, и абие умерый оживе, и, аки от сна воспрянув, предстоящих о брате вопрошаше и моляще, да приидет к нему царь — брат его. Слышав же царь, яко оживе брат, возрадовася зело и притече к нему. Видящи же его жива, ужасен радовашеся. Воскреснувый же нача к нему глаголати: "Вем несумненно, царю, яко любиши мя, брата своего, и плакал еси о мне. И аще бы мя мощно было искупити от смерти, дал бы еси и до полцарствия своего". И рече царь: "Ей, поистинне тако есть, и несть инако". Рече же брат: "Аще тако любиши мя, прошу у тебе единого дара, да не отречеши ми". И рече царь: "Вся, яже под рукою моею в державе моей, любимому тебе брату моему дарую". И клятвою утверди царь слово свое. Тогда рече воскреснувый брат: "Даждь ми палату твою, юже имаши на небесех, и все мое богатство за оную возми себе". Царь же, слышав сие, усумнеся и, яко безгласен, молчаше. Посем рече "Откуда мне есть на небесех палата?". И рече брат: "Воистину, такова палата есть, каковая ты не знаеши, ниже видел еси когда в поднебесней, созда же ю тебе Фома, коего в темнице держиши. Аз видех ю и дивихся неизреченной доброте ея, и хотех бы во едином углу тамо жити, но не дано бысть мне. Рече бо водяй мя Ангел, яко не мощно мне в ней жити, брата бо моего есть палата сия, юже странный оный Фома созда. Молих же Ангела, да мя отпустит к тебе, брату моему, дабы искупил у тебе палату ону, ибо аще любиши мя, даждь ми ю, а себе возьми вся моя имения".

Тогда царь о двух возвеселися: о воскресении братнем и о палате, на небесех ему созданней. И рече воскресшему брату: «Возлюбленный брате, кляхся тебе не возбранити ничтоже от тех, яже суть на земли под державою моею, а яже на небеси палата — тоя не обещах ти. Но аще хочещи, имамы у себе такового зодчаго, той убо и тебе да созиждет". И сия рекши, царь посла

абие в темницу извести Фому святого с Аваном купцом, приведшим его. И тек в сретение Апостолу, паде на ноге ему, прощения прося, яко в неведении согреши. Апостол же, благодарив Бога, нача обоих братьев учити вере в Господа нашего Иисуса Христа. Они же умиляющиеся, приемляху любезно словеса его, и вскоре крести их и всему христианскому житию научи. И создаша себе оба брата милостынями многими вечные обители на небесех. Апостол же, некое время с ними пребыв и в вере их добре утвердив, отъиде в окрестные грады и веси, неся спасение душам человеческим.

(Рассказ из жития святого апостола Фомы)

591. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы в Церковных песнопениях

Листок второй

«Величай, душе моя, преславное рождество Божия Матере.

Грядите, вернии, Духом Божественным радуящися, песньми почтим Юже от неплодове днесь Пришедшую, на спасение человеков, Приснодеву Отроковицу.

Боговместимая Отроковица и Богородица чистая, Пророков слава, Давидова дщи, днесь раждается от Иоакима и Анны целомудренныя, и Адамова клятва яже за нас потребляется рождеством Ея.

От неплодныя старицы, престарелыя Анны, жизнь и свет возсия — всенепорочная Отроковица, дверь Востока (Христа), свет концем воссиявшая неизреченно: лик (хор) составльше, ублажим Ю, яко земных превышшую.

Радуящися днесь, с веселием воспоим Божественное Рождество Богоматере, ибо роди Радость вселенней, печаль праматере потребляющую.

Рождение честно Девы всесвятыя, Еяже ради обновися мир, жененными гласы почтим.

Ко Господу в скорби неплодства возопиша Богомудрии родителе Богоматере, и Сию в роды родов родиша, на общее спасение и похвалу. Анна Богомудренна истиною, гнездо птиче прежде видевши на древе, свое безчадие помянувши, вопияше: увы мне, Господи, Господи! Аз грешна едина обнищах плодотворения от Тебе. Тогда Человеколюбец Бог даде плод ей Деву, честнейшую всея твари.

Молитва купно и воздыхание неплодства и безчадства Иоакима и Анны благоприятное, во уши Господни вниде, и прозябе плод живоносен миру: ов бо молитву на горе творяше, ова же в сад поношение нашаше; но с радостию неплоды раждает Богородицу и Питательницу Жизни нашея.

Богомудрии родителе Богоматере прияша достоин небесный дар от Бога, самых Херувимов превышнее носило (Христово), Родительницу Слова и Зиждителя.

Всех спасение родисте, непорочно Богу пожившии, Богомудрии родителе Рождшия Зиждителя и Бога нашего.

Иоаким и Анна ублажаются, рождши блаженную, яве чистую Богоматерь, блаженное Слово рождшую, Совершающего (Соделывающего) блаженны вся верныя.

О блаженная двоице! Вы всех родителей превзыдoste, яко твари всея Преимущую (Превосходящую) прозябли (родили) есте. Истинно блажен еси, Иоакиме, таков вы Отроковицы быв родитель! Блаженна ложесна твоя Анно яко Матерь Жизни наша прозябла еси; блаженни сосцы, имиже воспитала еси млеком Питавшую Питающего всякое дыхание, Егоже молити вам, всеблаженнии, молимся, помиловатися душам нашим.

Блаженно чрево Аннино бысть: породи бо Хотящую во чреве вместити Блаженное и Невместимое Слово, возрождение всем верным подающее.

Благословенно чрево твое, целомудренная Анно: израстила бо еси плод девства, Юже без Семене рождшую Питателя твари и Избавителя Иисуса.

Плакала еси от души, яко безчадна рыдаючи, отрочате желаючи; но родила еси Отроча, рода всего похвалу.

О чрево, вместившее Божие селение (Приснодеву)! О утробо, носившая небес Ширшую, престол мысленный, святой кивот священия!

Святая святых — Младенец во святем святилици возлагается, воспитатися от руки Ангеловы: еси убо верно спразднуем в рождестве Ея.

Хвалу Избавителю принесем Господу, от неплодове давшему нам Богородицу и едину Приснодеву.

Воспеваем Тя, Господи, подавшего всем верным спасительное пристанище — Тебе Рождшую.

Слава Тебе, прославльшему неплодную днесь: роди бо от обещания (по обетованию) жезл присноцветущий, от негоже прозябе Христос, Цвет жизни наша.

Всем жизнь источаяй Господь от неплодове произведе Деву, в Нюже вселитися изволи, по рождестве сохранив нетленну.

Сотворивый преславная неплодней утробе, отверзый Анны нераждающая ложесна и дав ей плод, Ты, Более Святой, Ты, Сыне Девы, Ты от сея плоти приял еси, присноцветущия Девы и Богородицы.

Делателю мыслей наших и Насадителю душ наших, Ты, неплодную землю показавый благоплодну, Ты древле сухую соделал еси родовиту, благокласну, бразду плодоношу (Анну святую) израстити пречистый плод (Богородицу).

Днесь, Иже на разумных престолех почиваяй, Бог престол свят на земли Себе предуготова; утвердивый мудростию небеса, Небо одушевленное человеколюбием Себе содела: от неплоднаго бо корене сад живоносен израсти нам — Матерь Свою — иже чудес Бог и ненадеющихся Надежда: Господи, слава Тебе!

Во благознамеитый день праздника нашего вострубим духовною цевницею: Яже бо от Семене Давидова днесь раждается Мати Живота, тьму разрешаючи, Адамово обновление и Евино воззвание, и нетления источник, тли пременение. Еяже ради мы обожихомся и от смерти избавлени быхом, и

вопием Той с Гавриилом верный: Радуйся, Благодатная: Господь с Тобою, Тебе ради даруя нам велию милость.

Всемирная радость от праведных возсия нам Иоакима и Анны всепетая Дева, Яже премногия ради чистоты храм Божий одушевленный бывает, и едина воистину Богородица познавается; Тоя молитвами, Христе Боже, мир миру ниспосли и душам нашим велию милость.

Днесь да веселятся Ангельстии чини, песньми да ликуют сущий из Адама: родися бо жезл, возрастивший Цвет — Христа, единого Избавителя нашего.

Да радуется небо, и земля да веселится: Божие бо небо на земли родися — Богоневестная, Сия от обетования; неплоды питает младенца Марию, и радуется о рождестве Иоаким, глаголя: жезл родися мне, из негоже Цвет — Христос прозябе из корене Давидова: воистину чудо преславно!

Небесная вся ныне радуются, человеческий род ныне празднует с ними, и Пророцы тайно вкупе веселятся: Юже бо предвидеша образне, в древних родех, купину и стамну (золотой сосуд с манной), и жезл, облак, дверь, и престол, и велию гору, раждается днесь.

Начало нашего спасения, людие, днесь бысть: се бо пронареченная от родов древних Мария и Дева, и приятелище Божие, от не/подове родитися происходит, цвет от Иессея, и от корене его жезл прозябе. Да радуется Адам праотец и Ева да веселится радостию. Да радуется Давид, бия в гусли, и да благословит Бога: се бо Дева происходит от утробы неплодныя ко спасению душ наших.

Сей день Господень, радуйтесь, людие: се бо Света чертог и книга Слова Животного (Слова Жизни — Христа) из утробы произыде и яже к востоком дверь (предсказанная пророком Иезекиилем), рождшися, ожидает входа Святителя Великого, едина и единого вводящи Христа во вселенную, во спасение душ наших.

Адаме обновися, и Ева возвеличися, Пророцы со Апостолы и праведными ликуйте: общая бо радость Ангелов и человеков возсия днесь от праведных Иоакима и Анны, Богородица Мария.

Да ликовствует вся тварь, да веселится же и Давид, яко от колена и от семене его произыде Жезл, Цвета носящи — Господа, Творца всяческих.

Играй, бряцай в гусль твою, боговдохновенне Давиде, и ликуй: се бо кивот, егоже древле провозвестил еси, от неплодствующа чрева пройде, Царю твари и Богу соблюден.

Божественнии Пророцы, играйте, почитающе Рождество Девы: Та бо исполни проповедания всех, породжши Сказуемого вами Христа, всяческих Царя.

От неплодныя днесь Анны цвет произыде Богородица, исполняющи благовония Божественного вся концы мира, и радости всю наполняющи тварь, Юже поюще, достойно восхваляем, яко сущу земнородных превышшую.

Дева днесь и Богородица Мария, чертог неразоримый небесного Жениха, рождается от неплодныя Анны Божию волею, колесница Божия Слова уготовльшися, на сие бо преднаречеса быти Отроковица и Мати сущия Жизни.

Днесь земля ликует, виде бо породдшееся новое небо Божие прекрасное, в нем же вселився плотию (Бог), возведет превыше небес человеки и обожит вся благостию.

Днесь Всенепорочная Чистая произыде от неплодове; днесь всяческая радуются в Тоя рождестве; Адам от уз разрешается, и Ева клятвы свободися; небесная вся веселятся, и мир человеком даруется; мы же славословяще вопием: слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!

592. Многоскорбная княгиня - праведница

Много смут и междоусобиц было на Руси до времен злой татарщины, но еще больше горя пришлось ей вытерпеть от злых татар. Сколько русской благородной крови княжеской пролилось в Золотой Орде в те скорбные времена, сколько горя и слез выпало тогда на долю и русских благочестивых княгинь! Предлагаем нашим читателям краткое повествование об одной такой княгине — многоскорбной праведнице.

Благоверная княгиня Анна, супруга святого князя Михаила Ярославича Тверского, была дочь ростовского князя Димитрия Борисовича. Родилась она в городе Кашине, где отец ее когда-то княжил; в Кашине она провела последние годы своей многоскорбной жизни; в Кашине она и погребена, оттого она и известна под именем "Кашинской". С юных лет она была воспитана в страхе Божиим, любила уединение и больше всего заботилась о том, как бы побольше сделать добра бедным и убогим. Слава об ее уме, добродетелях и красоте достигла матери тверского князя Михаила, княгини Ксении, которая в то время искала своему сыну достойную невесту, и вот выбор Ксении остановился на княжне Анне. Бракосочетание благоверной четы совершено было в Тверском кафедральном соборе епископом Андреем в самый день ангела жениха-князя, 8 ноября 1294 года, и новобрачные с радостью были встречены матерью — княгиней Ксенией, которая благословила их пречестным крестом и иконой Спасителя.

С первых же лет их супружеской жизни Бог привел их познакомиться с разными скорбями и напастями: на следующий год после брака Тверь истреблена была страшным пожаром; еще через год открылся сильный мор скота и была страшная засуха в их княжестве. Молодые князь и княгиня принимали близко к сердцу горе своего народа, но скоро горе коснулось и их самих. В том же году сгорел дотла их княжеский дворец, и только благодаря особенной милости Божией князь и княгиня, первые увидев огонь, не замеченный ни стражей, ни прислугой, успели выбежать и спаслись от огня,

а все имущество их погибло в пламени. Большим испытанием для них была и сильная болезнь, посетившая молодого князя вскоре после пожара.

Скорби следовали за скорбями. То было смутное время, когда князья ссорились и воевали из-за престола великокняжеского. По смерти владимирского князя Андрея Александровича, в 1304 году, прямым и законным его наследником русские князья признали тверского князя Михаила, и татарский хан Тохта утвердил его в великокняжеском достоинстве. Но против него стал строить козни его родной племянник, князь Георгий Данилович. Когда умер хан Тохта, Георгий женился на сестре нового хана Узбека и ворвался в княжество Тверское, сжигая города, опустошая церкви и селения. Князь Михаил одержал над ним блистательную победу, но тот отправился в Орду и там оклеветал Михаила в отравлении своей жены, сестры хановой, которая случайно умерла в плену у Михаила Тверского.

Нужно было самому Михаилу явиться в Орду для оправдания, и вот он прощается со своей супругой: "Настало время лютое, — говорит ей, — предчувствую это; мои враги составили против меня заговор и внушили хану убить меня. Пусть же я умру для успокоения всей земли, которая из-за меня страдает". Княгиня стала ободрять мужа: "Зачем же ты боишься злочестивого царя? Ведь в нас нет никакой неправды; мы за веру и Отечество стоим; Бог нам поможет, хотя мы и малы числом". На это Михаил сказал: "Я желаю пострадать за имя Христово". — "Если так, — сказала княгиня, — то блажен будешь: не бойся мучений, будь верен Господу до смерти".

Прошло несколько месяцев после этой разлуки. Невинный Михаил был осужден на смерть. До своей мученической кончины князь томился в Орде несколько дней, как невольник: скованный по рукам и ногам, с цепью на шее; потом был выставлен на поругание татарам и наконец, весь избитый, повешен был за цепь на шее, а потом сброшен наземь. Тут его тиранили до тех пор, пока слуга Георгия большим ножом безжалостно не пронзил его в правый бок и, вращая нож туда и сюда, вырезал наконец самое сердце.

А княгиня Анна с четырьмя детьми между тем около года томилась то страхом, то надеждой и только в июле следующего, 1319 года узнала о многострадальной кончине святого супруга. Можно представить ее скорбь при таком горестном известии! Узнав, что мученическое тело Михаила привезено в Москву по повелению Георгия, безутешная княгиня отправила туда посольство просить отдать ей это сокровище. Едва удалось склонить Георгия на это, и то только тогда, когда сын Михаила заключил с ним мир во Владимире.

С горькими рыданиями встретила княгиня бесценный гроб своего супруга-мученика. "Кто похитил наше сокровище? — взывала она. — О Ордынская страна! О царство безбожных татар! Да не будет высшего благословения над тобой! О зависть, о злоба! Но не хвались, гордость! Князь мой как орел взлетел на высоту. Князь мой как светлое светило воссиял и, увенчанный венцом, торжествует на небе. Осиротела я с чадами, лишилась

надежды, лишилась покровителя и отца! Не увижу я тебя, свет мой, не услышу сладкого твоего голоса! Горе мне! Лучше бы мне умереть с тобой!"

Так рыдала благоверная княгиня, и едва могли отнять ее от гроба. Обремененная скорбями, она решила покинуть мир и переменить княжеские чертоги на убогую келью монахини. И действительно, она скоро приняла пострижение в Тверском Софийском монастыре с именем Евфросинии. Она нашла в обители тихое пристанище своей скорбной душе и начала подвизаться в посте и молитве.

Впрочем, недолго пришлось ей пожить в Софийской обители: младший сын ее Василий Михайлович, живший в Кашине, слезно умолял благоверную мать свою перейти к нему на постоянное жительство. С горестью простились жители Твери с княгиней-монахиней и с великой радостью встретили ее жители города Кашина. Здесь князь Василий для матери своей устроил монастырь близ Успенской церкви (что ныне при соборе), и там княгиня продолжала свои молитвенные подвиги, изнурив себя до того, что едва могла ходить в церковь Божию.

Казалось, должны бы теперь кончиться ее тяжкие скорби: она была уже вдали от мира. Но в миру остались ее дети, о которых она часто получала нерадостные вести. Ее первенец Димитрий отправился в Орду, встретил здесь Георгия и, не сдержав своего гнева, вонзил меч в сердце убийцы своего отца. За то и сам был казнен ханом татарским. Прошло два года, и ее второй сын князь Александр Михайлович, защищая веру православную от ханова брата Щелкана, истребил множество татар и сжег самого Щелкана в отцовском дворце. В наказание за это хан кинул на Русь 50 000 татар. Александр бежал во Псков, Тверская область была вся опустошена. Десять лет Александр не мог возвратиться в родную Тверь, наконец ему удалось умиловить хана, и мать увидела сына. Но ненадолго. По клевете московского князя его вызвали в Орду вместе с сыном Феодором и там обоим отсекли головы.

Так в тяжких сердечных скорбях и среди суровых подвигов иноческих текли последние годы жизни княгини-инокини. Уже старицей, на шестьдесят пятом году от роду, она приняла святую схиму с прежним именем Анны и скончалась мирно в Кашинской обители.

(Память благоверной княгини Анны местно чтится 2 октября)

593. Небесные споручники брачного союза

«Как Церковь повинуется Христу, такожде и жены повинуются своим мужем во всем. А вы, мужья, любите своя жены, как и Христос возлюбил Церковь» (Еф. 5; 24, 25). Обращайтесь благоразумно с женами, как с немощным сосудом, оказывая им честь, как наследницам благодатной жизни (1 Пет. 3; 7). Так поучают христианских супругов святые первоверховные апостолы Павел и Петр. И воистину счастлива та Богом благословенная

семья, в которой супруги свято блюдут эти заветы апостольские. Но горе тому дому, где царит раздор между мужем и женой; еще больше горя, еще больше льется слез в том доме, где муж — пьяница или распутник ненавидит свою жену, бьет и мучит ее, несчастную, и в этих истязаниях жены находит какое-то зверское удовольствие. А между тем как часто бывает, что если пьяница-муж еще не кончил свою горькую жизнь где-нибудь под забором, если не замерз в поле или не умер в корчемнице, то этим он обязан только своей жене-мученице: это она следила за ним шаг за шагом, от дома до корчемница, от корчемницы до того места, где он свалился в канаву без памяти; это она подняла его, привела или притащила домой, уложила в постель и спасла от верной смерти. И вот за такое-то попечение, за такую истинно христианскую беззаветную любовь обезумевший от водки муж нередко платит жене, этому неизменному стражу своему, только побоями и всяческими ругательствами! Какая жестокость, какое бесчеловечие! И еще счастливы те жены-страдалицы, которые прибегают в своей скорби к Богу, единому Отцу и Утешителю всех скорбящих и угнетенных, и к святым Божиим угодникам: Бог не оставляет их Своей милостью, помогает им нести их тяжкий крест, а святые Божии являют им свое заступление иногда в таких поразительных чудесах, повествование о которых переходит из рода в род, из века в век. Послушайте вот, как чудесно спасена была от мужа изверга жена-страдалица молитвенным заступлением святых мучеников Гурия, Самона и Авива.

Однажды напало на город Едессу, где почивали мощи этих святых мучеников, дикое племя ефалитов. Для защиты города послан был отряд греческого войска, в котором был воин — родом готфянин. Он стоял в доме одной благочестивой вдовы по имени Софии, у которой была единственная дочь Евфимия, девица необыкновенной красоты. Мать берегла ее как зеницу ока и укрывала ее от посторонних взоров в особой комнате. Как-то воин-готфянин увидел девицу и так прельстился ее красотой, что стал просить мать ее отдать Евфимию за него замуж. София долго не хотела и слушать его. Но готфянин не переставал приставать к ней со своей просьбой, то убеждая ее ласками, то угрожая мщением. София не соглашалась. Однажды она сказала ему: "Я слышала, что у тебя дома есть жена и дети". Но готфянин стал с клятвой уверять ее, что это неправда, что у него никогда не было жены. Тогда София поколебалась. "Ты, Господи, отец сиротам и судья вдовицам, — так молилась она, — не оставь сей отроковицы! Полагаюсь на Твое промышление и отдаю дочь мою этому чужому человеку. Ты Сам будь свидетелем его клятв и обещаний". Затем София привела свою дочь и своего нового зятя в храм святых мучеников Гурия, Самона и Авива и сказала готфянину: "Возьмись рукой за раку святых мощей Христовых страстотерпцев и поклянись мне, что ты не сделаешь дочери моей никакого зла". Тот дерзновенно коснулся святых мощей и сказал: "От рук ваших, святые мученики, принимаю я отроковицу сию; будьте свидетелями, что я

всегда буду оказывать ей любовь и уважение". После этого мать отроковицы успокоилась, и готфянин увез Евфимию на свою родину.

Их путешествие уже близилось к концу, как готфянин вдруг забыл все клятвы свои и обещания, снял с Евфимии все дорогие одежды, одел ее в рубище и, грозя мечом, сказал ей: "Если ты хочешь остаться в живых, то не смей никому в моем доме говорить, что я женился на тебе: сказывай, что ты пленница. Дома у меня есть жена и дети, а ты будь моей рабой". Напрасно пораженная горем Евфимия упрекала жестокого готфянина в его вероломстве и обмане, напрасно напоминала ему о клятвах его перед мощами святых мучеников: он остался глух к ее мольбам.

Путешествие окончилось. Они прибыли в дом готфянина. Лишь только жена его увидела Евфимию, как поняла, что это вовсе не простая пленница, и возненавидела бедную чужестранку всей душой. Не было обид и притеснений, каким она не подвергала бы Евфимию, а та все терпела, все переносила.

Скоро у Евфимии родился мальчик: стоило взглянуть на малютку, чтобы видеть, кто был его отец. Понятно, с какой злобой стала теперь относиться к своей рабе ее госпожа. Она решилась уморить невинного малютку — сына Евфимии. Однажды несчастная мать, возвратившись с работы, нашла свое дитя мертвым. Горько оплакивая младенца, она стала готовить его к погребению и вдруг заметила, что из его рта течет яд. Ясно стало ей, кто отравил малютку. Горькое чувство злобы закипело в ее душе: она взяла клочок шерсти, отерла им яд и спрятала его.

Как-то раз, подавая во время стола своей госпоже питье, она окунула в него отравленную шерсть; та выпила и в ту же ночь умерла в страшных мучениях. Понятно, что подозрение в отравлении жены готфянина пало на Евфимию, и озлобленный готфянин приказал бросить несчастную в ту тесную пещеру, в которой был положен труп его жены.

Можно ли представить себе то ужасное положение, в каком оказалась теперь бедная пленница?! Еще немного — и она должна была задохнуться около смердящего трупа в этой темной, ужасной могиле. Надежды на помощь человеческую уже не было никакой; бедная Евфимия возопила всем сердцем к Господу: "О Господи, Господи! Помилуй меня, грешницу, ради святых мучеников Твоих Гурия, Самона и Авива, которые пролили кровь свою за имя Твое! О святые мученики! Вас призывал в свидетели клятв своих злой враг мой.

И вот, когда она так молилась, являются ей в неизреченном свете святые мученики, и чудное благоухание разливается вокруг нее. "Не бойся, — говорят ей угодники Божии, — ты скоро получишь спасение". Несказанной радостью исполнилось сердце Евфимии, и она в изнеможении как бы заснула. .

Прошло несколько часов. Она пробудилась и с удивлением увидела себя уже не в мрачном гробе около смердящего трупа, а в благолепном храме, близ мощей святых мучеников, в том храме, который был знаком ей с

детства, в котором мать вручила ее вероломному готфянину, предавая покрову небесных заступников. В храме совершалось утреннее богослужение. Она поняла, что перенесена сюда невидимой силой Божией по молитвам святых своих покровителей. Не помня себя от радости она бросилась обнимать раку святых мощей их, проливая сладкие слезы благодарности к Богу и Его святым угодникам.

Скоро собрался около нее народ; послали за ее матерью, которая, увидев дочь, долго не хотела верить, что это она. Велика была и ее благодарность Господу и святым мученикам за такое чудное спасение дочери.

Между тем готфянин прибыл опять в Едессу по обязанностям воинской службы. Думая, что София ничего не знает о его клятвопреступлении, он явился к ней как добрый зять с поклоном от дочери. София созвала соседей и в их присутствии вывела Евфимию к изумленному готфянину. Запираться ему не было возможности: он во всем признался, и воевода приговорил преступника к смертной казни.

Вот почему святые мученики Гурий, Самон и Авив почитаются защитниками невинно страждущих жен; к ним и теперь с верой притекают в своих скорбях те несчастные женщины, которые терпят от своих мужей всякие притеснения. И прибегайте, бедные страдалицы, к небесным вашим заступникам, только не жалуйтесь им на своих неразумных мужей: лучше просите угодников Божиих, чтобы они вразумили их, прогнали от них беса пьянственного и наставили на путь истинный. И верьте, что они, угодники Божии, услышат молитву любви вашей и не оставят вас без помощи своей, а мужей ваших — без вразумления. Аминь.

594. Икона Знамени Богоматери

Кто из православных русских людей не знает святой иконы Богоматери, именуемой «Знамение»? Икона эта прославилась в Новгороде, в 1170 году, когда на этот город напали суздальцы со своими многочисленными союзниками.

Нелегко жилось нашим предкам в те скорбные времена. То были времена разделения Русской земли на множество уделов; что ни город, то был свой князь; немного было областей, подчиненных одному сильному великому князю, но и те дробились на мелкие уделы между сыновьями этого князя, да и самое достоинство великокняжеское то и дело переходило из рода в род, от одного княжеского рода к другому, а вместе с тем и великокняжеская столица переносилась из города в город, из Киева — во Владимир и Суздаль, а там — в Москву, Тверь и даже в Переяславль-Залесский. Князья спорили и сорились между собой, отнимали друг у друга земли, разоряли друг у друга области и довели Русскую землю до того, что ею завладели злые враги — татары, и владели Русью больше 200 лет.

Но среди всех бед и напастей, какими обуревалась наша родная Русь, православные русские люди всегда искали заступления и помощи у Бога, прибегая к молитвам Матери Божией и святых угодников Божиих. Нападает ли свой родной враг, какой-нибудь беспокойный соседний князь, или же надвинется орда диких татар — наши предки спешили в храмы Божии, молились, плакали, клялись в грехах своих и по вере своей получали милость Божию. То же было и в 1170 году, когда к Новгороду подступили сильные войска суздальцев в союзе с князьями: смоленским, рязанским, муромским, полоцким, переяславским и ростовским. Не раз новгородцы с честью отражали неприятелей от крепких стен своего города, но теперь силы были неравные.

25 февраля начался приступ. Битва кипела вокруг всего города. О примирении суздальцы и слышать не хотели. Надежды на чью-либо помощь ниоткуда не было. Оставалась одна надежда — на милость Божию. "Постоим за святую Софию!" — говорили храбрые новгородцы, разумея свой Софийский собор. И все, кто мог, вооружились.

А между тем растворили все храмы Божии, и в то время, как юноши и мужья умирали на стенах города, дети, старцы и жены плакали и молились в церквях. Смерть летала над головами осажденных. Плач и церковное песнопение сливались в одно. Уже два дня непрерывно длилась ожесточенная битва. Три дня и три ночи, с самого появления врагов у стен города, святитель Илья (он же Иоанн) безвыходно молился Богу у алтаря Господня, в соборной церкви. В третью ночь, когда все знали, что следующий день должен решить судьбу именитого города, Святитель вдруг почувствовал необыкновенный трепет и вместе с тем услышал голос, как бы исходящий от иконы, пред которой он молился. Голос говорил: "Иди в церковь Господа нашего Иисуса Христа, что на Ильинской улице, возьми там образ Пресвятой Богородицы, вознеси его на городские стены против неприятелей — и тотчас узришь Божие спасение!".

Несказанной радостью затрепетало сердце святителя Божия; в слезах умиления повергся он на помост церковный и до самого рассвета молился, изливая свои чувства в слезах. Настало утро. В городе и за городом все было по-прежнему: то же уныние осажденных, те же грозные силы под стенами. Один святитель Божий радовался духом. Он приказал благовестить в большой соборный колокол (по тогдашнему — било), собрал все духовенство и городских старейшин и рассказал им о своем видении. Точно молния, радостная весть облетела весь город. Все ободрились духом, в сердцах воскресла надежда на спасение.

Архиепископ послал в Спасову церковь, что на Ильинской улице, своего протодиакона с другими священнослужителями, чтобы они принесли в собор святую икону Владычицы, а сам начал петь молебен в соборе. Собранный народ с нетерпением ожидал иконы Богоматери. Сердца всех особенно теперь были устремлены к Заступнице усердной. Но что это значит? Почему так долго посланные не несут иконы? Уже не случилось ли чего? Но вот

вдали показались и посланные, только иконы при них нет. На вопрос, почему не принесли ее, они отвечали: "Когда мы хотели взять икону Владычицы, то не могли даже и с места ее сдвинуть. В ужасе мы пали пред нею, умоляя Царицу Небесную сжалиться над страждущим городом, и снова пытались взять икону, но, несмотря на все наши усилия, икона не сходит с места".

С благоговением выслушал их слова святитель Божий, он снова приказал ударять в большое церковное било. Народ все прибывал. Подняли святые иконы, кресты и хоругви. Сам Архиепископ, крестным ходом, со всем освященным собором пошел в Спасову церковь. Здесь он пал пред иконой Заступницы усердной и стал со слезами взывать к Ней: "О премилостивая Госпоже, Дево Богородице! Ты надежда и заступница града нашего, Ты прибежище всем христианам! На Тебя и мы, грешные, надеемся: молись Сыну Твоему и Богу нашему за град наш, не предай нас врагам нашим за грехи наши, но услыши плач и воздыхание людей Твоих и пощади нас! Яви на нас милость Твою, Владычице!"

Началось молебное пение. Все со слезами взирали на святую икону Матери Божией. И вот, лишь только запели после шестой песни кондак: "Предстательство Христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное, не презри грешных молений гласы...", как вдруг святая икона сама собой заколебалась. Тысячи голосов радостно воскликнули: "Господи, помилуй!" С благоговением принял Святитель чудотворную икону на свои руки, облобызал ее и передал нести двум дьяконам. С торжественным пением понесли икону на городскую стену и поставили ее в виду врагов, где кипела самая жестокая битва.

Народ с умилением сердечным молился Царице Небесной о пощаде города. Был полдень. Тучи стрел летели на стену. Вдруг одна из этих стрел вонзилась в икону Богоматери. Лик Пречистой обратился к городу, и Святитель увидел, что из очей Владычицы текут слезы на его фелонь. "О дивное чудо! — воскликнул он. — Как из сухого дерева источает слезы Царица Небесная? Она являет нам знамение, что со слезами молится Сыну и Богу Своему о избавлении града нашего". Невозможно словами изобразить то воодушевление, какое овладело в эту минуту народом, с какой крепкой верой он молился в это время. А на врагов напал трепет, их покрыла тьма; в смятении они стали убивать друг друга. Тогда новгородцы отворили ворота и все единодушно устремились на врагов. Победа была полная и в память ей установлен праздник 27 ноября, который и поныне празднует вся Российская Церковь.

Икона «Знамения» представляет Матерь Божию поднимающей две руки в умиленном молитвенном виде. В Ее недрах находится Предвечный Младенец. Много чудесных знамений было и после того от этой святой иконы. Так, в 1566 году вспыхнул пожар, грозивший истребить весь город, все усилия остановить распространение огня были напрасны. Тогда святитель, митрополит Макарий, с крестным ходом пошел в церковь Знамения, где находится святая икона, пал пред ней ниц с молитвой о пощаде

города, потом в крестном ходе понес ее по берегу Волхова и кропил святой водой на стремившийся к городу огонь. И вдруг пламень стал утихать, ветер с города подул на Волхов, и пожар скоро прекратился.

В 1626 году один серебряных дел мастер хотел обокрасть церковь Знамения Богоматери и накануне самого праздника 27 ноября спрятался в церкви после всенощной. Ночью он хотел снять с чудотворной иконы бывшие на ней драгоценности, но был отброшен на пол. В это время начался благовест к утрени, вошел пономарь, увидел святотатца и, думая, что он пьян, вывел его из церкви. Когда узнали о похищении, пономарь вспомнил о Плавильщикове (так звали вора), пошли к нему в дом, обыскали и нашли похищенное. А сам он оказался в повреждении ума.

595. Сказание о чуде, как святой великомученик и Победоносец Георгий вразумил сарацина

Во граде Рамеле, иже есть близ святого града Иерусалима, создана бысть церковь каменная во имя святого великомученика Георгия. Егда убо сарацины прияша во область свою всю Сирию, тогда в сей церкви случися чудо таково. Вниде некий нарочитый сарацинин со иными сарацины в церковь ту во время церковного правила, и, видев икону святого Георгия и пресвитера, пред иконою стояща, поклоняющася же и тайные совершающа молитвы, рече к другом своим: "Видите ли безумного сего, что творит, — молится. Но принесите ми лук и стрелу, да доску оную прострелю". И абие лук принесен бысть, его же он, создав всех стоя, напруг, испусти стрелу на икону мученикову. Стрела же не ко иконе, но в высоту лет, и, спадши с высоты, удари сарацинина того в руку и уязви тую. Изыде убо абие вон и иде в дом свой, болезнующи рукою зело, и умножашеся болезнь, и отече рука его вельми и, аки мех, надмесе, и вопияше стеньяши, смертною одержим болезнию.

Имеяше же в дому своем рабыни некий от христианская веры, яже призвав, рече: "Бых в церкви бога вашего Георгия и хотех прострелити икону его, но по случаю недобре стрелих, и возвратившись стрела, уязви мя в руку и се, умираю от нестерпимыя болезни". Они же рекоша ему: "Мниши ли, яко добре сотворил еси, дерзнув на образ святого мученика?". Глагола сарацинин: "Еда ли имать силу образ оный сотворити мя тако, как ныне есмь болен?" — Отвещаша рабыни: "Мы не книжни есмы и не имамы, что отвещати тебе, но призови пресвитера, той речет ти, яже от нас вопрошаеши". Послуша же варвар совета рабынь своих и, послав, призва пресвитера, и рече ему: "Хощу уведати, кую силу имать доска оная или икона, ей же поклонялся еси?" Отвеща пресвитер: "Аз не доске поклоняхся, но Богу моему, всех Создателю, молих же изображенного на доске святого великомученика Георгия, да ходатай будет от мене к Богу". Глагола варвар: "И кто есть Георгий, аще не бог он ваш есть?" — отвеща пресвитер: "Святой

Георгий несть Бог, но слуга Бога и Господа нашего Иисуса Христа, человек бысть, подобострастный вам, иже многия претерпе муки от поган нудивших его, да отвержется Христа, но он, мужественно вся претерпев, прия от Бога благодать соделовати знамения и чудеса. Мы же, любяще его, почитаем того икону и, аки на самого оного взирающе, поклоняемся, объемлем и лобызает сиче, как и ты, по смерти родителей твоих и любезных братии твориши, одеяния их пред тобою полагаеши, слезиши, лобзаеши, аки тех самых очесам своим представляя. Тако убо мы святых иконы почитаем, — не яко богов, не буди то, — но яко изображения слуг Божиих, иже иконами своими чудодествуют. Ежели и тебе случилось дерзнувшему стрелити на икону святого мученика, да уведаеши силу его в наказание иным". Сия слышав, сарацынин рече: "И что сотворю? Видиши руку мою отеку, и нестерпимую стражду муку, и к смерти приближаюсь..." — Глагола ему пресвитер: "Аще хочещи жив и цел быти, повели принести к себе образ святого великомученика Георгия и постави того над одром твоим, и лампаду елея пред ним возжжи на всю ночь. Во утрие же помажи елеем больную твою руку и веруй, яко исцелееши, — и будет ти тако". Сарацынин же абие моли пресвитера, да принесет икону Георгиеву, юже радостно приемши, сотвори вся тако, как от пресвитера научен бысть. И егда во утрие помаза руку свою елеем от лампы, абие преста болезнь, и исцеле рука его. Таковым чудом удивлен и увеселен варварин той, вопроши пресвитера, аще имать что в книгах своих писано о святом Георгии. Пресвитер же принес Житие и страдание святого, чтяще ему; он же, со вниманием послушая, держаще в руках икону мученикову и вещаше ко святому, на иконе изображенному, аки к живому, со слезами, глаголющи: "О святой Георгие! Ты юн, но смыслен был еси. Аз же стар, но безумен. Ты млад, Богу приятен. Аз же состарехся и лишен Бога, моли же о мне Бога твоего, да и аз буду раб Его". Таже припадая к коленом пресвитеровым, просяще того, да крещения святого сподобит его. Пресвитер же, видев его веру, крестити в тайне ночью, страха ради сарацынского. Бывшу же утру, новокрещеный оный сарацынин изыде из дому и, став посреде града в позор всем, со многим дерзновением нача велегласно проповедати Христа, истинного Бога, сарацынскую же веру проклинати. И абие стечеса к нему множество сарацынов, и исполнившеся гнева и ярости, устремишася на него аки дивии звери, и мечами на уды ссекоша. И тако в малом времени добрый исповедания соверши подвиг, и прия венец мученический, поспешествующим ему молитвам святого Георгия великомученика.

(Из Четии Минеи)

596. Как святая Церковь молится за усопших?

«Память совершающе всех усопших во Христе, и конечный (последний) день воспомянем, вернии, о нас же и об оных Христа присно молящее».

Шесть раз в году Святая Церковь Православная совершает нарочитое поминовение всех умерших от века в вере и надежде Жизни Вечной: в субботу мясопустную (перед Масленицей), в субботы 2-й, 3-й и 4-й седмиц Великого поста, в понедельник (или вторник) Фоминой недели и в субботу перед праздником Пресвятой Троицы. Кроме того, два раза в году бывает особое поминовение всех православных воинов: 29 августа и в субботу перед 26 октября (днем памяти святого Великомученика Димитрия). К сожалению, немногие знают, как трогательно молится в эти дни наша мать — Святая Православная Церковь о почивших, как она объемлет своей любовью всех верных, скончавшихся когда бы то ни было и где бы то ни было. С истинной заботливостью матери она перечисляет все виды внезапной смерти, всех усопших поминает, о всех умоляет Господа и такой любовью своей успокаивает скорбящие сердца тех, кто понес внезапную утрату. Но при этом две черты останавливают ваше внимание: Святая Церковь молится о всех скончавшихся в вере и вовсе не поминает одних только самоубийц. Прочтите же теперь хоть немногие, избранные нами, молитвенные воздыхания матери-Церкви о всех от века усопших и сами помолитесь душой о своих близких и милых. Песни эти написаны святым Феодором Студитом (игуменом Студийского монастыря в Царьграде) больше тысячи лет назад.

«Еси помолимся Христу, творяще память днесь от века мертвых, да вечного огня избавить я (их), усопшия в вере и надежде Жизни Вечныя.

Страшный конец смерти, и грозный суд Владыки: огонь бо неугасимый уготовися тамо, червь неусыпаемый мучай, и скрежет зубов, тьма кромешная (без всякого просвета) есть, и вечное осуждение. Темже (посему) зовем ко Спасу: яже избрал еси от привременных упокой за велию Твою милость.

Вси в житии оставльшиися, приидите, во гробех ужасающесе приникните, и видите мира прелесть (обман): где ныне тепла доброта (красота) и слава и богатство? Где же гордость жития? Воистину суетная вся. Темлсе зовем ко Спасу: яже избрал еси от временных упокой за велию Твою милость!

Ныне во гробе илсе на престоле; ныне иже в порфире во тлю облечесе, не ктому бо на престол, но во гробе лежит: се исчезе царская дерсава. Се яко соние преходит человеческое житие. Темлсе зовем ко Спасу: яже избрал еси от привременных упокой за велию Твою милость!

Яко цвет увядает, и яко сын (тень) мимо грядет, разрушается всяк человек. Паки же гласящей трубе, мертвии яко в трусе еси востанут к Твоему сретению, Христе Боже. Тогда, Владыко, ихже преставил еси от нас — во святых Твоих учини кровех, согрешения их, Благосерде, презирая.

Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезная всем подаваяй, едине Содетелю, упокой, Господи, души раб Твоих: на Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя и Бога нашего.

Глубиною судеб Твоих, Христе, всёпремудре Ты предопределил еси коегождо кончину жизни, предел и образ; темлсе яже покры гроб во всякой стране, на суде спаси, Всещедрый!

Пределы жизни наша давай, темлсе усопшия от житейския ноци покажи. Господи, сыны дне невечерняго — священники православныя, цари же и вся люди.

Отцы и праотцы, деды и прадеды, от первых и далее до последних, во благозаконии и благоверии, умершия, вся помяни, Спасе наш!

Всякий возраст, старцы и юные младенцы, и дети и ссущия млеко, мужское естество и женское упокой, Боже, яже приял еси верныя.

В горе, на пути, на местех пустых житие оставльшия в вере, монахи же и беглецы, юноши и старцы — со святыми, Христе, всели!

От печали и радости прешедшия ненадежно (внезапно), верою абие пременившия житие, в благоденствии или злоденствии пострадавшия — вся упокой, Спасе наш!

От четырех конец, Господин, приемляй, верно усопшия — в мори или на земли, или в реках, источницех, или езерех, или в роенницех (рвах с водой, колодцах), бывшия снесь зверем и птицам и гадом — вся упокой!

Внезапу благочестно умершия, и падшия от всякия стремнины (высоты), древа, железа, всякаго камене — упокой, Боже, усопшия верныя!

Яже покры вода и брань (война) пожат, яже трус объят и убийцы убиша, и яже огонь попали верныя, Милостиве, учини в части праведных.

Яже уби меч и конь совосхити, град, снег и туча умноженная, яже удави плинфа (задавило кирпичом) или персть посыпа (землей засыпало), Христе Спасе наш, упокой!

Напрасно (внезапно) восхищенные (от жизни), попаленный от молний и измерзшия мразом, и всякою раною, упокой, Боже, егда огнем вся искусиши.

Умершия Божиим прещением (от) смертных, громов всяких, с небесе изнесенных, земли разседшейся, морю возмутившуся, вся верныя, Христе, упокой!

Неизглаголаннныи Твоими судьбами яже убиша чаровная напоения, отравы, костная удавления — со святыми, Господи, упокой!

От ядовитых угрызений умершия, от поглощения змиев, от попрания копей, от удавления и обещения (повешения) от искренняго (ближнего), верою Ти послужившия упокой!

Ихже всякое естество морских (животных) и птиц небесных прият снещение, Твоими судьбами воскреси, Христе Более, в последний день со славою!

Всех, яже создал еси, имже попустил еси, Господи, полезная ведый, внезапными падежами ненадежно умрети, избави муки всякие, Более наш!

Огня приснопалящаго, и тьмы несветимыя, скрежета зубнаго и червия бесконечно мучащаго и всякаго мучения избави, Спасе наш, вся верно и умершия!

Нас ради претерпевый крест и смерть, и умертвивый ада, и совоскресивый мертвыя, преставльшиися от нас, Спасе, упокой, яко

Человеколюбец Бог, и в трепетное и срашное пришествие Твое, Жизнодавче, яко имеяй множество милости, царствия Твоего сподоби.

Сокрушивый पहले сень смертную, возсияв яко солнце из гроба, сыны воскресения Твоего сотвори, Господи славы, вся умершия в вере, во (вся) веки!

Последнею убо трубою вострубившу Твоему Архангелу, в воскресение жизни всех, тогда, Христе, рабы Твоя упокой.

О, страшнаго Твоего втораго пришествия, Господи! Зане яко в виде молнии на землю пришед, воздвигнеши все создание Твое судитися. Тогда в вере Тебе поживших, сретших Тя, с Тобою быти сподоби.

Коегождо по имени, в вере умершия от века и от рода родов, неосужденно предстати Тебе, Христе, тогда в пришествии Твоем сподоби.

Вся презирай плотские долги (грехи) наша, Спасе наш, во всяком возрасте всего рода человека, перед судищем Твоим постави неосужденны, Тебе Создателю отвечающия.

Егда имаши сести на престоле и повелиши на с'уд предстати собранным трубою от конец земли, тогда пощади и всех, Христе, яко милостивый!

Егда судити будеши всяческим, стоящим нагим и откровенным перед лицом Твоим, тогда, Щедре, пощади послужившия Ти верно, Боже! В селениях избранных и во стране живущих, яже приял еси, Иисусе, благочестно усопшия учини, яко благоуветливый Бог, и исполни невечерняго света, и небесныя Твоя радости сподоби.

Упокой, Боже, рабы Твоя, и учини я в рай, идеже лица святых, Господи, и праведницы сияют яко светила, усопшия рабы Твоя упокой, презирая их вся согрешения.

Покой, Спасе наш, с праведными рабы Твоя, и сия всели во двory Твоя, как есть писано, презирая яко благ прегрешения их вольная и невольная, и вся, яже в ведении и неведении, Человеколюбче!

Сладосте Ангелов, скорбящих Радосте, христиан Предстательнице, Дево Мати Господня, заступи нас и избави вечных мук!

Тебе и стену, и пристанище имама, и молитвенницу благоприятную к Богу, Егоз/се родила еси, Богородице безневестная, верных спасение!

Скорый Твой покров, и помощь, и милость покажи на рабех Твоих, и волны, Чистая, укроти суетных помышлений, и падшую душу мою возстави, Богородице: вем бо, вем, Дево, яко можеши, елика хочещи!

597. Чем умиротворить смущенное сердце?

Позволь спросить тебя, возлюбленный брат христианин, оглашающий весьма часто небо и землю своими скорбными жалобами: скажи мне, что тебя столь оскорбляет — самый умысел оскорбителя или только то, что он может на деле исполнить свой умысел? Ты отвечаешь: меня оскорбляет и то и другое вместе. На это скажу тебе, что ни злой умысел, ни приведение его в исполнение не могут нанести тебе оскорбления: злое намерение без власти ничтожно и никакого вреда тебе не делает, а привести злое намерение в

исполнение никто не может без поущения Божия, то есть без воли Божией, которая справедлива и свята. Тебе известно, что всякая власть — от Бога; зачем же ты печалишься и жалуешься на оскорбителя за то, что он сделал тебе только поущенное ему Богом? Ведь иначе бы он и не мог тебя оскорбить, если Бог ему не попустил это.

Скажешь: противник мой нанес мне величайшую обиду. Спрошу: какую? За грехи твои тебя наказывает Бог, или учит тебя терпению, или умножает твою награду за невинное оскорбление тебя — и ты считаешь себя обиженным? Скажешь: этого лукавого человека и его злобную волю я ненавижу. Но ты все обращаешь свое внимание на дела других людей, а я тебе советую лучше обратить взор свой к Богу и к своей совести. Хотя воля человеческая и зла, и нечестива, но что же она могла тебе сделать? Ты вот досадуешь на то, что твой противник повредил тебе, но подумай: почему он мог повредить тебе? Не по власти ли и по воле Божией? А если по власти и по воле Божией, то всегда по судьбам праведным, достохвальным и святым. Следовательно, ты или умолкни, или обрати жалобы свои к Божественному поущению и запечатлей твердо в душе своей, что никогда Бог не попустит, чтобы чужая злая воля могла причинить тебе какое бы то ни было зло, которое не послужило бы тебе в пользу, если только ты сам не повредишь себе же самому. И кто может сделать нам зло, если мы будем ревнителями всего доброго?

Прекрасно сказал блаженный Августин: "Не бойся врага: он не силен повредить тебе больше того, насколько получил власти от Бога. Бойся Бога, Который силен столько сделать, сколько захочет, и Который ничего несправедливого не делает, но что Он делает, то все справедливо. А если что-нибудь, по мнению нашему, казалось бы несправедливым, то веруй, что если оно произошло по воле Божией, то несомненно, что оно есть справедливо и истинно".

Спросишь: если бы кто убил невинного человека, справедливо он поступил или несправедливо? Нет сомнения, что это несправедливо и достойно казни. Спросишь опять: почему же Бог допустил такую несправедливость? Ты хочешь вести спор с Богом прежде, чем сделался достойным вопрошать Бога: по какой причине, Боже, Ты допустил это? Намерения Божии о том или причины Его поущения не могу тебе, любезный мой, прямо объяснить, потому что премудрость Божию нельзя всю обнять умом человеческим; но утверждаю только, что и убивший невинного человека действовал несправедливо, и что этого убийства не было бы, если бы Бог не попустил его по неведомой нам праведной причине. Говоря другими словами: убийца совершил дело несправедное, требующее казни; но поущение Божие — праведно и премудро по причине праведной, но сокрытой до времени от нас.

Подобным образом рассматривает блаженный Августин дело об убиении Христа нашего Спасителя. Он говорит: "Иуда, незаконный предатель Христов, и гонители Христовы — все незаконники, все

нечестивцы, все неправедники, все погибшие; однако же Бог Отец Сына Своего не пощадил, но предал Его, попустил убить Его за спасение всех нас": вот таинственная причина пощущения Божия на убиение Единородного Своего Сына законопреступниками, — причина, в то время не объяснимая. Рассуди сам, любезнейший мой, если можешь, всякое подобное дело, отдели обе его стороны, то есть законопреступника, совершающего злое дело, от Бога, соизволяющего на пощущение, и рассмотри: что сделал тебе нечестивый, что — Праведный? Тот захотел умышленно совершить зло, Этот попустил совершиться злоумышлению, и попустил справедливо для того, чтобы нечестивого воля погибла, а праведное пощущение прославилось бы. Не удивляйся же, что Бог попускает совершаться злу: Он попускает это по праведнейшему Своему суду, попускает мерой, числом и весом. У Него нет неправды, ты сам только всецело предайся Ему, усвойся Ему, — для успокоения себя при нанесении нам обид известно одно только верное средство: когда тебя кто обидел или оскорбил, то ты не обращай своего внимания на злость оскорбителя, но обратись к правосудному Богу, попустившему обидеть тебя твоему противнику и не воздавай ему злом за сделанное тебе зло: ибо оно пощущено Богом для достижения целей добрых и справедливых, хотя и неизвестных тебе до времени.

Этого обычая держались все святые угодники Божии: они не разыскивали, кто и за что их оскорбил, но всегда обращали сердца свои к Богу, смиренно признавая справедливость Божия пощущения, и потому они считали нанесенные им обиды за благодеяния для себя, а своих противников — за благодетелей, говоря: вот наши истинные благодетели, ибо они не льстят нам; те же, которые нас хвалят и величают нас в глаза, льстят нам и вредят нашему внутреннему усовершенствованию. Поэтому святые всегда мысленный взор свой обращали к Богу, во всяком деле полагались на Промысл Божий и всего доброго ожидали от Бога.

Бесконечная благодать Божия никогда бы не попустила быть на земле таким беззакониям, если бы отсюда она не производила величайших благ, и сделанное по злобе не обращало бы во спасение. Бог попустил умножиться братней зависти против невинного Иосифа, но попустил для какого благодеяния? Не для спасения ли от голодной смерти не только его родителей, братьев и родственников, но и всего Египта? Попустил Бог нечестивому Саулу всячески озлоблять кроткого, незлобивого Давида, но не для пользы ли самого Давида и всего царства еврейского? Попустил Бог бросить в ров к разъяренным львам безвинно оклеветанного Даниила Пророка, но для чего? Для возведения его самого и друзей его на высшую степень величия и славы.

Но зачем мне рассказывать о многочисленных событиях ветхозаветной истории, когда через пощущение Божие завистливые первосвященники, фарисеи и старейшины еврейские по зависти предали на распятие Единородного Сына Божия Иисуса Христа, и это пощущение обратилось во спасение всего рода человеческого?

Таким образом, от каждого попущения открываются нам величайшие богатства славы Божией и Его благодеяний каждому человеку и всему роду человеческому. Отсюда открываются нам благодать Божия, милосердие Его, всемогущество, величество, предведение и Промысл; высочайшая мудрость Его осиявает нас, тем самым побуждая весьма многих внимательных людей к умножению многотрудных, но славных подвигов, награждаемых и в нынешней жизни, и в будущей.

О, как дивно и величественно проявляет себя промышление Божественное в Своих повседневных попущениях! Неважно от добра произвести добро, но весьма удивительно злое обратить в добро. Есть поговорка: на спокойном море всяк может быть кормчим. Невелика мудрость, когда ветер попутный, корабль крепок, море не волнуется, матросы корабля знают свое дело, а пристань видна, — направить к ней корабль. Но иное дело, когда буря бушует на море, корабль поврежден, волны с шумом вливаются на палубу, или когда ночь темная, ничего не видно, разбойники окружили корабль, матросов мало и они плохо вооружены, и при всем этом капитан корабля так искусно распорядился, что безбедно избежал опасности, — вот это удивительное дело: капитан делом доказал свою мудрость и опытность.

Подобное замечаем мы и в мироправлении Божиим: нам кажется, что Бог попустил зло не к добру; а Бог приводит это к наилучшему концу по Своей неизреченной премудрости и правде. Но должно помнить, что грех против ближнего, учиненный по попущению Божию, через это не заслуживает еще ни малейшего смягчения вины грешника, потому что намерение у согрешившего было злое и осталось злым, а Бог обратил зло его в добро только по богатству Божественной благодати Своей. Например, если бы какой злодей по злобе сжег хижину бедняка, а другой добрый и достаточный человек из сожаления к бедняку выстроил ему не в пример лучший домик вместо истребленного пожаром, то и в таком случае не могли бы служить облегчающими вину поджигателя ни малочность подожженной хижины, ни то добро, какое было оказано бедняку по случаю пожара.

(Из книги "Илиотропион" святителя Иоанна, митрополита Тобольского и Сибирского)

598. Положи, как Иов, завет очам твоим

Прекрасное дело — превозносить похвалами целомудрие, но еще прекраснее самому обладать им. Для того и благоугодно было Богу прославить добродетели святых в Священных Писаниях, чтобы все люди стремились подражать им и соблюдать целомудрие. Вот целомудреннейший Иосиф призывает нас подражать ему. Будем же ликовать вместе с этим прекрасным юношей духовным ликованием, прославляя его целомудрие не

словами только, но и подражанием в делах. Он был поистине ревностным хранителем целомудрия, тогда как мог бы управлять самой царицей. Он помнил, что богатство, власть и слава проходят с настоящей жизнью и что одна только добродетель не имеет конца, и потому удерживал греховные пожелания, словно какой-нибудь уздой — страхом Божиим, а все остальное презрел, считая страдания в темнице приятнее всяких великолепных жилищ. Красотой души он затмил красоту тела, уподобившись по телесной красоте некоторой прекрасной звезде, а по душевной доблести — Ангелам. Мы должны удивляться не только целомудрию этого юноши, но и тому, какие он претерпел опасности за это, считая угождение плоти страшнее самой смерти. Стоит только вспомнить время, в какое он сохранил душу свою чистой. Это было прежде, нежели явился на землю Господь Иисус Христос. Поэтому Иосиф может сказать нам, христианам: если я, который жил прежде Рождества Христова и не слышал верховного апостола Павла, взывающего, «что телеса наши суть члены Христовы» (1 Кор. 6; 15), однако был убежден, что рабам Божиим должно преодолевать похоть, то тем более вам, христианам, подобает со страхом и трепетом вести жизнь целомудренную, чтобы вы, члены Христовы, не сделались членами блудницы!

Эти слова могут обуздать самые пламенные пожелания. Не так легко дождь, падающий на огонь, погашает пламень, как эта речь, проникнув в душу, истребляет порочные похоти.

Те же слова может сказать нам и великий Иов, который «положил завет очам» своим, чтобы они не смотрели на лицо девицы, чтобы красота, ослепляя ум его, как-нибудь не увлекла его (Иов. 31; 1). Кто не удивился и не изумился бы, видя, что тот муж, который как лев боролся с самим дьяволом и побеждал все козни лукавого, избегал лица девицы и не допускал глазам своим смотреть на красивую отроковицу? Он знал, что в борьбе против бесов нужен мужественный и смелый дух, а в соблюдении целомудрия победа приобретается не обращением с девицами, а удалением от них.

Итак, кто дает обет девства, тот пусть примет советы целомудреннейшего из всех людей, который был таким блюстителем целомудрия еще прежде Рождества Христова. Всевышний Бог для того и принял наш образ, чтобы низвести к нам с неба Ангельскую святость. Если же люди и после такой чести предаются страстям, но невозможно выразить великости безумия, когда члены Христовы, делаясь членами блудницы, оскорбляют милость Господа и делают ее тщетной. Бесы слушают и трепещут, потому что Богу не угодно, чтобы они входили в общение с Ним; а нас Он принимает в общение с Собою, и после этого некоторые из верующих дерзают отделяться от Христа и соединяться с блудницами. Не столь велико зло — упасть с неба в грязь, сколь велико зло — сделавшемуся членом Христовым отвергать эту Божественную честь и делаться членом блудницы.

Итак, когда порочное желание воспламеняет твою душу, тотчас вспомни о Христе, представь, что пред тобой стоит Павел, взывающий и говорящий: «не весте ли, яко телеса ваша удове Христовы суть? Взем ли убо уды

Христовы, сотвориши уды блудничи?» (1 Кор. 6; 15). Ничего не может быть страшнее этих слов. Не сказал: «взем ли убо уды Христовы», соединю их с блудницей, но что? «Сотворю уды блудничи». Такое выражение гораздо разительнее. Бегайте, говорит, «блудодеяния.» Не сказал: воздерживайтесь, но бегайте, тщательно старайтесь удаляться от этого порока. Несте, говорит, свои. Как можешь ты, говорит, делать, что тебе вздумается? Ты не властен над собой: «куплены бо есте ценою» (ст. 19; 20). Апостол напоминает о величии благодеяния и образе нашего спасения, показывая, что мы искуплены тогда, когда были Ему чуждыми, и не просто, но ценой. «Прославите убо», говорит, являйте Бога и в теле вашем, и духе. Внушает не только телом не совершать прелюбодеяния, но и в духе и в душе не помышлять ничего порочного и лишать себя благодати. «Яже суть Божия», говорит Апостол. Божиими назвал их не только потому, что Бог сотворил их, но и потому, что, когда они сделались чуждыми Богу, Он вторично приобрел их ценой крови Сына Своего. Смотри, как он относит все ко Христу, как возводит нас на небо. Вы, говорит, члены Христовы, вы — храм Духа Святого; не будьте же членами блудницы; вы бесчестите не свое тело, ибо тело ваше — не ваше, а Христово.

Представляй это и будь целомудрен. Ты не имеешь власти над плотью на удовлетворение порочных пожеланий, а только на исполнение заповедей Божиих. Потому умоляю вас: бегайте блуда. Если от блуда и родится дитя, тебе же позор, и оно по твоей же вине будет страдать, как незаконнорожденное и не имеющее имени. Хотя бы ты оставил ему великое богатство, все же будет оно бесчестно в доме, бесчестно в городе, бесчестно перед судом. Бесчестен будешь и ты сам, как в жизни, так и по смерти. Ибо когда и умрешь, останутся после тебя памятники твоего позора. Зачем же тебе все осрамлять?

Блажен, кто не испытал этого отвратительного греха. Но если кто когда-нибудь пал, то пусть прилагает врачевства для очищения от этого греха. Что же это за врачевство? Горячие источники слез, исходящие из глубины сердца вздыхания, постоянное сокрушение, усердные молитвы, милостыни, осуждение сделанного, решимость больше не делать таких дел: так грех смывается, так очищается нечистота души.

Когда увидишь ты красивую женщину, не о том помышляй, как бы удовлетворить своему желанию, но как бы освободиться от этого желания. Как же это, скажешь, можно? Это не от меня зависит. А от кого же? От наветов диавола. Обвиняй же в этом диавола, борись же с диаволом и противься страсти. Но посмотри: не виновны ли и сами мы?

Действительно, эта страсть не есть только навет и обольщение диавола, но мы сами первые виновники ее. Она ни от чего так легко не рождается, как от праздности, беспечности и от того, что человек вовсе не занимается даже необходимыми для него делами. Как рассеянного мальчика, который бродит по улицам, легко увлекают злые люди, так и душа беспечного и рассеянного легко пленяется страстью. Как незасеянная земля и сама собой производит

траву, так и душа, не упражняемая в добрых делах, по необходимости предаётся злым делам. И как глаза, не могущие не смотреть, необходимо смотрят на худое, когда не имеют перед собой хорошего, так и помыслы, не занимаемые ничем полезным и необходимым, по нужде останавливаются на бесполезном и вредном.

Итак, если ты при взгляде на красивую женщину почувствуешь страсть к ней, то больше не смотри на нее — и освободишься от страсти. Да я не мог, скажешь, не смотреть на нее, меня тянет к ней страсть. Займись полезными предметами: читай хорошие книги, заботься о своих нуждах, ходатайствуй, защищай обидимых, молись, размышляй о будущем: вот к чему устремляй душу твою. Поступай так — и ты освободишься не только от новой раны, но легко можешь излечить отвердевшую и застаревшую. Лишь бы ты сам захотел этого. Но если мы все будем обращаться и беседовать с теми, которые поражают нас стрелами этой страсти, и, даже когда их нет налицо, говорить о них сами и слушать рассказы других, то не сами ли мы питаем страсть и усиливаем болезнь свою? Как ты хочешь погасить огонь, каждый день раздувая пламень? А больше всего нужен в этом случае страх Божий, память о муке вечной и желание Небесного Царствия. Имей постоянно перед глазами лучезарный крест Христов — и ты останешься чистым от греха. Как столп облачный — образ нашего креста—ограждал народ еврейский, чтобы ему не потерпеть зла от египтян, так крест, зримый перед глазами, тотчас отгоняет всякое порочное желание. Он есть спасение для души и целительное врачевство против нечистых пожеланий.

Итак, просим и умоляем тех, которые согрешили и еще служат похотям плоти, исправиться и образумиться, чтобы им не быть совершенно побежденными от страстей, чтобы добровольно не подвергнуться тяжкому рабству, но чтобы выступали на борьбу, укрепляли себя страхом Христовым, чтобы, истребив всякую нечистоту, мы могли со святой и неповрежденной душой приступить к Божественным и Страшным Тайнам великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь. (Сл. к новокрещ; 18 беседа на 1 Кор.; 24 на Рим. 7 на 2 Кор.).

(Из творений святителя Иоанна Златоуста)

599. Праздник Рождества Христова в Церковных песнопениях

Листок четвертый

1. Славословия Богоматери

«Приидите, Матерь Света песньми немолчными зовуще еси прославим: Та бо роди Спасение наше, и радуйся принесем, яко единой рождшей всех Начальнейшаго, Иже прежде век Бога.

Иже прежд денницы от Отца без матере Родивыйся, на земли без отца воплотися днесь из Тебе. Темже звезда благовествует волхвом, Ангели же с пастырьми поют несказанное рождество Твое, Благодатная. Яко видеша

Ангели, Дево чистая, от утробы Твоея происшедшаго Сына Божия, с веселием глаголаху: слава рождеству Твоему, Владычице!

Иже в недрах Отчих на дланех матерних Твоих почи, Богородице, Рождейся в вертепе. И всем верно поющим Тя отверзает царство.

Весь воплощься во утробе Твоей, Пречистая, Христос Бог без семени родися; не стерпе бо Своих рук создание зрети от льстиваго мучимо, прииде рабозрачным образом (в виде раба), человеческий род избавити.

Раждается Бесплотный, Бог Слово во плоти из Тебе, Дево пречистая, да жизнь безлетную человеком, и наследие вечное, и славу подаст нетленную.

Страшно чудо зачатия и несказанен образ рождества в Тебе познася, чистая Приснодево, ужасает ми ум и удивляет помышления. Во инех женах мати, дондеже дева, не познася; ни мати по рождестве девствовати сподобися: на Тебе же, Дево Богомати, обоя устроишася; тем веселием духа воспеваю: несть непорочны паче Тебе, Владычице! Без семени, от Божественнаго Духа, волею же Отчею зачала еси Сына Божия, от Отца без матери прежд век суца, нас же ради из Тебе без отца бывша, плотню родила еси и Младенца млеко питала еси.

Зачала еси. Пречистая, всю тварь горстию Содержащаго, яко Зиждителя и Бога, неизреченно, непостижно, нас ради по нам Человека бывша, и еже б неотступльша.

Ум землен не может разумети Твоего паче ума зачатия, Дево Мати Отроковице: Бога бо родила еси.

Ужасошася всяческая о Божественней славе Твоей: Ты бо, неискусобрачная Дево, имела еси во утробе над всеми Бога, и родила еси безлетнаго Сына, всем воспевающим Тя мир подавающая.

Се исполнися Исаино проречение: Дева бо родила еси, и по рождестве, яко прежде рождества, пребыча еси, Бог бо бе Рождейся.

Исаие, ликуй! Дева име во чреве и роди Сына Еммануила, Бога же и Человека, Восток имя Ему, Егоже величающе, Деву ублажаем.

Бога человеком невозможно видети, на Негоже не смеют чини Ангельстии взирати: Тобою же, Всечистая, явися человеком Слово воплощенно...

Еще от века утаенное и Ангелом несведомое таинство: Тобою, Богородице, суцим на земли явися Бог, в не слитном соединении воплощаем...

Царь Небесный за человеколюбие на земли явися и с человеки поживе, от Девы бо чистая плоть приемый и из Нея прошедый с восприятием (человеческого естества); един есть Сын, сугуб (двойствен) естеством, но не ипостасию (не личностью); темже совершенна Того Бога и совершенна Человека воистину проповедующе, исповедуем Христа Бога нашего. Егоже моли, Мати безневестная, помиловатися душам нашим.

Пророцы проповедаша, Апостоли научиша, Мученицы исповедаша, и мы веровахом Богороицу Тя воистину сущую: тем и величаем рождество Твое неизреченное.

Украшена, препрославлена, пресияющая светом девства явилася еси, Мати, Бога плотию рождающая и пеленами повившая вся явь Повивающего.

Кто Тебе не ублажит. Пресвятая Дево? Кто лине воспоеет Твоего пречистого рождества? Бесплотно бо от Отца возсиявый Сын едиnorodный, Той же от Тебе чистая пройде, неизреченно воплощся, естеством Бог сый, и естеством быв Человек нас ради, не во двою лицу разделяемый, но во двою естеству неслитно познаваемый. Того моли, Чистая, Всеблаженная, помиловаться душам нашим.

Тя паче ума же и слова в Вифлееме Бога Слова днесь рождшую, Дево, и в пеленах Сего повившую, яко воистину Богоотроковицу и Богородицу величаем.

Радуйся, радости прадедов, Апостолов и Мучеников веселие, и покров нас, Дево, Твоих рабов! Радуйся, Богородице Дево; радуйся, похвало всея вселенныя; радуйся, пречистая Мати Божия благословенная!

Яко общую радость, о Богородице, вся тварь песнями Тя почитает.

2. Ликования

«Христос рождается: славите! Христос с небес: срящите! Христос на земли: возноситеся! Пойте Господеви вся земля и веселием воспойте людие, яко прославися.

Небо мне показася днесь земля: на ней бо рождается Творец, и в яслех восклоняется; со Ангелы поют пастырие непрестанно: в вышних слава мир в мире!

Ликують Ангелы вси на небеси, и радуются человецы днесь, играет же вся тварь рождагося ради в Вифлееме Спаса Господа: яко всяка леств идольская преста, и царствует Христос во веки.

Радуимся, вернии, и расширим уста, слово плетуше от словес сладкопения (венец исплетем из словесных цветов).

Веселитесь, праведнии; небеса, радуйтесь; възиграйте, горы, Христу рождшуся: Дева седит, Херувимом подобящися, носящи в недрах Бога Слова воплощенна; пастырие Рожденному дивятся; волсви Владыце дары приносят; Ангелы воспевающе глаголют: непостижиме Господи, слава Тебе!

Благовестуй Иосифе, чудеса Давиду Боотцу: Деву видел еси рождшую, с пастыри славословил еси, с волхвы поклонился еси, Ангелом весть прием...

С Иаковом воспоим славным Богобратом Давида Богоотца, Иосифа же Божественного, Богородицы обручника: Христову бо Божественному рождеству во граде Вифлееме послужиша боголепно, со Ангелы, волхвы и пастырьми Тому песнь поюще... яко Богу и Владыце.

Да поют радующеся царствия вся земная, отечествия же языков да веселятся горы и удолия, и холми, реки, море, и вся тварь Господа рождагося величает.

Днесь Христос в Вифлеем рождается от Девы; днесь Безначальный начинается и Слово воплощается; силы небесные радуются и земля с человеки веселится; волсви Владыце дары приносят; пастырие Рожденному

дивятся. Мы же непрестанно вопием: слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение!

Днесь невидимое естество человеком от Девы совокупляется; днесь безмерное Существо в Вифлееме пеленами обвивается; днесь Бог звездою волхвы в поклонение приводит, провозвещая Свое тридневное погребение, яко во злате и смирне и ливане. Емуже поем: воплотивыйся от Девы, Христе Боже, спаси души наша!

3. Назидания

Из Персиды царие злато, смирну и ливан рожденному Царю и Богу принесоша древле; мы же ныне благочестномудренне, от души, надежду, веру и любовь принесем Ему, Деву поюще. Веру вместо злата, любовь же яко смирну, яко ливан — деяния принесем, вернии, Зиждителю, нас ради родитися плотию благоволившему.

Союзом любве связуеми, яко братолюбцы. Владущему всеми, мир зело возлюбившему, и давшему избавление Сына возлюбленного, дадим славу Дающему всем мир.

Закона любве держащися, братолюбия изволение да восприимем, друг со други мирствующе: мира бо Податель приходит Христос, умиряяй всяческая.

Скверну слову от у стен изыти, вернии, возбраним, поучавшися же, словеса Божественная Христу ныне принесем, разрешшему ны безеловесия, в безеловесных лежащему яслях.

Днесь рождается от Девы рукою всю Содержай тварь; пеленами как земли повивается, Иже существом неприкосновен Бог; в яслях возлежит утвердивый небеса словом в началех; от сосцев млеко питается, Иже в пустыни манну одождивый людем; волхвы призывает Жених церковный; дары сих приемлет Сын Девы. Поклоняемся рождеству Твоему, Христе; поклоняемся рождеству Твоему, Христе, поклоняемся рождеству Твоему, Христе; покажи нам и Божественная Твоя Богоявления!

600. Что есть печать Христова и что будет печать антихриста

Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов в Апокалипсисе ясно показывает, как в последние дни, в пришествие антихристово, народы будут двух вер. Одни во Христа будут веровать, другие — в антихриста. И народы обоих же тех вер будут иметь печать на челе своем: верующие во Христа будут иметь печать Христову, верующие же в антихриста будут иметь печать антихристову. О народах, верующих во Христа, пишется так: «И видех инаго Ангела восходяща от востока солнца, имуща печать Бога Живаго: и возопи гласом велиим к четырем Ангелом, имже дано бысть вредити землю и море, глаголя: Не вредити ни земли, ни моря, ни древес, дондеже запечатлеем рабы Бога нашего на челах их» (Откр. 7; 2-3). О народах же, имеющих веру в антихриста, пишется так: «даст им начертание на десней руке их или на челах их. Да никтоже возможет ни купити, ни продати, токмо кто иматъ

начертание, или имя зверя, или число имене его» (Откр. 13; 16-17). Неверующих же во антихриста, антихрист убивать будет, ибо сказано: «иже аще не поклонятся образу звериному, убиени будут» (Откр. 13; 15). Но кто не будет иметь печати Божией на челах своих, тех гнев Божий казнить будет: «и възыде дым от студенца яко дым печи велики, и омерче солнце и воздух от дыма студеничнаго. И от дыма изыдоша пружи на землю, и дана быть им область, как имуть область скорпии земнии: И "речено быть им, да не вредят травы земныя, ни всякаго злака, ни всякаго древа, но человеки точию, иже не имуть печати Божия на челах своих» (Откр. 9; 2-4).

Какая же печать Бога Живаго будет на челах людей Божиих в дни антихриста? Святой Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской, толкователь Апокалипсиса, ясно говорит, что печатью сей будет святой крест. Толкуя приведенные слова Апокалипсиса: «видех инаго Ангела», — святой Андрей пишет так: "Еже Иезекиилю древле открыся... сие и zde блаженному (Иоанну Богослову) указывается, превышайшей святой силе, повелевающей казнителям, святым Ангелам, ничтоже соделати согрешившим, прежде даже познают истины служителей запечатлением разделенных бывших. Но убо, как речеся, во время пришествия антихристованаипаче будет (умножение верных): печати Животворящего Креста, отделяющей от неверных верных, непосрамленно и дерзновенно знамение Христово пред нечестивыми носящих. Тем же глаголет Ангел: не повредите землю, ниже море, ни дрeвеса, дондеже запечатлеем рабов Бога нашего на челах их"". Тот же святой Андрей в другом месте пишет: "В конце лукавых деяний сокровенна (сокрыта) есть душевредная смерть, ей же подлежат не знаменованные на челах Божественной печатью и просвещением Животворящего Креста".

Согласно святому Андрею пишет и святой Ипполит в слове своем в Неделю мясопустную, говоря, что Крест Христов будет печатью верных. То же свидетельствуется и в "Книге о Вере" безымянного творца, которая напечатана была в Москве при Патриархе Иосифе: "Во время второго пришествия Христова вси святые знаменанни будут знамением Креста" (Л.69 об.). И что яснее может быть сего показания и свидетельства? Не говорят ли раскольники, что восьмиконечный Крест печатью будет на челах верных? Но да внемлют они первым словам святого Андрея, который, вспоминая видение Иезекиилю, приводит и видения Иоанновы. Что же видел Иезекииль? — Видел Ангела, знаменующего чела людей Божиих, и было то знаменование по подобию греческой буквы "тав", которое пишется по-русски как "Т". И буква эта является преобразованием Креста четвероконечного, а не восьмиконечного. И, приложив к тому письменному знаку наверх титло Христово — f, четвероконечный Крест и узришь. Именно так видел преобразование четвероконечного Креста пророк Иезекииль, так же видел четвероконечный Крест в Апокалипсисе и Иоанн Богослов, — Крест, которым Ангелы запечатлевали рабов Божиих. Как и Иезекиилю открылось,

так и блаженному Иоанну: не восьмиконечное, но четвероконечное крестное знамение.

А то, что о четвероконечном, а не о восьмиконечном Кресте, как печати Христовой, известуются рабы Божии, то пишет и святой Ипполит в упомянутом своем слове: "Того ради антихрист поклонникам своим даст печать свою на руке десной и на челе, да никтоже Честной и Животворящий Крест сотворить десной своей рукой на челе (не сможет): но связана рука его будет, и оттоле власти не имать знаменати своя уды". То же и святой Ефрем в слове своем поучительном глаголет: "Даст (антихрист) на руке десной человеку, такоже и на челе мерзкий образ, да области не имать человек знаменати десной рукой знамением Христа Спасителя нашего".

Явно и то, что четвероконечный Крест знаменует чело наше и прочие части тела, когда крестимся мы своей правой рукой. Так же, как ныне четвероконечный Крест печать Христова на челах верных есть, так будет и в дни антихристовы.

Какова же будет печать антихристова? Святой Ипполит ясно повествует, что не Крест, но нечто иное будет печатью антихристовой. Вышеупомянутый святой так в "Слове" своем о том глаголет: "Даде Господь знамение, иже в Него верующим, Честный Крест. И той (антихрист) подобие даст свое знамение... Все, уклонишася от Бога и льстецу (антихристу) вероваша, приемше начертание скверного богоборца вместо Животворящаго Креста Спасова". Таково, яснейше солнца, свидетельство этого святого, древнего и славного архиерея и мученика, Ипполита, — что не Крест будет печатью антихристовой. Чем же он тогда будет? Раскольники в своем свитке лживом толкуют, что будто бы святой Ипполит говорит, что верующие в антихриста будут знаменоваться не Животворящим Крестом Стасовым, а "крыжем латинским". Но этих слов — "крыж латинский", — отнюдь нет в Ипполитовом "Слове" нигде. Раскольники те словеса от своего суемудрия к словам святого приложили, облыгая истину и желая похулить Крест четвероконечный. А какова будет печать антихристова, явно говорит в Апокалипсисе Иоанн Богослов: как начертание или имя зверя, или число имени его, — то и будет печатью антихристовой. То же свидетельствует и святой Андрей Кесарийский: "Уготовит (антихрист) избивати непоклоняющихся ему, и начертание пагубное имени отступника на всех положити потщится". И кто более сего дерзнет еще умствовать? Разве захочет кто еще имя антихристово взыскивать? Но какое его имя будет, — того никто не сможет уведать, ибо Бог утаил то от любопытства человеческого, как и говорит о том святой Андрей: "Аще была бы потреба яве ведати, каково имя (антихристово), узревый бы его (то есть Иоанн Богослов) откры. Но не изволи Божественная благодать в Божественной книге имени пагубного написану быти". Если же Бог не изволил открыть, то кто уведает утаенное Богом?

Изыскивали некоторые из древних святых имя антихристово и обрели некие следы имени его или подобия имени его, но гадательно, а не

утвердительно о том говорили. Так, святой Ипполит глаголет: "Печати число его 666. Но как поразмыслию, то небезопасно извещать об этом в писаниях, ибо многие имена в числе сем обретаются". Так же рассуждают об именах антихристовых, содержащих в себе то число, и прочие святые. Так же сказано и в Андреевом "Толковании" на Апокалипсис (в "Слове" 13).

Мы же так размыслим: если древним святым не открывалась та тайна, как подлинно имя антихристово уведать, то кто же из нынешних богословов уведать может сию тайну, каковую Бог никому не открыл?! И пытаться мудрствовать о том не только не потребно, но и бесполезно. Верно глаголет Андрей святой: "Известное ведение числа, как и прочая о нем (антихристе) писанное, время откроет". Нам же уже должно быть того довольно, что обрели мы неложные свидетельства святых отцов, что четвероконечный Крест не может быть печатью антихристовой. А потому лгут раскольники и еретически хулят четвероконечный Крест Христов, неправедно нарицая его "печатью антихристовой". А ежели хотят они ложь свою правдой показать, пусть покажут нам что-либо из Божественного Писания или из творений древних отцов, свидетельствующее об этом. Кто когда писал или говорил: Апостол ли какой или Пророк, или учитель, или исповедник, или мученик, или преподобный какой, или какие церковные книги свидетельствуют о том, что четвероконечный Крест может быть печатью антихристовой? А раз не показывают они свидетельств достоверных, но только силятся доказать то своими ложными вымыслами, то кто же к ним веру будет иметь? Как не может дом стоять, на песке созданный, без основания, так всякое слово и учение без свидетельства истинного и ясного показания не может существовать. Пусть раскольники свидетельствуют о своем от святых старых книг, а не от собственных, новых и лживых. Но нигде не могут найти они такового свидетельства. Да притом четвероконечный Крест хулят, называя его "печатью антихристовой", а сами четвероконечным Крестом знаменуются, — то есть "антихристовой", по их суемудрию, печатью знаменуются" Потому и не христиане они суть, но антихристиане.

(Из книги "Розыск " святителя Димитрия Ростовского)